

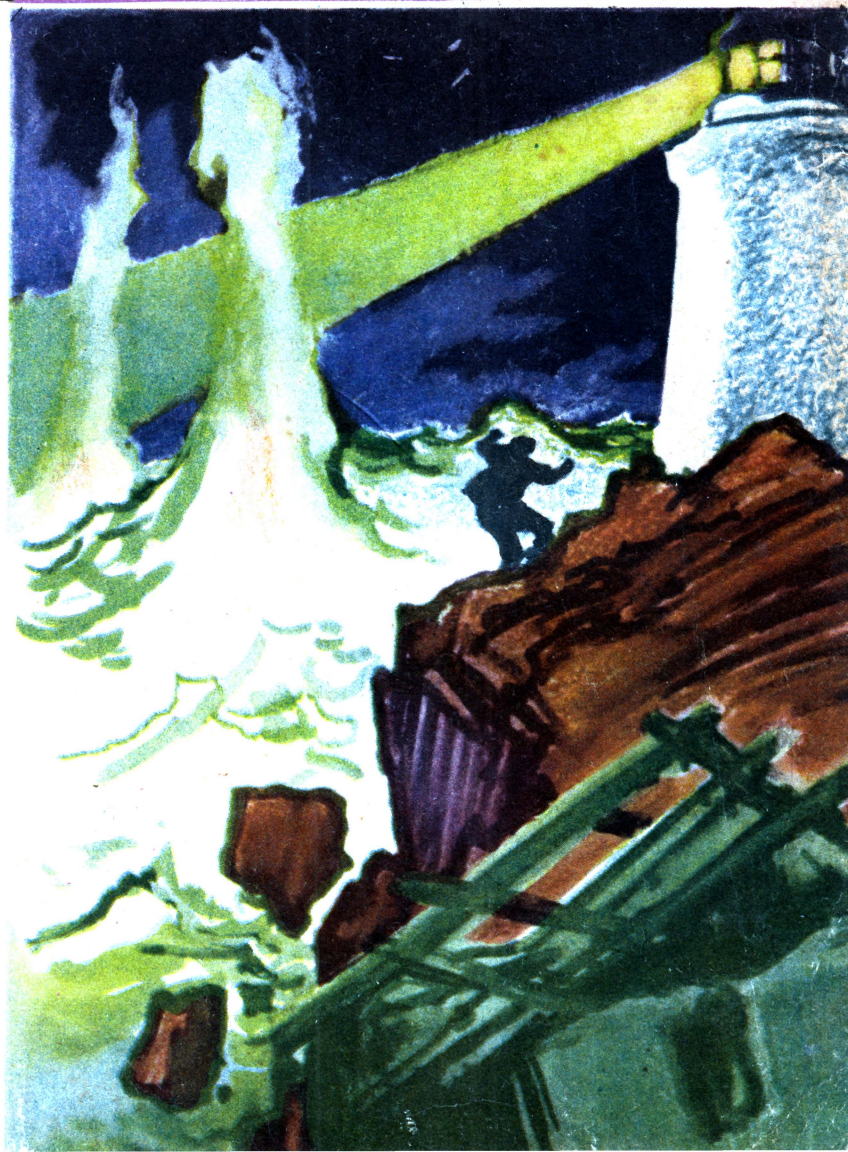
6
1965

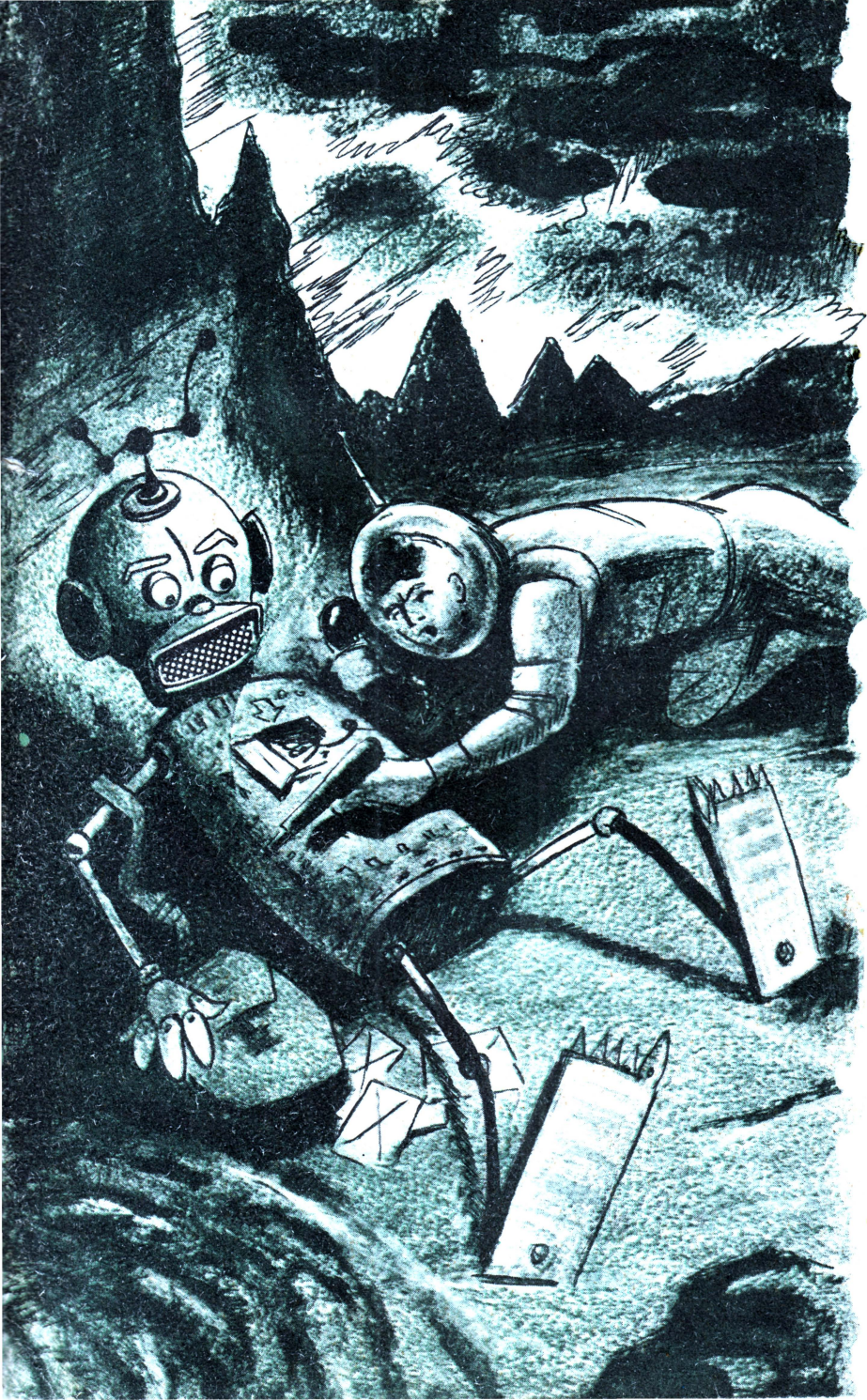
Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Л. ПЛАТОВ. Когти тигра	3
Владимир МИХАЙЛОВ. Одиссея Валгуса	45
Александр ЛУКИН. В разведке так бывает...	78
Роберт ШЕКЛИ. «Особый старательский»	90
Владимир САКСОНОВ. Дальний поход	111
Гюнтер ПРОДЛЬ. Господа грабители считают своей честью...	130
Ф. ЭНСТИ. Стекланный шар	148
А. КРЫМОВ. По забытым страницам	157

№ **6** (30)

1965
пятый
год
издания

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Л. ПЛАТОВ

КОГТИ ТИГРА

Главы из повести

ОКОЛДОВАННЫЙ МОРЕМ

1

— Держись за шляпу, эй! Ветром унесет!

— Рот-то, рот закрой! Сам закроешь или помочь?

Эти и им подобные замечания остаются без ответа.

— Та тю на тебя! Чего ж ты молчишь? Чи ты моря не видал, чи как?

Мальчик лет тринадцати, в свитке и широкополой соломенной шляпе (по-украински — брыль) неподвижно стоит на ступенях Графской пристани — глаз не сводит с моря.

Так вот, стало быть, оно какое, это море!

Конечно, он уже не раз видел его, но только на картинках. И там оно было совсем другое, не живое. Сейчас море движется, без усталости наплывает на берег, а коснувшись причала, куда-то уходит. Куда? Волны, к сожалению,

невысокие, рябь, или, по-флотски сказать, зыбь. А поглядеть бы, что бывает, когда шторм? О!

Два беспризорника, метя длиннополыми лохмотьями лестницу, нервно кружат подле мальчика в брыле. Внимание привлекает не столько пресловутая шляпа на голове, сколько торба, лежащая в ногах. То и дело на пятнистых от грязи плутоватых физиономиях сверкает улыбка.

Все трое, наверное, ровесники, но эти в лохмотьях по макушку набиты житейским опытом, тогда как владелец торбы прост и наивен, как подсолнух.

И хоть бы зажал коленями свое имущество! Хоть бы огрызнулся разок! Нет, оцепенел. Стоит и молчит, как околдованный.

Выбивая пятками дробь, тряся рукавами и многозначительно перемигиваясь, беспризорники все сужают и сужают круги.

Наконец в результате длительных подмигиваний и подскакиваний торба исчезает.

Околдованный морем смогрит себе под ноги, потом в растерянности оглядывается. В просветах между колоннами никого, лестница пуста.

В торбе были между тем сало, смена белья и недочитанная книжка. Были! Машинально рука тянется под брыль, к затылку. Почему-то в Гайвороне на Черниговщине принято чесать в затылке при подобных печальных обстоятельствах.

Но что там торба! Тотчас же он забывает о ней, потому что незадолго до ее похищения произошло нечто гораздо более ужасное. Его не взяли на корабль!

За деревьями на площади виднеется бронзовый Нахимов. Он стоит спиной к приезжему. Поза говорит сама за себя. Прославленный флотоводец недвусмысленно дает понять, что до приезжего ему нет никакого дела.

Еще более неприятливо ведут себя львы, лежащие по обеим сторонам лестницы. С подчеркнутым равнодушием они воротят от гайворонца свои надменные каменные морды.

Странно, очень странно!

А ведь он просился даже не на самый большой корабль, крейсер или линкор, согласен был на любой, пусть маленький, пусть катер, лишь бы тот был военный.

В гавани, как он и ожидал, их было полно, этих военных кораблей. Все одномастные, серые, чтобы сливаться с морем и без следа исчезать в тумане, это-то он уже знал. Пушки грозно торчат в разные стороны. С палубы на причал переброшены сходни, возле них высятся вахтенные. А на мачтах, или как там: на реях? — полощутся веселые флаги!

Перекинув торбу через плечо, он обошел все корабли, не пропустил ни одного. Сердце в груди трепетало, как флаг. У сходней он останавливался, стаскивал свой брыль, говорил: «Драстуйте вам!» После этого долго переминался с ноги на ногу, держа брыль у живота, ожидая, когда на него обратят внимание: по-деревенски вежливый, очень терпеливый.

Один из старейших советских писателей-приключенцев, Леонид

**ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ
ПИСАТЕЛЯ**

Дмитриевич Платов, — автор нескольких романов и повестей. Им написаны такие полюбившиеся читателю книги, как «Секретный фарватер», «Страна семи трав», «Архипелаг исчезающих островов» и другие. В настоящее время писатель работает над новой книгой — «Когти тигра». Это повесть о человеке, совершившем замечательный подвиг в годы Великой Отечественной войны. С первой частью повести, рассказывающей о юности героя, о становлении его характера, мы предлагаем познакомиться читателю.

Его замечали. Матросы, свободные от вахты, перевешивались через поручни, вступали в разговор. Выяснялось, что на корабле юнга не требуется. Разговаривали, однако, дружелюбно, советовали малость обождать, подрасти, а ведь это дело нехитрое: надо лишь вернуться домой и побольше есть борща и галушек, не заметишь, как и вырастешь.

Он печально кивал, потом брел к следующему кораблю.

Так он прошел весь причал, и ни разу не раздалось долгожданное: «А хлопцев вроде ничего себе. Вахтенный у трапа, пропусти на корабль!»

Да, тут хочешь не хочешь, а зачешешь в затылке!

Но, даже стоя в этой бесславной позе на ступенях пристани, Мыкола Григоренко ни секунды не думал о том, что из затей его ничего не вышло и теперь надо возвращаться в Гайворон.

Покинуть море, корабли? Это было невозможно. Особенно сейчас, после того как он их увидел...

Не проявилось ли, однако, в этом свойство возраста? В тринадцать-четырнадцать лет в жизни все кажется легко достижимым — как в сказке, стоит лишь очень пожелать. Впрочем, хочется думать иначе. Быть может, наш в общем не слишком-то уютный мир приветливее распахивается, когда на него смотрят такими доверчивыми, мальчишески восторженными глазами?

Мыкола ощутил толчок в плечо. Сжав кулаки, он обернулся. Опять эти... пятнистые?

Нет. На лестнице стоял опрятно одетый хлопец примерно одних с ним лет, с совершенно круглым, очень веселым лицом. Вначале, однако, понравилось не лицо. Внимание привлекли великолепные сапоги. Правильнее даже назвать их ботфортами. Они были резиновые, непомерно длинные, настолько длинные, что верхнюю часть их пришлось вывернуть наизнанку и с небрежной лихостью спустить раструбом на икры. Ботфорты делали хлопца похожим на Кота в сапогах. Это невольно располагало к нему.

К сожалению, Мыкола произвел на него менее благоприятное впечатление.

— Ну и шляпа же у тебя! — сказал Кот в сапогах, прищурясь. — Знакомая лошадь подарила? У нас в Севастополе такие лошадям надевают, чтобы голову не напекло.

Начало разговора как будто предвещало драку. Но и тут сказалась исконная гайворонская медлительность. Пока Мыкола, нахмурясь, набирал воздуха в грудь, пока замахи-вался, незнакомец, как воробей, скакнул на две или три ступеньки повыше и, словно бы не случилось ничего, преспокойно уселся.

— Про шляпу забудь! — сказал он. — Это я пошутил. Садись и рассказывай: почему такой печальный?

Он выслушал Мыколу, не отрывая от него серьезного взгляда.

— Из дому подался, это ничего, — заметил он снисходительно. — Я и сам думаю податься кое-куда. Но это потом. Револьвера не имею. Пожевать хочешь? — неожиданно спросил он.

Мыкола подумал, вспомнил об исчезнувшем сале и со вздохом сказал, что хочет.

— Тогда чего же на пристани, как граф, расселся? Айда!

И он повел Мыколу за собой.

Он вел его очень долго, какими-то спусками и подъемами. Выглядело так, словно бы морской город Севастополь построен на окаменевших волнах.

И это тоже нравилось Мыколе.

На вершине горы остановились передохнуть. Рядом был собор, а у ног большие белые дома. Дальше синела бухта, и в нее медленно входил пароход, тоже большой и белый, как дом. Мыкола даже задохнулся от восторга.

Потом они ехали куда-то на трамвае. Конечной остановкой была Кадыковка, окраина Балаклавы. Низенькие хатки ее были крыты не соломой, как в Гайвороне, а черепицей. Казалось поэтому, что на них дольше удерживаются отблески заходящего солнца. Оно было большущее, красное и нехотя погружалось в море.

«Нигуды не пойду звидсь!» — сказал про себя Мыкола.

Мазанка, где жил Кот в сапогах — его звали Володька, — была очень низенькая, взрослым приходилось нагибаться, входя в дверь. Но внутри было чисто, уютно.

И за ужином Володька проявлял заботу о Мыколе: почти не давал ему говорить, сам растолковывал родителям, что вот, мол, хлопец заболел морем, но где же и лучше лечить эту болезнь, как не у нас в Севастополе, верно?

Мать молчала — она была вообще молчалива, а отец охотно улыбался. Лицо у него было такое же круглое, как у сына, только с усами, очень пышными.

Он был вожаком знаменитой в Балаклаве ватаги, то есть рыбацкой артели. Судьба Мыколы, таким образом, ре-шилась.

Однако оказалось, что любовь его без взаимности: он любил море, но море не любило его.

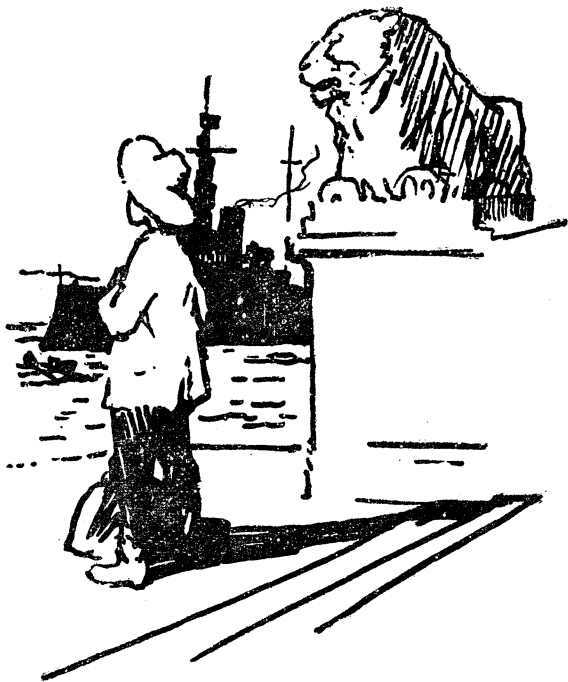
Он укачивался!

В таких случаях хлопотливый Володька старался быть рядом.

Вместе с ним являлась на выручку тень адмирала Нельсона.

Конечно, отчасти утешительно было узнать, что и Нельсон укачивался. Но ведь он был адмиралом. Кто бы осмелился списать его за это с корабля? А Мыколу запросто могли списать. Подумаешь, кухарь на сейнере! (Такая была у него незавидная должность.) И это даже не юнга, всего лишь юнец на посылках, почти что прислуга за все.

Да и кухарь-то он был никудышный. Пожалуй, самый

никудашний на всем Черном море. А может быть, даже и на остальных морях.

Все вечно валялось у него из рук: ложки, плошки, тарелки, сковородки.

Как-то выйдя с вечера в море, рыбаки были вынуждены обходиться за завтраком одной-единственной ложкой на всех. То-то досталось растяпе-кухарю! Накануне, споласкивая ложки после ужина, он по рассеянности шваркнул их за борт вместе с водой из бачка.

— Ну что ты такой задумчивый? — попрекал его Володька. — Это в сквере на лавочке можно быть задумчивым. А море, учти, не любит задумчивых.

Зато, к удовольствию своего покровителя, Мыкола быстро научился чинить сети, сушить их и укладывать в сейнер. А когда начинал сращивать концы пенькового троса или чистить якорную цепь металлической щеткой, то тут уж можно было просто залюбоваться его работой. Откуда и прить бралась в руках, тех самых, которые превращались в грабли, в нелепые растопыри, едва лишь ухватывали что-нибудь ломкое, хрупкое, бьющееся.

— Имеет талант в пальцах! — объявил вожак ватаги. — И зачем ему маяться с нами в море? Шел бы себе в слесаря или в кузнецы.

Володька вступился за Мыколу.

Мается, да, но молча. Чуть засвежеет, сразу делается весь зеленый, а пощады у моря не просит, зубы стиснет и работает!

О собственных своих сомнениях Мыкола не говорил никому, даже Володьке. Поверял лишь ночью куртке, которая заменяла ему подушку, — у хозяев не водилось лишних подушек.

И домой отписал, что все добре, в семье у вожака ватаги принят, как родной, ходит не только в море, но и в школу. Все им довольны, море тоже...

Летом ватага ловила кефаль, серебристые стада которой близко подходят к берегу. Осенью та же кефаль, войдя в возраст, называлась уже лобанами. Рыбу-лежень, плоскую камбалу ловили на крючковую снасть. А ставрида по глупости шла на подсвечивание.

И сейнером своим был доволен Мыкола. Сейнер был, конечно, невелик, но с самолюбием, сам себя, наверное, считал главным судном на Черном море. Качало на нем ужас как, зато слышно его было издали. «Пух-пух-пух!» — повторял он на ходу, издали оповещая всех о себе.

На такой скорлупе нелегко было в свежую погоду. Зимой сосульки намерзали на вантах и немолчно звенели во время качки. Впрочем, спалось под этот звон неплохо.

Команда сейнера — это капитан, рулевой, два моториста и четыре рыбака, которые ставят и выбирают сети. А кухарь в свободное от приготовления пищи время помогает и тем и другим.

Выбирать сети почти так же интересно, как стоять на руле. Что за диковинные твари живут в Черном море!

И названия у них смешные, расскажи в Гайвороне, не поверят.

Морская игла, морской скорпион, морской таракан, морская собачка (названа так за то, что умеет больно щипаться), морская лисица, морской петух, морской конек (очень похож на шахматного). И есть еще в море скумбрия-баламут и дельфин-пыхтун (очень смешно пыхтит и отфыркивается).

Под камнями у берега живут всякие крабы, среди них стыдливый (называется так потому, что, будучи пойман, закрывает клешнями «лицо»).

В море также обитает моллюск-диверсант. На вид это безобидный червячок, но питается он деревянными сооружениями — сваями и днищами судов. За полтора летних месяца успевает проточить доски до двух с половиной сантиметров в глубину. Поэтому все деревянные суда обшивают медью, цинком или же почаше вытаскивают для просушки на берег.

Однако самыми интересными животными в Черном море Мыкола считал дельфинов.

Были они любопытны и доверчивы, не боялись вплотную приближаться к судну, весело играли под его кормой и подолгу сопровождали в море. Любопытством дельфинов пользовались рыбаки. Как бы приманивали на шум винтов, а когда животные приближались, били по ним из ружей.

Ловили дельфинов и сетями. Загоняли их, стуча под водой камнем о камень, кричали, свистели, улюлюкали, тархатели в ведра и сковородки.

Вот когда, наконец, кухари могли отвести душу!

Мыколе посчастливилось как-то быть загонщиком. Он так и не понял, способ ли это лова, почти первобытный, ныне уже оставленный, или же просто вожак решил доставить развлечение рыбакам.

В тот раз дельфины упрямылись, не хотели идти в сети. Сейнеры покачивались на мертвой зыби, тесно сомкнувшись. И вдруг мановением руки вожак приостановил шумовой концерт. Кухари замерли у борта, дрожа от нетерпения.

— Желаяющие — в воду!

Тотчас над палубами стало пестро от торопливо стакиваемых тельняшек. Восторженно вопя, Мыкола первым кинулся за борт. С тонущего корабля не прыгают быстрее!

Тут-то и началось раздолье! Вода между сейнерами и сетью была сразу сбита в пену. Кутерьма поднялась такая, что и кит с перепугу кинулся бы, наверное, в сети.

Но когда Мыкола вернулся домой, настроение у него изменилось. Вроде бы щемило на сердце. Взрослые, узнав об этом, посмеялись бы снисходительно. Что делать: взрослые так быстро забывают, что когда-то и сами были детьми.

Мыколе стало жаль дельфинов. Бедняги! Они были такие игривые, забавные, совсем веселые черненькие свинки. Не хотелось причинять им боль. Гораздо приятнее было бы поиграть с ними в пятнашки.

И разве это не было предательством? Когда они доверчиво шли на шум винтов, в них начинали палить. Словно бы подозвали симпатичного пса, но, едва лишь тот, улыбаясь и виляя всем телом, кинулся бы к вам, вы вдруг ни с того ни с сего больно пнули бы его ногой.

А загон в воде — это было совсем нехорошо. Дельфинам, наверное, тоже хотелось поиграть в воде с кухарками.

3

И Володька после загона был в плохом настроении. Хмурился, молчал.

Однако долго молчать было не в его характере. Устраиваясь спать в каморе, где они ночевали с Мыколой, Володька отрывисто сказал:

— Рыба глупа, дельфин умница. Почему?

Мыкола не знал.

— Мог бы догадаться. Не в Гайвороне своем живешь, дельфин всегда перед глазами. Ответь: почему он перед глазами?

Мыкола продолжал молчать.

— Пароходы сопровождает, прыгает, кувыркается, всячески себя выказывает. Или кинется на пляж, курортников из воды погонит. Для смеху, конечно. Ну, смекаешь, нет?

Это была обычная манера Володьки. Когда Мыкола стал чувствовать себя совершенным дураком, друг его соблаговолил перейти к пояснениям. Оглянувшись, понизил голос:

— Весть подает!

— Яку весть? — тоже оглянувшись, спросил Мыкола.

— Я, мол, человеком был.

— Брэшэш!

— Стану я брехать! Дельфин же вроде оборотня. Слышал про Атлантиду?

Но и про Атлантиду Мыкола не слышал.

Был, оказывается, такой остров, очень большой, с красивыми городами, башнями, лесами и реками, но затонул от землетрясения, как тонут корабли в бурю.

Однако население, по словам Володьки, успело загодя подготовиться. Ученые были там очень умные, даже предсказали срок — через столько-то лет остров потонет. И жители начали тренироваться. Подолгу сидели под водой в бассейнах и ваннах — сначала по одной минуте, потом дольше и дольше. Также приучили себя есть сырую рыбу и водоросли — хоть и противно, а надо! В общем постепенно переходили на подводное довольствие. Ну, плавали, конечно, классно, об этом нечего и говорить. И когда, наконец, трянуло их, согласно предсказанию, то были уже вполне

подготовленные: полурыбы-полулюди. Вильнули плавниками и поплыли себе в разные стороны.

Мыкола сидел потрясенный.

— А мы з тобой в сети их!

— Да, некрасиво, брат. Но ты не перебивай! Не лезь поперед батки в пекло. Я все голову над прыжками их ломаю. Что бы эти прыжки означали? Может, код? Видел, как глухонемые на пальцах разговаривают? И тут вроде бы так. Скажем: два прыжка в одну сторону это «здоровствуй», три в другую — «прощай». Или еще как-нибудь иначе.

Лицо его приняло выражение, какое бывает у кошки, когда та сидит на подоконнике, а под самым носом ее за стеклом безнаказанно охальничают воробы. Он вздохнул.

— А может, на ученого выучиться, — неожиданно сказал он, — на такого, который по рыбам? Я бы подробрался тогда в этом коде. И потом двустороннюю связь между людьми и дельфинами! Они нам прыжками, а мы им флажками. Здорово, да? Но только чтобы окончательно считать дельфинов морскими людьми и в сети или из ружей — ни-ни! Чтобы уважать их и учить всему! Пусть помогают вместо водолазов, клады затонувшие ищут. Они бы с дорогой душой, я уверен...

Вообще Володька был выдумщик, беспокойный и непоседливый. Буквально разрывался между различными замыслами, которые роились в его круглой, наголо стриженной голове.

Однажды он простудился и с завязанным горлом сидел дома. Вернувшись с моря, Мыкола застал друга над картой обоих полушарий, вырванной из учебника. Чихая и кашляя, тот измерял на ней что-то циркулем, потом с глубокомысленным видом записывал на бумажке.

— Книжки рвэш? Маты будэ быты! — предостерег Мыкола.

Но Володька только дернул плечом. Потом прохрипел с натугой:

— Мыс Бурь. Мыс Горн. Красиво, да? — Сверился с бумажкой. — Тристан да Кунья. Тринидад. Море Кораллов. Пролив Магеллана. Бискайя! Гавайя!.. Ну, что молчишь? Конечно, ты гайворонский, лучше Черного моря ничего не видел.

— А лучше его и нет ничего.

Но моря Кораллов Володьке показалось мало. На ходу, без малейшего усилия, он придумал еще какие-то Гриппозные острова. Необыкновенное название дали им будто бы из-за очень плохого климата. Там, по словам Володьки, чихают все, даже капитаны дальнего плавания. Столица островов так и называется — Ангиния. А неподалеку располагается архипелаг Кашля. Он почти не исследован — сплошные болота. В общем Гавайи, ясно, получше.

— Поидыш туды? — упавшим голосом спросил Мыкола.

— Не по пути, нет. Всюду не поспеть мне.

Именно в тот вечер Мыколе был показан маршрут на

карте, пролежавший из Севастополя в Нью-Йорк. Гавайи действительно оставались в стороне.

Дело в том, что Володька собирался свергнуть капиталистов в США, для чего поднять тамошний рабочий класс, словно бы что-то приунывший за последнее время.

Спутников — и надежных — он без труда на вербовал бы среди кухарей. Дело не в спутниках.

Остановка была за малым. Нужно было рублей тридцать денег (на билеты и подкуп), также харчи примерно дней на десять. Но главное — револьвер. Как ни крути, без оружия не обойтись.

Далее события должны были развиваться так. Часть денег шла шоферу. Володька предполагал спрятаться под брезентом одной из машин, которые вывозили со складов рыбу. (Садиться на поезд в Севастополе неосторожно, могут задержать на вокзале.) Добравшись под брезентом до Симферополя, путешественники пересаживаются в поезд и беспрепятственно катят в Сибирь. Из Читы на верблюдах в Монголию, там помогут араты, сочувствующие мировой революции, и запросто перебросят в Корею. А оттуда уже рукой подать до Калифорнии. Вот тебе и Америка!

План, спору нет, был хорош. Мыкола тоже не любил американских капиталистов и на верблюдах еще не ездил никогда. Но как же с дельфинами? И потом для того, чтобы поднять заокеанский рабочий класс, пришлось бы расстаться с Черным морем, а этого он никак не хотел.

Володька рассердился. В отношениях с Мыколой привык повелевать, несмелые возражения его воспринял как бунт на корабле. Сиплым, напряженным шепотом — весь разговор, естественно, велся шепотом — он заявил, что в конце концов дельфины подождут. Кто важнее: американский рабочий класс или дельфины? Управимся в Америке, тогда и займемся дельфинами. Они-то, конечно, бедняги, их очень жаль, но как-никак ждали несколько тысяч лет, придется еще подождать.

Мыкола был подавлен. Просто не представлял себе, как будет жить без своего Кота в сапогах. Но ведь и без Черного моря не мог жить. Это были два его друга, оба требовательные, ревнивые и неуступчивые, особенно море.

4

Так и не довелось больше поговорить о Гавайях.

Через несколько дней во время лова дали семафор с проходившего мимо танкера: «Ваш курс пересекают мины, сорванные с якорей!»

Вероятно, это набедакурил шторм, который налетел вчера на побережье и причинил немало бед: повыбивал стекла в окнах, повалил деревья. Заодно сорвал он и мины с якорей.

Первым заметил опасность Мыкола.

Два шара плыли по течению на незначительном удалении друг от друга. Похожи они были отчасти на шлемы водолазов, но еще больше смахивали на чертей, которые, выставив головы из воды, двигаются гуськом по морю. Даже рожки торчали на их круглых черных лбах.

Пока сейнеры ухитро обходили мины, отец Володьки, служивший в молодости на флоте, рассказывал о повадках этих опасных тварей. Достаточно мине боднуть корпус корабля, или причал, или камень, чтобы согнулся рог-колпачок, хрустнула заключенная в нем колба и жидкость из нее пролилась на батарею.

— А потом?

— Электрический ток и искра! И над водой грохнут двести килограммов тринитротолуола!

— Три-нитро-толу-ол! — с благоговением повторил Володька. — Как заклинание, верно?

Мины были старые, обросшие ракушкой, — значит, очень долго находились под водой. Это было напоминание о войне: гражданской или даже мировой. Много лет мины спокойно покачивались под водой на минрепах, как грибы-поганки. Шторм всколыхнул воду вокруг них, минрепы лопнули, мины всплыли на поверхность.

Возник спор, цокнутся ли они друг с другом или же ветер переменится и погонит их на камни. И в том и другом случае мины взорвутся сами, иначе сказать — покончат жизнь самоубийством.

Но этого не произошло. Расторопный танкер вызвал минеров. А те знали, как заклинать злого духа, заключенного в бутылке.

Можно бы, не подходя к минам, расстрелять их из пулеметов. Однако места были людные, здесь пролегал фарватер. Поэтому с минами поступлено было более вежливо.

С тральщика спустили шлюпку. В нее сели двое: минер и гребец. Шлюпка описала полукруг. Подойти полагалось с подветренной стороны, чтобы шлюпку не навалило на мину.

Минер, сидевший на корме, закурил папиросу. Володька и Мыкола удивились. К чему еще этот форс? Рядом двести килограммов не леденцов, а взрывчатки!

Но то был не форс. Отец Володьки объяснил, что папиросу надо закуривать, даже если минер некурящий. Обе руки его заняты, а огонь должен быть наготове.

Минер перегнулся к мине. Гребец делал в это время короткие гребки, удерживая шлюпку на месте, на расстоянии вытянутых рук товарища. Тот с осторожностью подвесьил патрон к мине, потом, придерживая ее руками, наклонился над нею и огнем папиросы поджег бикфордов шнур.

— Дал прикурить! — с удовольствием пояснил отец Володьки.

Гребец был наготове, не спускал с минера глаз. Тот выпрямился, гребец сразу же навалился на весла. А минер, повернувшись к товарищу, стал ему помогать, налегая на весла, чтобы гребки были сильнее.

На сейнерах притаили дыхание.

Шлюпка удалялась от мины очень быстро, рывками. Когда от нее было уже метров семьдесят, гребец и минер легли на дно шлюпки.

Мина «курила» очень быстро. Секунды, отмеренные длиной шнура, истекли. Со звуками обвала поднялся над водой столб дыма, черный-пречерный. То, грубо ругаясь и топоча ногами, выбрался из мины черт, по имени Тринитролуол!

А через несколько минут тем же путем последовал за ним и братец его из второй мины.

Володька и Мыкола были горды и счастливы. Не каждому в Кадыковке удается увидеть такое.

Рыба в тот день не шла, — видно, распугали взрывы. Домой пришлось вернуться с пустыми руками.

Зато воспоминаний было, воспоминаний! Дотемна Володька торчал на улице — без усталости описывал взрыв, с каждым разом кое-что прибавляя и совершенствуя в рассказе.

— Угомонись ты! — прикрикнула мать. Но он не мог угомониться.

5

Володька объявил, что надо бы половить крабов у причала. Как всегда, отправились с ним младший брат его Евстигней и, конечно, верный Мыкола.

Волны занимались у берега обычной своей возней, копошились подле камней, пробуя, прочно ли те сидят, и что-то недовольно бормоча. Камни, наверное, сидели прочно.

Тайком от отца Володька отлил немного нефти в ведро и намотал на две палки асбестовый канат, закрепив его проволокой. Войдя по колени в воду, краболовы зажгли свои факелы. Приходилось время от времени обмакивать их в нефть, чтобы поярче горели.

Пятна света взапуски поплыли по воде.

Крабы, потревоженные в своем сне под камнями, ослепленные светом, ничего не могли понять. Только огорченно и растерянно разводили клешнями, будто говоря: «Как же так? И как это нас угораздило?»

Евстигней стонал и приплясывал на берегу от нетерпения. Он не получил факела. Он был на подхвате.

В корзине уже ворочались семь красняков и одиннадцать камешников, как вдруг Володька выпрямился:

— Полундра!

От неожиданности Мыкола уронил в воду огромного красняка. Метрах в сорока от берега чернел шар. В звездном мерцании, разлитом над морем, тускло отвечивала его поверхность. Вот он колыхнулся и набычился, показав свои рожки. Правильно, мина! Она почти неприметно дви-

галась на длинной зыби, словно бы укоризненно качая лысой головой: «Ах, дети, дети! Крабов ловите? А вам спать давно пора!»

Мина была, вероятно, из той же семейки, которую растормошил вчерашний шторм. Только эта подзадержалась, — быть может, заглядывала в какие-нибудь бухточки по пути.

Ночь и мина на фарватере! Мыкола достаточно времени провел среди рыбаков, чтобы понять, чем угрожает это судам, которые находятся сейчас в море.

Как всегда, Володька проявил решительность:

— Евстигней! Беги к батю: еще рогатик один! Пусть флотских вызывает.

— А ты?

— Следом за ней пойду.

— И я.

— Нет. Что стоишь? Как дам разá!

Громко рыдая от обиды и зависти, Евстигней припустился бежать.

— Мыкола, ведро сюда! Весла, весла тащи!

Спотыкаясь, отчаянно спеша, Володька и Мыкола ввалились в ялик.

— Сильно не гребите! Табаны! Снова гребите! Табаны! Ближе нельзя. Как флотские, понял?

Мина неторопливо плыла вдоль берега, не удаляясь от него, но и не приближаясь к нему. Конвой на ялике сопровождал ее, держась на почтительной дистанции.

В море стало меньше пахнуть водорослями, воздух, насыщенный солью, сделался словно бы плотнее.

Впереди сверкнул огонь.

Володька встал с банки, обмакнул в ведро зажженный факел и принялся им размахивать. Днем мог бы отличиться, просемафорить сигнал «Веди», что означает: «Ваш курс ведет к опасности». Ночью, за неимением фонаря, пришлось пустить в ход факел. Но это было даже интереснее, больше напоминало описание кораблекрушений.

Мальчикам очень хотелось, чтобы навстречу шел пассажирский пароход водоизмещением две тысячи тонн, не меньше, рейс: Одесса — Батуми. И чтобы пассажиры толпились у борта, вглядываясь в темноту и переговариваясь взволнованными голосами. И капитан, стоя на мостике, проносил бы по мегафону свою благодарность. И над морем, притихшим, наострившим уши, гулко разнеслось бы: «Спасибо, хлопцы! Предотвратили кораблекрушение!» А они, предотвратившие кораблекрушение, наслаждаясь всем этим, сидели бы в ялике и смотрели, как мимо проплывают ряды ярко освещенных иллюминаторов...

Но им повстречался не пароход, а какой-то катер-торпыга. На слух можно было угадать, что он не молод — слишком громко страдает одышкой и кашляет, — наверное, пора перебрать болиндер.

Сигнал Володьки был сразу отретирован, то есть повторен, в знак того, что понят. На катере помахали фонарем,

потом увалились мористее. Вскоре огонек без следа растворился в переливающимся искрами море.

Вот и все — как-то уж очень по-будничному, без приветственных речей и слез благодарности!

А за что благодарить? Выполнен моряцкий долг, товарищи предупреждены об опасности — так и положено на всех морях и океанах.

Но после этого сразу стало скучно и холодно. Время, наверное, повернуло уже на второй час, минеры не появлялись. А береговое течение продолжало уносить мину по направлению мыса Фиолент, все дальше и дальше от Балаклавы.

Море вокруг раскачивалось и фосфоресцировало. От беспрерывного мелькания искр клонило в сон, глаза слипались.

Вяло двигая веслами, Мыкола думал о том, как хорошо бы завалиться сейчас на койку, с головой накрыться одеялом. Вряд ли встретятся еще суда, а утром минеры и сами найдут мину. Но Володька не подавал команды. Мина, поддразнивая, все приплясывала и приплясывала, как дурочка, на широкой зыби.

Наверное, и Володька приустал, потому что сидел нахохлившись. Затем, чтобы отбить сон, громким голосом заговорил о дельфинах и «Черном принце».

Примерно в этих самых местах лет этак семьдесят назад затонул английский пароход, груженный золотыми монетами. Тогда была Крымская война, «Черный принц» вез жалованье английским солдатам и офицерам, которые осаждали Севастополь. Жалованье, однако, осталось невыплаченным. Налетел невиданной силы шторм, много английских и французских кораблей легло на дно. Среди них был и «Черный принц».

Вот когда были бы кстати дельфины-водолазы! Дело не шуточное, пахнет миллионами. Поднять бы их с помощью дельфинов, а? Сколько новых домов отдыха и санаториев можно построить в Крыму на эти деньги!

Мыкола мерно кивал головой. Все это было интересно, но искры продолжали мелькать перед глазами. На одном кивке голова опустилась к веслам и уже не поднялась.

Ему представилось, что он сидит на камнях, а из прибрежной пены один за другим выплывают его подручные — дельфины, держа во рту золотые монеты. На это было приятно смотреть. Рядом с Мыколой выростала на гальке гора монет.

Тут-то мина и рванула!

Вероятно, от ялика она находилась в этот момент метрах в двадцати, не очень близко, но и не очень далеко.

Со сна Мыкола ничего не понял.

Куча монет со звоном рассыпалась, дельфины куда-то пропали. Свистящий вихрь грубо выхватил из его теплой страны сновидений, куда он начал было уже неторопливо углубляться.

Грохота он не услышал, не успел услышать, увидел только пламя. Почему-то оно было где-то сбоку и в то же время внизу.

Все море под ним длинно сверкнуло.

Мыкола ощутил себя в воздухе, но лишь на мгновение. Волны стремительно подскочили и...

Он пережил весь ужас предсмертного удушья. «Лопнет сердце! Не могу дышать, не могу, не могу!»

Темно стало вокруг. Будто гробовой доской прихлопнуло...

СИНЬ ЗА ОКНОМ

1

Доска, однако, сдвинулась.

Оживать оказалось еще труднее, чем умирать. И дольше! Слишком узкой была эта щель — обратно в жизнь. Чтобы снова протиснуться сквозь нее, надо было затратить невероятно много усилий.

Но он очень старался.

Наконец ему удалось протиснуться обратно. От боли он застонал и открыл глаза.

Высокий потолок. Это хорошо! Комната полна света и воздуха. А за окнами синее море.

Спрыгнуть на пол и подбежать к окну! Мыкола порывисто вскинулся, но смог лишь приподнять голову над подушкой. Тело не подчинялось ему.

И тогда он опять застонал, потому что понял: ожил наполовину.

Пытка неподвижностью — вот что это такое. Попробуйте-ка полежать несколько часов на спине, совершенно не двигаясь, будто бы вас гвоздями прибили к кровати. И смотрите в высокое окно, за которым море и верхушки кипарисов. Вообразите при этом, что вам всего четырнадцать лет и вас прямо-таки распирает от желания бегать, прыгать, кувыркаться, так и подмывает вскинуться, стукнуть голыми пятками об пол и опрометью выбежать из палаты.

Долго болея и постепенно теряя подвижность, человек, возможно, как-то привыкает к такому состоянию, если вообще к нему можно привыкнуть. Но чудовищное превращение — в колоду, в камень произошло с Мыколой мгновенно.

Вдобавок он не мог понять, как и почему это с ним произошло. У него в результате контузии отшибло память.

Казалось, всего несколько минут назад ходил, бегал, прыгал, смеялся, а теперь лежит плашмя на больничной койке, не может двинуть ни рукой, ни ногой, будто туго спеленат. Над ним склоняется озабоченное лицо нянечки, его поят с ложечки лекарством, и откуда-то, как слабое дуновение ветра, доносится шепот: «Бедный мальчик!»

Несколько дней Мыкола провел в таком состоянии.

В голове прояснилось очень медленно. Вспоминать тоже было мукой. Ведь он опять должен был испытать весь пережитый им ужас, секунда за секундой, только в обратном порядке.

Врачи старались утешить Мыколу. Но он молчал, упрямо-сердито закрывая глаза. Утешители! Всем больным одно и то же говорят.

Он даже не мог отвернуться от врачей — должен был лежать, как положили, подобно бедному жучку, которого ни с того ни с сего перевернули кверху лапками.

Мыкола стал таким раздражительным, что едва вытерпел посещение двух рыбаков, приехавших навестить его. Вручив гостинцы — связку бубликов и шоколадку (как маленькому!), — они дальше уж и не знали, что делать. Уселись в ряд у его койки и стесненно откашливались, — при каждом движении трещали с трудом напяленные на них, туго накрахмаленные больничные халаты.

О мне гости могли рассказать не много, лишь поделиться своими догадками. Ее, вероятно, слишком близко придрейфовало к берегу, к каменистой отмели, волны начали забавляться ею, перекачивать с места на место, и свинцовые рожки погнулись.

В общем не дотерпела! А совсем немного бы надо дотерпеть. Катер с минерами из Севастополя уже приблизился, на нем начали спускать шлюпку.

— А почему я мотора не чув?

— Задремал, потому и не чув. И Володька на руле задремал. Хорошо еще, что вас осколками не зацепило. Ну, тут подоспели, конечно, минеры, стали тебя и Володьку, как глушеную рыбу, вытаскивать.

— А Володька дэ?

Оказалось, что и Володька контужен, вдобавок разодрал щечку о борт ялика, но уже идет на поправку.

Соскучившись сочувствовать, рыбаки завели разговор о кефали, о порванных сетях и наконец-то оживились. Мыкола был рад, когда они ушли.

Даже к приезду матери он отнесся апатично. Мать смогла пробыть всего три дня. Но и с нею он больше молчал.

— Бесчувственный он какой-то у вас, — соболезуя,

сказала докторша Варвара Семеновна. — Хоть бы слезинку уронил...

Но она просто ничего не знала. Мыкола плакал, только тайно, по ночам.

Принесли ему как-то книжку — «Евгений Онегин». Он читал ее весь вечер, а ночью сиделке, которая вязала в коридоре, почудился плач. Она на цыпочках вошла в палату.

Стоявший на полу ночник бросал полосу света между койками. Из всех углов доносились спокойное дыхание или натужный храп. Только на койке Мыколы было подзрительно тихо.

Он словно бы притаился, дышал еле слышно, потом все-таки не выдержал и всхлипнул.

— Ты что? Спинка болит?

— Ни. (Тоже шепотом.)

— Ну, скажи мне, деточка, где болит? Может, доктора позвать?

— Не треба, тетю.

Сиделка была уже немолодых лет, толстая, очень спокойная. Звали ее тетя Паша. Вздохнув, она присела на край кровати:

— Отчего ты не спишь, хороший мой?

В интонациях ее голоса было что-то умиротворяющее. И слово «хороший» произнесла она как-то по-особому, протяжно, на «о» — была родом из-под Владимира.

Нельзя же не ответить, когда тебя называют «хороший»! Нехотя Мыкола объяснил, что в книжке есть стих: «Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед». Голос его пресекался...

Но он преодолел себя. Ну вот! Когда в палате потушили свет, так ясно представился ему Гайворон, неяркое зимнее солнце и замерзший ставок у школы. Крича от радости, гоняет он по льду с другими хлопцами. Коньки самодельные, просто чурбашки с прикрепленной к ним проволокой. Но какую же радость доставляют они! Ни с чем не сравнимую! Быстрого движения!

Тетя Паша, наверное, сама когда-то бегала на коньках, потому что еще раз вздохнула. Потом она заговорила негромко и рассудительно, изредка вкусно позевывая. От одного этого позевывания становилось спокойнее на душе.

Мыкола, впрочем, не вдумывался в смысл слов. Просто журчал рядом ручеек. Казалось, на бегу перебирает круглые, обкатанные водой камешки, и каждый камешек был звуком «о».

Думая об этом, Мыкола заснул.

2

Но и в сон он не мог сбежать от себя.

Почти каждую ночь Мыкола заново переживал взрыв этой мины. Вскидывался с криком и минуту или две не мог понять, где он и что с ним.

Порой ему чудилось, что он заживо погребен, проснулся в гробу. (Был при нем случай в Гайвороне: один из односельчан стряхнул с себя сонную одурь в тот момент, когда уже заколачивали крышку гроба.)

Но чаще Мыколе казалось, что подводное течение с силой тащит его в расщелину между скалами, в какой-то грот, вокруг вода, а над головой навис камень.

Положение было безнадежное, он сознавал это. К горлу подкатывало удушье, охватывал панический страх. И он просыпался с криком.

В раннем детстве, когда снилось что-нибудь страшное, достаточно было приказать себе топнуть ногой, чтобы сразу же проснуться. Это заменяло сказочное: «Сгинь, рассыпья!»

Сейчас топай не топай — не помогало.

Он не мог спать в темноте. Вернее, пробуждаться в темноте. Тогда ужас пробуждения затягивался. Вскинувшись ночью, Мыкола обязательно должен был видеть свет.

Вечером, когда в палате готовились ко сну, он жалобно просил сиделку:

— Тетю, не выключайте!

Но свет люстры мешал соседям. Был, правда, ночник. Однако, Мыкола не видел его, так как лежал на спине. Проснувшись, видел лишь слоистый мрак над собой. И этот мрак давил, давил...

— Какой нехороший мальчик, — говорила нараспев Варвара Семеновна. — Ну, что ты капризничаешь?

Не сразу разобрались врачи в этих мнимых капризах. Наконец кровать Мыколы повернули так, чтобы он мог видеть перед собой окно.

То было очень высокое, чуть ли не до потолка, окно. Днем за ним сверкало море, ночью горел фонарь на столбе.

Мыкола полюбил этот фонарь. В трудные минуты он неизменно помогал, сияющее круглое лицо его ободряюще выглядывало из-за подоконника. «Не бойся, хлопче, не надо бояться! — словно бы говорил фонарь. — Все хорошо, все нормально. Ты не в гробу и не в подводном гроте. Ты в больнице, а я тут, рядом с тобой...»

3

На исходе третьей недели Мыкола с удивлением ощутил боль в ногах.

Сияя, Варвара Семеновна поздравила его с этой болью:

— Ну, молодец! Чувствительность уже восстанавливается. Теперь попробуй пошевели пальцами!

Он попробовал. Получилось. Да, ноги были его!

Так, не очень быстро, словно бы крадучись, возвращалась жизнь в его тело — с кончиков пальцев на ногах.

Вскоре Мыкола уже гордо восседал, обложенный подушками.

Затем через несколько дней к его койке подали роскошный выезд — колясочку. На ней он тотчас же принялся с большим удовольствием раскатывать, крутя колеса руками.

Жаль, гайворонские хлопцы не могли видеть его на этой колясочке! Ездил он быстрее всех больных, особенно лихо заворачивал.

С койки на колясочку, с колясочки на костыли!

Спустя неделю Мыколу высадили из колясочки и поставили на костыли. Он снова стал пешеходом.

Что ж, прыгать с костылями поначалу было занятно, напоминало какую-то игру. Подчас он воображал себя кузнечиком. Был бедным жучком, стал веселым кузнечиком!

И когда в одно из воскресений пришел к нему Володька со шрамом на щеке, Мыкола первым делом потащил его в коридор — не терпелось похвастаться своим умением.

— Ось побачыш! Бигаю, як на ходульках!

Он быстро запрыгал по коридору.

Костыли разъезжались, ноги тоже плохо слушались еще. Однако Мыкола старался изо всех сил. Проскакав до конца коридора и обратно, он притормозил и поднял к другу оживленное, покрасневшее, с капельками пота лицо:

— Ну, як?

К его удивлению, друг не сказал: «Здорово!» или «Молодец ты!» Только пробормотал грустно-растерянно: «Ой, Мыкола...»

Но он не умел долго горевать. Сразу же Володьке захотелось лично опробовать костыли, а еще через несколько минут он уже сидел на подоконнике, беспечно задирая прохожих и вместе с Мыколой поедая принесенные из дому коржики.

Давно не было так весело Мыколе. Медсестры и нянечки, пробегая мимо, с удивлением слышали его смех — впервые за все время.

И вдруг смех оборвался. Это уже под конец посещения. Володька сказал, что родители отправляют его жить к деду, в Харьков. Конечно, по известным Мыколе причинам (тут он многозначительно прищурился), он не собирается долго задерживаться у деда.

Мыкола понял: Америка! Но Кот в сапогах уже не звал его с собой. Лишь покосился на костыли и смущенно отвел взгляд.

В палату Мыкола вернулся очень тихий. Ночью опять возле него сидела тетя Паша, и под храп соседней негромко-успокоительно перекачивались по дну реки круглые камешки.

Пытаясь чем-то занять мальчика, Варвара Семеновна подарила ему пластилин.

Ничего, однако, не вышло из этого — к лепке у Мыколы не было никаких способностей.

Но вот однажды разахалась сестра-хозяйка: испортился замок, который надо повесить в кладовой, а слесаря, как на грех, под рукой нет.

Мыкола заволновался:

— Дайте мэни, дайте!

Ему вручили замок. Тетя Паша живо притащила своему любимцу клещи, отвертку, проволоку, связку ключей — все, что требуется в таких случаях. И он, сосредоточенно сопя, при недоверчивом внимании всей палаты, углубился в решение этой металлической головоломки.

Вскоре сестра снова ахала, на этот раз благодарно.

— Есть призвание к слесарному делу! — глубокомысленно объявил, будто поставил диагноз, сосед Мыколы.

Тот обернулся:

— А что такое призвание?

Сосед призадумался.

Между взрослыми загорелся спор. В этой палате любил спорить о жизни, особенно в сумерки, перед вечерним обходом.

— Призвание — это ж не то что профессия, нет? Бывает, что и не совпадают?

— Большой вред, если не совпадают.

— Призвание... А с чем его едят? Я считаю, был бы заработок добрый!

— По-капиталистически рассуждаешь.

— Отчего по-капиталистически? Когда я пацан был, как он (кивок в сторону Мыколы), батько ка-ак двинет меня по потылице! «Иди, — говорит, — бисов сын, у пекаря, хоч сытый будешь». От вам и призвание! А я, например, гармонистом хотел быть.

— Мало что хотел! Тебе, может, медведь на ухо наступил.

— Та й ще белый, га-га-га! Он же тяжельше.

— Брэшэш! Я на трехрядке добре грав. До аккордеона уже прыцинявся.

Доспорились в общем до того, что упросили сиделку принести из больничной библиотеки словарь.

Сосед Мыколы прочел вслух:

— «Призвание — склонность, внутреннее влечение к какому-нибудь делу, профессии...» — Он многозначительно повысил голос: «При обладании или убеждении, что обладаешь нужными для того способностями».

— Я ж и говорю, — подхватил шутник, донимавший пекаря. — Он в гармонисты хотел, а ему медведь...

— Тихо! Читаю: «Стремление применить свои способности делается при этом непреодолимой внутренней потребностью человека».

— Правильно написано, — вздохнув, согласился пекарь. — Непреодолимой! У мэнэ, значит, преодолимая була потребність. А дальше как?

— Дальше примеры идут: «Ты благородно поняла свое призвание актрисы». Некрасов. «О, кто же теперь напомни человеку высокое призвание его?» Опять Некрасов.

— Обход, больные, обход! — начальственный голос медсестры. — Булах, почему расселись на койке Григоренко? А вы, Глущенко? По местам, всем по своим местам!..

Раздумывая над слышанным, Мыкола долго не мог уснуть. Он так и не набрался духу сказать, что хочет быть

не слесарем, а моряком. Никто бы, наверное, не посмеялся над ним. Просто в палате воцарилось бы молчание. Потом все заговорили бы о чем-нибудь постороннем, отводя взгляд от маленьких костылей, приткнувшихся в углу.

Но, быть может, стать моряком как раз и было его призыванием?

4

Моряк — на костылях? Гм!

— Тетю, а чи бувають моряки на костылях?

Варвара Семеновна так удивилась, что даже перестала его выслушивать. Держа стетоскоп на весу, она заглянула ему в глаза: не шутит ли? Нет. Взгляд мальчика был печальный, настойчивый.

Надо отвечать. Но как? Она торопливо порылась в памяти. Кажется, есть что-то такое... Ага!

— Бывают, милый, бывают! Я в детстве читала у Стивенсона. Описан такой одноногий пират, это значит морской разбойник, он остался без ноги. И отлично, понимаешь, обходился. Имел под мышкой костылик, и все. Даже человека, по-моему, этим костыликом сшиб. Во какой бойкий был! Но тебе-то зачем? Ты же у нас скоро будешь без костылей.

Она сказала это громким, бодрым голосом. Слишком громким и слишком бодрым. Мыкола подавил вздох, потом принялся молча натягивать рубашку через голову.

Значит, описано у этого... у Стивенсона? Что ж, книгам нужно верить. Ну, хоть бы и был такой одноногий! Так ведь одноногий же!левой рукой, скажем, на костыль опирался, зато правая была свободна. А он, Мыкола, зубами будет шкоты натягивать, румпель придерживать? То-то и оно! Да еще шторм тряханет, на волне начнет круто класть...

«Ты у нас скоро без костылей...» Как бы не так! Это ведь в глаза говорится. А за глаза... Эх!

Конечно, ему не полагалось слышать то, что он недавно услышал. Но так получилось. Что ж, уши ему, что ли, закладывать ватой?

Дело было под вечер. Он дремал на своей койке. В палату зашла Варвара Семеновна — дежурила по больнице. Поговорили о болезнях, о выдержке, о терпении. Соседи начали его хвалить. Стало вроде бы стыдно и в то же время интересно. Он притворился спящим, даже легонько всхрапнул.

Варвара Семеновна сказала, что да, она согласна, мальчик неплохой, хотя довольно трудный, но что же делать: теперь надо с ним помягче, поласковее.

В палате удивились:

— Почему?

— Тише... Он спит?

Его окликнули. Он не отозвался.

Все-таки Варвара Семеновна понизила голос:

— Увы, тот редкий случай, товарищи, когда медицина вынуждена признать себя бессильной.

Пауза. Кто-то спросил растерянно:

— Неужели не сможет без костылей? Никогда?

И в напряженной тишине прозвучало, как эхо:

— Да...

В ту ночь Мыкола не сомкнул глаз. Лежал на спине и смотрел в потолок, по которому волнами ходили тени. Слово бы прежняя неподвижность сковала его.

Никогда!

Какое это страшное слово: никогда! Оно упало на него с большой высоты, как камень.

Утром он не запрыгал к окну, как делал обычно. Море расстилалось за окном, синее-синее. Но к чему теперь смотреть на него? Ведь оно только дразнит, мучает...

БОЛЕЗНЬ И ХАРАКТЕР

1

Мрачный, сердитый слонялся Мыкола по больнице. Костыли будто аккомпанировали его мыслям. Сухо пощелкивали, приговаривая в такт: «Так-то, брат! Так-то, брат!»

Однажды по рассеянности он забрел в женское отделение.

Там он увидел девочку, которая читала книгу, пристроившись у окна в коридоре. Она сидела на табуретке, согнувшись, уперев руки в колени. Раскрытая книга лежала на другой табуретке перед нею. Поза была не только странная, но и очень неудобная.

Мыкола в изумлении остановился. Он довольно долго простоял так, пока девочка, наконец, удостоила заметить его присутствие.

Над книгой поднялось измученное, почти серое лицо с прилипшими ко лбу мокрыми прядями. Дыхание было затрудненное, со свистом. Узенькие плечи поднимались и опускались, в мучительном усилии проталкивая воздух в легкие.

— Ну, что ты стоишь? — спросила девочка сердито, но с расстановкой, потому что жадно хватала воздух ртом. — Не видишь разве — у меня приступ?

Мыкола еще больше удивился:

— А ты читаешь.

— Я читаю, чтобы отвлечься.

— Но ты же плачешь, — робко возразил он, видя, что по лицу девочки стекают слезы.

— Фу, какой глупый! Я плачу не о себе. Я плачу о бедной Флоренс.

И она с раздражением перевернула книгу обложкой вверх. Там стояло: «Диккенс. Домби и сын».

Считая, видимо, что все ясно, она снова уткнулась в книгу. Через две или три минуты кинула через плечо:

— Ты еще не ушел?

Смущенный Мыкола запрыгал обратно на своих костылях.

На следующий день, однако, он вернулся. Что-то было в этом непонятное, какая-то загадка. А когда он наткнулся на загадку, ему хотелось немедленно же ее разгадать.

Девочки в коридоре не было.

— Кого шукаешь, мальчик? — Грудью вперед из дверей выплыла молодая санитарка, очень веселая и такая лупоглазая, что можно было принять ее за краба-красняка.

Озираясь по сторонам — деру бы дал, если бы не эти костыли, — Мыкола пробурчал:

— Була тут... книжку читала...

— А, ухажер пришел! До нашей Надечки ухажер пришел! — радостно, на весь коридор, заорала санитарка.

Ну и голос, пропади ты вместе с ним! Граммофон, а не голос!

Мыкола начал было уже разворачиваться на своих костылях, но громогласная продолжала неудержимо болтать:

— В палате Надечка твоя, в палате! Консилиум у нее. Ты думаешь, она какая, Надечка? Про нее в газетах пишут. Умерла было раз, потом обратно ожила. Клиническая смерть называется.

Она произнесла «клиническая» с такой гордостью, будто сама умерла и ожила. Мыкола совсем оробел. Стоит ли связываться с такой девчонкой? Еще от главного врача попадет. Консилиум! Клиническая! Видно по всему, цаца большая.

Но вечером, ужасно конфузясь, он в третий раз притопал к дверям женской палаты, хотя и знал, что это запрещено.

Вообще-то Мыкола не интересовался девчонками. В окружавшем его разноцветном, необжитом, таившем так много радостных неожиданностей мире было, на его взгляд, кое-что поинтереснее: море, например, рыбалка, военные корабли.

Но «клиническая» Надечка, бесспорно, выгодно отличалась от других девчонок. Умерла и ожила! Это все-таки надо было суметь. И потом он тоже умирал и ожил. В какой-то мере это сближало их.

Девочка сидела на подоконнике, откинувшись, с книгой в руках.

Неожиданно Мыколу встретили по-хорошему.

— Флоренс и Уолтер полюбили друг друга! — радостно объявила Надя.

До неизвестной Флоренс ему не было никакого дела, но, будучи вежливым малым, он одобрительно кивнул головой:

— Цэ добре.

Они разговорились.

Оказалось, что Надя больна бронхиальной астмой.

— Вдруг мои бронхи сужаются. И тогда не хватает воздуха. Как рыбе на берегу, понимаешь?

Это он мог понять. Понавидался рыб на палубе и на берегу.

А часто ли бывают приступы? По пять-шесть в день? Ого! Он сочувственно поцокал языком.

— В больнице реже, — утешила его Надя. — Здесь еще то хорошо, что во время приступа никто не причитает надо мной. А дома мать встанет у стены, смотрит и плачет. На меня это действует.

Вроде бы неприлично спрашивать у человека: «А как вы умирали?» Но Мыкола рискнул.

— О! Это на операционном столе было. — Надя беспечно тряхнула волосами. — К астме не имеет отношения. Я и не помню, как было. Лишилась сознания, сделалась без пульса. Мне стали массировать сердце на грудной клетке, делать уколы и искусственное дыхание. Четыре минуты была мертвая, потом ожила.

Она посмотрела на Мыколу, прищурясь и немного вздернув подбородок. Все-таки она задавалась, хоть и самую малость. Впрочем, и кто бы не задавался на ее месте?

Для поддержания собственного достоинства пришлось упомянуть о мине.

То, что он тонул и вдобавок был контужен, подняло его в глазах новой знакомой. Подробности взрыва пришлось, однако, вытаскивать из Мыколы чуть ли не клещами.

— Ну, бухнуло. А дальше? — допытывалась Надя. — Как ты тонул? Как задыхался? Что же ты молчишь?

Мыкола с натугой выдавливал из себя слова — до того неприятно было вспоминать про мину. И все же добросовестно рассказал даже о снах.

Услышав о них, Надя притихла. Быть может, ее тоже мучили страшные сны?..

В больнице, кроме них, не было других детей. Естественно, что они стали много времени проводить вместе.

Конечно, Надя не могла заменить Володьки. Была совсем другая, хотя тоже властная. Сразу взяла с Мыколой тон старшей.

А она не была старше, просто очень много прочла книг. И даже не в этом, наверное, было дело. Долго болела, чуть ли не с трех лет. А ведь больные дети взрослеют намного быстрее здоровых.

Она была некрасивая. Это Мыкола точно знал, потому что слышал, как молоденькая докторша-практикантка сказала медсестре:

— Какая же эта Корзухина некрасивая!

— Да, бедняжечка, — подтвердила медсестра и заботливо поправила на себе воротничок перед зеркалом.

Но, быть может, Надя была, как Золушка? Стоило бы ей обуть хрустальные башмачки, чтобы сразу стать красавицей.

Волосы, впрочем, были у нее хорошие — этакая непокорная волнистая грива, черная Ниагара. Зато лоб был слишком большим и выпуклым, а нос очень длинным.

«Как у дятла», — шутила она.

Но она не часто шутила. Обычно говорила сердито и отрывисто, будто откусывая окончания слов, — не хватало дыхания. Слова же от этого приобретали особую выразительность.

Четырнадцатилетняя худышка, замученная приступами, лекарствами, процедурами, она удивительно умела поставить себя с людьми. Даже главный консилиум, наверное, считался с нею. А когда лупоглазая гаркнула опять про «ухажера» и его «кралечку», Надя так повела на нее глазами, что та сразу перешла на шепот: «Ой, нэ сэрдься, сэрдьенько, нэ сэрдься!» — и отработала задним ходом в дежурку.

Мыкола мстительно захохотал ей вслед. Ничего-то она не понимала, эта ракообразная! Просто ему было очень скучно без Володьки.

Но спеша через день или два к «их» подоконнику, где они коротали время после тихого часа, Мыкола подумал, что, может, дело и не в Володьке. С Надей не только интересно разговаривать. Почему-то хотелось, чтобы эта девочка все время удивлялась ему и восторгалась им.

Но она была скупа на похвалы.

2

А однажды они поссорились.

В обычный час Мыкола явился к подоконнику. Нади не было. На подоконнике лежали огрызок карандаша и неоконченное письмо.

Мыкола, понятно, знал, что чужие письма читать нельзя, но как-то не остерегся, машинально выхватил глазами первую строчку. И чуть не упал от изумления.

«Дорогая мамуся! — написано было там решительными, падающими направо буквами. — Пожалуйста, не волнуйся за меня. Приступов уже давно нет».

Как нет? Что за вранье? Еще на прошлой неделе Надя два дня не вставала с постели и не выходила в коридор, так умаяли ее ночные приступы.

Тут уж никак невозможно было остановиться, и Мыкола, все больше дивясь, прочел:

«Мне очень весело здесь, милая мамочка. У нас в отделении много больных девочек. Я играю с ними и почти каждый вечер смотрю кино».

С ума она сошла, что ли? Какие девочки? Какое кино? Это же больница, а не клуб!

Недописанное письмо выхватили у него из рук с такой силой, что страница надорвалась. Вздрагивающий от негодования голос сказал:

— Фу! Как не стыдно!

Мыкола не знал, что и сказать на это.

— Цэ тоби должно быть стыдно, — неуверенно забормотал он. — Брэхаты... Та й ще кому? Матэри...

Конечно, он был не прав. Он понял это, едва лишь вернулся к себе в палату. Ведь Надя рассказывала ему, как тревожится о ней мать. И кажется, у матери большое сердце.

Мучимый раскаянием, он готов был немедленно бежать

к Наде. Однако Мыкола знал ее характер. Она была злючка, но отходчивая. «Нэхай охолонэ», — сказал он себе благоразумно.

Через два дня, робея, он притопал к «их» окну.

Надя сидела по обыкновению на подоконнике с книгой. Как будто бы с героями все было благополучно, Мыкола порадовался этому.

— А шо цэ ты, Надечка, читаеш? — вкрадчиво спросил он, приблизясь.

Надя обернулась:

— Я читаю о Генрихе Гейне.

Этот Гейне, видимо, был не хуже Флоренс и Уолтера, потому что глаза Нади сияли.

— Понимаешь, — она заговорила так, словно бы никогда и не было размолвки между ними, — Гейне был очень-очень больной. Последние годы жизни совсем не вставал с постели — прозвал ее своей матрацной могилой. Над ним вешали веревку, и он цеплялся за нее, чтобы приподняться или повернуться на бок. А он был знаменитый поэт. И он все время работал. Его последние слова были: «Бумагу и карандаш!» Потом началась агония...

«Как закалялась сталь» в ту пору еще не была написана, Николай Островский только начинал свою героическую борьбу с роковым недугом. Пример с Гейне поэтому произвел впечатление.

— Он напряженно работал перед смертью, — продолжала Надя. — Спешил закончить свои воспоминания. У него было много врагов. Тут написано: «Гейне за день до смерти показал жене кипу исписанной бумаги и, мстительно улыбнувшись, сказал: «Ну, теперь им не поздоровится! Тигр умрет, но останутся когти тигра...» Нет, ты не понял, я вижу. О когти можно поцарапаться, верно? Даже если шкура лежит на земле. Тигр и мертвый по-прежнему опасен.

Да, придумано с когтями здорово.

Надя вообще умела выискивать в книгах важное, как птица очень быстро и ловко выклевывала зернышки.

Однажды Мыкола раздобыл в библиотеке книгу о кораблекрушениях. Надя увидала ее.

— Покажи!

Торопливо перелистала.

— О! Слушай! Один моряк пишет о себе: «В этих трудных и сложных обстоятельствах я спасся лишь благодаря выдержке и дьявольскому желанию жить». — Она повторила, зажмурившись: — «Дьявольскому желанию жить»! — И взглянув на Мыколу: — Подходит и нам с тобой, нет?

Мыкола очень удивился. Ведь и он читал про этого моряка. Но мысль о том, что есть какое-то сходство в их положении, как-то не пришла ему в голову.

— А почему? Потому, что ты не очень сосредоточенный. Думаешь и думаешь о своей болезни. А надо думать о другом. О том, чтобы поскорей выздороветь. Ты хочешь выздороветь?

Мыкола жалостно вздохнул.

— Ну вот! Значит, все мысли твои должны быть полезные. Правильно будешь думать — и поступать будешь правильно! В кораблекрушении уцелеешь, от всех своих болезней избавишься.

Мыкола только восхищенно покрутил головой. Ну, сильна! Быть ей непременно врачом (хотела стать врачом), а то даже и главным консилиумом!

Он не знал, что в данном случае Надя лишь повторяет чужие слова. Ей просто повезло, этой Наде. Лечащим врачом ее был Иван Сергеевич.

3

Он был большой, громоздкий, медлительный в движениях, похожий своей окладистой бородой на былинного богатыря: очень много доброй жизненной силы было в нем.

Надя рассказывала, что, когда он во время приступа подсаживается к ней на койку, ей уже делается легче.

Впрочем, лекарства он прописывал те же, что и другие врачи. Дело, видно, было не в одних лекарствах.

Как-то зашла на пятиминутке речь о больном Григоренко.

— Но мальчик хроник, и безнадежный, — сердясь, сказала Варвара Семеновна. — Я же показывала его анализы и рентгенограммы.

— Не единой рентгенограммой жив человек, — пошутил Иван Сергеевич. Потом серьезно добавил: — Я, конечно, доверяю рентгенограммам. Но не хочу, чтобы они закрыли передо мной нечто не менее важное.

— Что именно?

— Самого больного, его способность к сопротивлению, его дух.

— Отдает идеализмом, — пренебрежительно заметила молоденькая практикантка.

— Почему идеализмом? Чуть что, сразу идеализм! Вот вы, например, прописываете своим больным кали бромати, но ведь, кроме бромати, нужна какая-то рецептура радости. Он же мальчик еще!

— Варвара Семеновна подарила ему пластилин.

— По-видимому, мало этого. Пусть она подарит ему надежду.

— По-вашему, я должна лгать?

— Нет. Поверьте сами в его выздоровление. Он сразу почувствует это.

— Повторяю, он хроник.

— Ну и что из того? Длительную болезнь я рассматриваю как внутреннего врага, который должен мобилизовать больного для борьбы. Кстати, я видел этого вашего Григоренко. У него упрямый лоб.

— Да, мне нелегко с ним.

— А ему с вами? Ну, не сердитесь. Вдумайтесь в этого Григоренко. Не сковывайте его психики. Он должен очень хотеть выздороветь. Поставьте перед ним яркую, манящую цель, и пусть ваш Григоренко изо всех сил упрямо, самоотверженно стремится к ней.

Но, кажется, он не убедил Варвару Семеновну.

А с самим Мыколой Иван Сергеевич говорил только раз, и то почти на ходу.

В развевающемся халате, оживленный, шумный, доктор шагал по коридору, перебрасываясь шутками со своими больными. Надя спрыгнула с подоконника.

— Иван Сергеевич, вот тот мальчик. Я рассказывала вам о нем. Его контузило миной. Очень хочет быть моряком. Но...

Она так спешила рассказать все, что задыхнулась.

Мыкола несмело поднял лицо. На него смотрели совсем не строгие, жизнерадостные и очень пытливые глаза.

Надя что-то вякнула насчет костылей.

— Тут ведь дело не в костылях, — услышал Мыкола задумчивый, спокойный голос. — Тут дело в том, есть ли у него характер.

Впервые, говоря с Мыколой о его будущем, ему смотрели прямо в глаза, а не косились на его костыли.

Они даже как будто не интересовали Ивана Сергеевича. Он продолжал спокойно всматриваться в мальчика на костылях, что-то обдумывая и взвешивая про себя.

Мыколе представилось, что это какой-то странный молчаливый экзамен.

Сдаст ли он его?

Он услышал тот же задумчивый, неторопливый голос:

— Ты знаешь, Надюша, дело, по-моему, не так уж плохо. Характер у твоего друга есть.

Только всего и сказано было Иваном Сергеевичем. Улыбнувшись детям, он зашагал дальше по коридору. Но размышлений и волнений по поводу его слов хватило Мыколе на много дней.

4

Он придумал тренироваться — втайне от всех. Готовил Наде сюрприз. Забирался в глубь сада, чтобы его никто не видел, и хотя бы несколько метров пытался пройти без костылей. Делал шагжок, подавлял стон, хватался за дерево, опять делал шагжок.

Земля под ним качалась, как палуба в шторм. Пот катился градом. Колени тряслись.

Но рот его был сжат. Мыкола заставлял себя думать только об одном: то-то удивится Надя, когда увидит его без костылей! Или еще лучше: он притопает к ней на костылях, а потом отбросит их — ага? И лихо выбьет четку!

Увы, как ни старался, дело не шло. Правильнее сказать: ноги не шли. Руки-то были сильные, на перекладине мог подтянуться десять раз. А ноги не слушались. Как будто вся сила из них перешла в руки.

А Надя, не зная о тренировках, по-прежнему придиралась к нему: почему он вялый, почему невеселый?

— Очень жалеешь себя, вот что я тебе скажу! Это пусть нас другие жалеют. А ты себя не жалеяй. Ты же сильный, широкоплечий. Вот как хорошо дышишь! Я бы, кажется, полетела, если бы могла так дышать.

Да, почти до самого конца она была суровая, требовательная и неласковая.

В тот день они, как всегда, сидели на подоконнике и разговаривали — кажется, о кругосветных путешествиях.

Окно было раскрыто настежь. Внизу по-весеннему клубился-пенился сад. Не хотелось оборачиваться — там, за спиной, вяло шаркали туфлями «ходячие» больные. Коридор был узкий, заставленный шкафами, и очень душный — каждую половицу в нем пропитал опостылевший больничный запах.

И вдруг пахнуло прохладой из сада.

От неожиданности Мыкола откинул голову. Между ним и Надей просунулась ветка миндаля. Это ветер подул с мо-

ря и качнул ее, стряхивая лепестки и капли — только что быстрый дождь прошел.

Надя порывисто притянула к себе ветку.

— Какая же ты красавица! — шепнула она, прижимаясь к ней щекой. — Как ты хорошо пахнешь!.. Я бы хотела быть похожей на тебя!..

Она покосилась из-за ветки на Мыколу.

— Будешь меня помнить?

Что она хочет этим сказать? Мыкола заглянул ей в лицо, но она уже отвернулась и смотрела в сад.

— Видишь, какой он сегодня? Белые и розовые цветы — как вышивка крестиком на голубом шелке, правда?

Мыкола посмотрел, но не увидел ничего похожего. Просто стоят себе деревья в цвету, а за ними видно море, повесенному голубое. Такое вот — вышивка, крестик, шелк — могло примерещиться только девочке.

И тем же ровным голосом, каким она говорила о вышивке, Надя сказала:

— Уезжаю завтра.

— Как?!

— За мной приехала мать.

Мыкола сидел оторопев.

А волосы над ухом зашевелились от быстрого взволнованного шепота:

— Ты пиши мне! Хорошо? И я буду. А следующим летом приеду: ты будешь без костылей, а я уже стану хорошо дышать. Но ты пиши.

— Надечка... — сказал Мыкола растерянно.

Но не в натуре Нади было затягивать прощание. Неожиданно для Мыколы она неумело коснулась губами его щеки — будто торопливо клюнула. Потом отпущенная ветка мазнула по лицу и стряхнула на него несколько дождевых капель.

Так и остался в памяти этот первый в жизни поцелуй: ощущением прохладных брызг и аромата, очень нежного, почти неуловимого.

Нади давно уже не было, а Мыкола все сидел на подоконнике, удивляясь и радуясь тому, что с ним произошло...

ДОБРЫЙ ФОНАРЬ

1

Дни после ее отъезда стали странно пустыми. Ничего не хотелось делать, ни с кем не хотелось разговаривать.

По-прежнему пенился за окном сад. Мыкола не хотел видеть сад. И без того все напоминало ему Надю.

Но ведь она вернется через год. Она обещала вернуться.

К тому времени они оба обязательно выздоровеют. Ведь пройдет целый год! И они побегут вдоль аллеи наперегон-

ни, задевая за ветки. А те будут осыпаться белыми и розовыми лепестками и пахнуть так же прохладно, как пахла ветка миндаля, которая протиснулась когда-то в окно из сада...

Но вот за Мыколой приехала мать.

— Не хóчу до дому! — сказал сын, стоя перед ней.

— Як цэ так? У больныци хочеш?

— И в больныце не хóчу.

— А дэ хочеш?

Мыкола молчал, упрямо нагнув голову.

— Чого ж ты мовчыш? Я кому кажу!

Мать замахнулась на него слабым кулачком. Но он с таким удивлением поднял на нее глаза, бледный, сгорбленный, жалко висящий между своими костылями, что она опустила руку и заплакала.

— Упертый, — горестно сообщила она Варваре Семеновне, присутствовавшей при разговоре.

— Буду у моря жыты, — сказал Мыкола.

— А у кого? Хто тэбэ до сэбэ прыймэ?

Этого Мыкола не знал. Но он никуда не мог отлучиться от своего моря.

Варвара Семеновна смотрела на него с осуждением. И тут из угла дежурки, где тетя Паша перекладывала бинты, вдруг выкатился ее округлый успокоительный говорок:

— Ну, и что ты, милая, расстраиваешься? Невелико дело-то. Хоть и у меня будет жить.

Варвара Семеновна удивилась:

— На маяке?

При слове «маяк» Мыкола поднял голову.

— Мой-то маячком работает, — пояснила тетя Паша матери Мыколы. — Отсюда недалеко, четыре километра. При маяке жилье есть. Нас трое всего: он, я и сыночек меньшей. А где трое уместились, там и четвертому уголок найдем.

Мыкола так умоляюще взглянул на мать, что она снова заплакала.

— Ему хорошо у нас будет, — успокоила ее тетя Паша. — Воздуху много, воздух вольный. И на питание не обижаемся. А Варвара Семеновна рядом. Чуть что, будет иметь свое наблюдение.

Варвара Семеновна распустила поджатые было губы:

— Что ж! Если Прасковья Александровна согласна, то я, со своей стороны, как лечащий врач... Морской климат ему показан. Пусть поживет на маяке до осени, до начала школьных занятий...

2

Башня маяка была невысокой. Но ей и ни к чему было быть высокой. Ведь она стояла на стометровом обрыве, на высоченном крутом мысу. Спереди, справа и слева было море, и только сзади вздымались горы.

Почти две тысячи лет назад римляне держали здесь гарнизон против воинственных и беспокойных степняков. Крепостные стены, сложенные из огромных плит, еще сохранились. У их подножья, а также на дне рва во множестве валялись осколки темно-серого точильного камня. Прошлой зимой в школе проходили Рим, и Мыкола сразу же очень живо представил себе, как легионеры сидят за стенами и в молчании, при свете дымных факелов точат свои мечи.

Конечно, он сделал то, что сделал бы на его месте любой другой мальчик. Распугав двух или трех змей, гревшихся на стене, насобирал целую кучу этих осколков и приволок их домой. Потом каждый вечер перед сном он подолгу с благоговением точил свой перочинный ножик, подаренный матерью перед отъездом. Подумать только: точит его на римском точильном камне, которому без малого две тысячи лет!

Как подтверждают историки, у римлян был огонь на мысу, вероятно, просто костер, в который неустанно, всю ночь, подкладывали хворост.

«Наш» маяк был, понятно, куда лучше. На вершине красивой белой башни (это даже хорошо, что она невысокая, удобнее влезать на нее с костылями) находилась так называемая сетка накаливания. Сделана она была из шелка, пропитанного особыми солями. Снизу подавались пары керосина, которые раскаляли сетку добела.

Устройство в общем нехитрое. По сути, гигантский примус. (С этим достижением цивилизации Мыкола успел освоиться в больнице.) Но обращаться с сеткой надо было осторожно — дунь посильнее, и рассыплется в пепел¹.

Главное было, однако, не в сетке, а в линзе, которая окружала ее, подобно стеклу керосиновой лампы. Стекло было необычное — стеклянный бочонок. Вместо обручей были ребристые грани. Каждая грань преломляла свет, усиливала его и отбрасывала далеко в море параллельными пучками.

Линза на маяке весила пять тонн. Каково?

С утра до вечера Мыкола ходил за дядей Ильей, мужем тети Паши, и клянчил: «Дядю, визмить мэнэ до фонаря». Иногда он даже божился, что больше не спутает замшу с тряпкой.

Дядя Илья позволил ему протереть оптику, которую уважительно называл полным ее наименованием: «линза направляющая и преломляющая». Мыкола ошалел от радости, второпях схватил тряпку. И тотчас же получил по рукам. Тряпкой протираются лишь штормовые стекла, которые защищают линзу от града, снега и птиц, сослепу летящих на свет. Самое же «направляющую и преломляющую» разрешается протирать только замшей!

Сколько раз, стоя в фонаре, Мыкола воображал, что это

¹ Описана керосинокалильная маячная установка, применявшаяся лет 30—40 назад. Сейчас маяки работают на электричестве. (Прим. автора.)

не фонарь, а ходовой мостик корабля. Он ведет ночью корабль вдоль берега и напряженно всматривается в темноту. Ни луны, ни звезд! Плывет, как в пещере.

И вдруг камни гранитных стен раздвинулись. Блеснул свет, узенький проблеск света.

— Открылся мыс Федора, товарищ командир, — докладывает сигнальщик.

— Вижу. Штурман, нанести наше место на карту!

Вдали приветливо вспыхивает и гаснет зеленый огонек, будто свет уютной настольной лампы под абажуром. Четырнадцать сотых секунды — свет, четырнадцать сотых — мрак, снова четырнадцать сотых — свет и потом уж мрак четыре целых и три десятых секунды. Можно не сверяться с часами, он знает это без часов. Еще бы! Это же световая характеристика «его» маяка. Дядя Илья, наверное, сейчас в фанаре, не думает, не гадает, что Мыкола проходит мимо...

Кроме фонаря, были у дяди Ильи еще и ревуны. Когда Мыкола впервые услышал их, то подумал, что это стадо коров зашло по брюхо в воду и оглушительно мычит, уставившись мордами на юг.

Ревуны помогали маяку в плохую видимость. Если наваливало туман или начинал идти снег, моряки, застигнутые непогодой, откладывали бинокли. Все на корабле превращалось в слух.

И вот сквозь свист ветра и гул волн донесся прерывистый, очень печальный голос.

Ага! Ревуны! Следите с часами в руках! Две секунды — звук, две — молчание, две — звук, две — молчание, пять — звук, шесть — молчание. Чья звуковая характеристика? Правильно! Подал о себе весть мыс Федора. Предостерегает: «Я — берег, я — берег, уходите от меня в море»!

И рулевой поспешно отворачивает до тех пор, пока предостерегающий голос не пропадает в шуме моря...

3

Начальник маяка дядя Илья был очень большой, однако негромкий. Говорил он с преувеличенной вежливостью, как казалось Мыколе, потому что произносил «ы» и «у» по-черноморски мягко: вместо «выпить» — «випить», вместо «прошу» — «просю».

Любил порассказать о себе и обычно начинал свое жизнеписание с семи чудес света.

— Слышал, были когда-то такие семь чудес? Ну, пирамиды там, висячие сады разные. И два маяка среди них считались. Колосс Родосский строен в Греции две тысячи триста лет назад, но простоял только полста, попал, бедный, в землетрясение. И еще другой маяк был, тоже чудо, — Александрийский, в Египте. Сложен из белого мрамора, а высоту имел сто сорок три метра. Простоял полто-

ры тысячи лет! Я уже его не застал, когда ходил в Александрию.

Мой маяк, то есть тот, на котором я родился, пониже, врать не хочу. Но тоже очень красивый. Ты же был в Севастополе, значит, видел его, Херсонесский! Мой отец служил там старшим служителем, так в старое время назывались маячники.

Но только я настоящего своего призвания еще не понимал. Тринадцати лет, иначе в 1906 году, — тебя тогда и в помине не было, — сбежал из дому и начал плавать юнгой на паруснике «Иоанн Златоуст»...

Пятнадцати лет в Стамбуле дядя Илья заболел оспой. Его сняли с корабля. Около месяца он провалялся в стамбульской больнице, а когда выздоровел и вернулся, место его было уже занято. Пришлось ехать домой.

Отец, подергав беглеца для порядка за ухо, подал рапорт по начальству — его превосходительству господину директору маяков и лоции Черного и Азовского морей. В рапорте он упирал на то, что «хотя сын мой и несовершеннолетний, зато потомственный маячник». Это было принято во внимание, и дядю Илью зачислили служителем Херсонесского маяка в порядке исключения.

— Почему исключения?

— Не подлежал по несовершеннолетию каторжным работам.

— А когда подлежал?

— Только после шестнадцати. Был такой закон. Заснет маячник на вахте, сейчас же суд ему и по суду каторгал! А как же? Он ведь за всех людей в море отвечает!

С тех пор, то есть с 1908 года, дядя Илья безотлучно на маяках, если не считать, конечно, перерыва в первую мировую, а потом гражданскую войны.

Дядя Илья был георгиевским кавалером «полного банта».

В комод, заботливо переложенные бумагой, хранились у него четыре крестика и четыре медали на полосатых оранжево-черных лентах.

Однажды в отсутствие тети Паши он вытащил их и нацепил на тельняшку. Потом неторопливо прошелся по комнате, косясь в зеркало, висевшее над комодом. Шестилетний Витюк и Мыкола, сидя рядышком на лавке, не сводили с него глаз.

Стук входной двери. Сорвав с себя награды, дядя Илья принялся торопливо засовывать их в комод. Ящик, как назло, не закрывался.

— Опять красовался перед зеркалом? — негодуя спрасила тетя Паша с порога.

— Да вот Мыколу и Витьку позабавить...

— Себя самого ты забавил! А увидит кто? Царские же они!

— Заслужил, не купил, — недовольно пробурчал дядя Илья, но крестов и медалей больше не вынимал. Он вообще ходил в послушании у тети Паши.

Витюк, по всем признакам, готовился продолжить славную династию маячников. Когда Мыкола приносил ему с берега красивые ракушки-ропаны, он принимался воздвигать из них не дворцы и не крепости — маяки. А пес Сигнал, который от старости едва таскал ноги, усаживался рядом, недоверчиво подняв одно ухо.

Во всем остальном Витюк был малопримечательной личностью, если не считать того, что храпел громче всех в доме.

Несколько раз приходила на маяк Варвара Семеновна.

С интересом наблюдала она за Мыколой, который деловито прыгал на своих костылях по дворику.

«Больные дети — своеобразные больные, — думала Варвара Семеновна. — Сила жизни в них чрезвычайно велика. Ведь они растут, энергия ищет выхода, внутри как бы распрямляется пружина».

— Ты, я вижу, доволен. Тебе не скучно здесь, — мило-ство сказала она Мыколе.

Но разве может быть скучно на маяке? Здесь постоянно что-нибудь происходит.

Однажды ночью налетел ураган, сорвал с домика крышу и унес в овраг. Мыкола помогал дяде Илье втаскивать ее обратно и потом старательно наваливал булыжник на листы железа, чтобы лучше держались.

Штормы были часты в то лето. Тетя Паша очень их боялась. Она жаловалась Мыколе на то, что дядя Илья обманом увез ее из родного Киржача. А там всегда тишина, такая хорошая, лесная, сосны под самое небо — гуляй, ветер, да только по верхам!

Однажды танкер, став у мыса на якорь, долго споласкивал свой трюм. По воде радужными пятнами пополз мазут.

Чирки, понятно, выгваздались в мазуте, как маленькие дети. Перышки слиплись. А ведь их надо постоянно смазывать жиром, без этого чирки не могут держаться на воде. С трудом добравшись до берега, они в изнеможении падали на гальку.

Одного пострадавшего Витюк принес домой и принялся отмывать теплой водой. Пострадавший, однако, оказался грубияном. Так тюкнул своим сильным клювом по руке, что отмывать — от слез — пришлось уже самого Витюка.

Но и без подобных происшествий было интересно на маяке. Ведь он стоял на мысу, с трех сторон было море, а оно беспрестанно менялось. Каждый восход и заход солнца уже были происшествием.

По утрам чаще всего был штиль. И блеск прибоя был как что-то приближающиеся шаги. Это по берегу на цыпочках подходил новый день.

Потом на водной глади появлялись сияюще-светлые про-

моины, будто тихие озера посреди лугов. Из-за облаков наклонно, пучком падали на воду лучи. Когда таких пучков было несколько, они выстраивались в ряд и становились похожи на шалаши, освещенные изнутри.

Облака были неотделимы от моря. Заходу солнца требовались в помощь облака, по возможности многоярусные. Громоздятся друг на друга, они напоминали сказочный замок. Кое-где в амбразуры пробивался свет. Видно, там, за стенами, пировали.

Но иногда вечера были хороши и без облаков. Солнца уже не было, однако вода еще хранила его свет, будто оно покоилось теперь на морском дне. Море — одна огромная раковина-рапан с перебегающими по ее выпуклой поверхности золотыми блестками. А за горизонтом лежит другая раковина, размером побольше, — небо. И эта темнее первой, не перламутровая, а розовая.

Странно, что Мыкола явственно видел все это, а вот выразить не мог, никак не мог.

Так много моря было вокруг и так много его было в нем, что Мыколу это просто мучило.

А ведь к любви примешивался еще и страх. Да, да! До сих пор не удается победить, вытеснить этот унизительный страх.

И нельзя сказать, что нравится только штгилевое море. Нравится оно и в шторм. Часами Мыкола готов стоять на мысу и смотреть, как между небом и морем вытягивается белая полоса, подобная мечу. Тучи над нею все чернеют, а волны с развевающимися белыми волосами мчатся к берегу, будто спасаясь бегством от туч.

Волны боялись шторма, но и сами они внушали страх. Именно у берега. Там они тяжело ворочались, сталкивались и громыхали, серые, зеленые, голубые с белыми прожилками, как гранитные плиты. Это так их спрессовало море, без усталости, с яростью колотя о берег.

Нырнешь в такую плотную воду и не вынырнешь! Со скрипом и грохотом сдвинутся плиты над головой, как тогда, при взрыве мины, и уж не шевельнуть ни рукой, ни ногой, горло перехватит удушье, перед глазами мрак...

Стоит Мыколе вспомнить о том, как тонул, и сразу неприятны ему эти сталкивающиеся тяжелые волны.

Увы! Не плавать ему больше и не нырять. Так же невозможно вообразить себе это, как, скажем, пробежаться по двору без костылей...

5

В июне, взяв с собой Мыколу, дядя Илья укатил под Одессу — на именины к брату, тоже маячнику.

И отсутствовали-то они всего ничего, каких-нибудь три дня, а вернулись домой — и нате вам, оказывается, без них землетрясение было!

— А у нас земля тряслась! — радостно объявил Витюк, едва лишь Мыкола переступил порог.

Как? Почему?

Это было крымское землетрясение 1927 года.

Правда, тряхнуло на мысу не сильно, никто из жителей не пострадал, и разрушений не было, только Сигнал совершенно охрип от лая.

Мыкола ходил как туча. Вот уж не везет так не везет! Сами посудите! В кои веки эти землетрясения случаются. Интересно же! А его как раз угораздило отлучиться. Очень обидно!..

Минуло лето. Уже начало рано темнеть, мальчики вечерами жались к дяде Илье, если он не был на вахте: «Ну, еще что-нибудь про Александрию!»

И в тот вечер сумерничали, ожидая тетю Пашу, которая задержалась в больнице. Она пришла в двенадцатом часу, накричала на дядю Илью за то, что Витюк еще не уложен, и разогнала всю честную компанию.

Но тут принялся скулить и повизгивать у двери Сигнал. Мыкола распахнул дверь. Сигнал почему-то ухватил его зубами за штанину и потащил за собой через порог.

Ночь была темная. Остро пахли водоросли — будто тонны рыбы вывалили на берег. Цикад не слышно, хотя спать им еще не время. Неотвязный Сигнал продолжал скакать вокруг Мыколы, припадая на передние лапы и коротко вслаивая.

— Нашел время играть! — сердито сказала тетя Паша с кровати. — Пусть во дворе побегает. Ложись, Николай!

Но Мыколе долго не удавалось заснуть. Обычно шум прибоя сразу же убаюкивал. Сегодня он был какой-то странный, неравномерный. Так стучала кровь в висках, когда Мыкола лежал в больнице. Но разве море может заболеть?..

Он проснулся оттого, что кусок штукатурки упал на нос. В комнате все было серо от пыли. Он услышал:

— Вставай! Беда!

Ничего не понимая, нашарил костыли, стоявшие рядом с раскладушкой, вскочил, запрыгал к двери. Его обогнала тетя Паша с какими-то узлами.

За порогом пригвоздил к земле очень тонкий протяжный звук: «А-а-а!..» Будто муха билась в стекло.

Кричали где-то возле больницы и внизу, у шоссе, сразу много людей, наверное, женщины.

То было сентябрьское землетрясение, более сильное, чем июньское. Первый толчок Мыкола, по молодости лет, проспал!

Он стоял как столб посреди двора, растерянно оглядываясь. Мимо взад и вперед пробегали полуодетые люди. Они сносили вещи к старому платану, успокаивали плачущих детей и переговаривались громкими голосами.

Неожиданно вышел из повиновения дядя Илья. Не слушая тети Паши, сидевшей под деревом с Витюком на ру-

ках, он поспешил на маяк, хотя вахта была не его. На маяке все как будто в порядке, он продолжал светить.

Прошло несколько минут, Мыкола не мог сказать, сколько именно, и землетрясение возобновилось.

Почва вдруг рванулась из-под ног, он упал, разбросав свои костыли.

Это было невероятно, дико, ни с чем не сообразно! С детства человек приучен к мысли, что земля, по которой он ходит, есть самое надежное в мире. Твердь! Море, понятно, дело другое! Море — стихия, ненадежная, зыбкая. Но земля вела себя сейчас совершенно как море.

Двухэтажный дом по ту сторону шоссе наклонился и выпрямился, будто баркас на крутой волне. Изумленный Мыкола перевел взгляд на платан. И тот качался, хотя ветра не было.

А из недр земных доносился нарастающий зловеющий гул, будто там, длинными подземными коридорами, сотрясая все вокруг, проезжала вереница грузовиков.

— Обвал! Обвал! — Кто-то показывал на горный кряж. С зубчатого гребня оторвалось облачко и стремглав понеслось вниз. Но горы были далеко. Они словно бы выросли на глазах, а берег почти ощутимо сползал к морю.

Конечно, так только казалось. Однако Мыколе пришла на ум Атлантида — это напоминало Атлантиду. И вероятно, дрессированные дельфины были бы кстати.

Осознав это, он впервые ощутил страх.

— Море горит!

Далеко вдаль поднялись над водой два высоких светящихся столба, — быть может, то вырвался из расщелин на дне раскаленный газ. Мыкола читал о таких столбах.

Но одно дело — читать о землетрясении, уютно устроившись вечером за обеденным столом, поближе к керосиновой лампе. И совсем другое — переживать землетрясение.

Самым страшным был этот непрекращающийся, тонкий, колеблющийся вой: «Аа-а-а!..» Он вонзался в самую душу. Кричал в ужасе, казалось, весь Южный берег, терпящий бедствие.

Люди по-разному вели себя в беде. Никогда бы не подумал Мыкола, что садовник соседнего санатория, Михаил Иванович, громоздкий, громогласный, с торчащими врозь громадными усами, может плакать. Но он плакал. И, видимо, сам не сознавал этого. По неподвижному щетинистому лицу его струились слезы, а он не утирал их.

Поддалась панике и тетя Паша, обычно такая уравновешенная. В одной нижней юбке, распатланная, босая, она то крестилась, то целовала зареванного Витюка, то судорожно цеплялась за Мыколу.

Потом вдруг подхватила и кинулась в дом.

— Куда вы?

— Ходики забыла, господи!

Зачем ей понадобились эти дешевые часы с гирькой? Она ведь совсем не была жадной и вещей из дому успела захватить гораздо меньше, чем ее соседки. Но, может быть, с ходиками были связаны воспоминания, а они обычно дороже

всяких вещей? Быть может, ходики как бы воплощали для нее семейное благополучие? Сейчас, когда бессмысленно рушилось все вокруг, весь размеренный уклад ее жизни, старые привычные ходики, часы-друзья, были, наверное, особенно дороги тете Паше.

Никто не успел ее остановить. Она метнулась в дом.

И тут снова грянуло!

Тетя Паша оказалась в темном проеме двери, почему-то держа ходики высоко в руке. Вдруг она споткнулась и упала. Сверху сыпались какие-то обломки, глина, пыль.

Оцепенев, смотрел на это Мыкола. И Витюк тоже смотрел на мать, перестав плакать.

Она пыталась встать и не могла. То ли придавило ее, то ли обеспамятела и обессилела от страха.

Мыкола кинулся к ней на помощь.

Не думал об опасности. Видел перед собой только это лицо в проеме двери, большое, белое, с вытаращенными от ужаса, молящими, зовущими на помощь глазами.

Он подхватил тетю Пашу под мышки, рывком поднял — руки у него были очень сильные. Кто-то суетился рядом. Кто это? А, Михаил Иванович!

Вдвоем они торопливо вытащили тетю Пашу из дому.

И вовремя! Едва лишь успели сделать это, как кровля и стены обрушились. На том месте, где только что лежала тетя Паша, медленно расползлась куча камней и щебенки.

От поднявшейся пыли Мыкола чихнул и с удивлением огляделся. Что это? Землю не качает, но все еще происходит необычное. Он не мог понять — что.

Набежавшие соседки с ахами и охами повели тетю Пашу к платану. Она все время оборачивалась и вдруг вскрикнула:

— Коленька! А костыли-то?

Мыкола посмотрел по сторонам. Костылей в руках не было. Костыли лежали в нескольких шагах от него. Он и не заметил, как отбросил их. Как же удалось ему перемахнуть такое расстояние без костылей? Будто подувшим внезапно волшебным ветром приподняло его и кинуло к дому. Что это был за ветер?

Он раскинул руки, робко сделал шагок. Сейчас получалось хуже. Сейчас он думал о том, как бы получше сделать этот шагок. Тогда он не думал.

Нет, все-таки как это могло случиться? Почему он отбросил костыли?

С башни вернулся дядя Илья и тоже подивился Мыколе, который медленно и неуверенно, то и дело хватая Витюка за плечо, двигался взад и вперед под платаном.

Там собрался уже целый табор. Место это считалось безопасным, потому что все здания стояли поодаль. Так и заночевали у платана — на ряднах, тюфяках, просто на траве.

Земля успокаивалась постепенно. Время от времени толчки повторялись, но с каждым разом были слабее.

Казалось, будто кто-то, озорничая, подползает тайком, хватая за край тюфяка, тянет к себе, потом, хитро улы-

баясь, отпускает. Хотелось крикнуть: «Эй, хватит! Кончай баловаться, спать пора!» Трудно было поверить, что это озорничает старушка земля!

Все уже спали некрепким, тревожным сном, один Мыкола не спал. Он, проверяя себя, делал два-три шажка, переводил дух, медленно и осторожно возвращался. Колени его дрожали, спина болела, мускулы рук напряглись, ища привычную опору. Но все это было не в счет! Он ходит без костылей! Он может пройти несколько шагов без костылей!

Добрый фонарь продолжал светить ему.

Приятно было сознавать, что «наш» маяк даже не дрогнул на своей гранитной скале. Ни на секунду не прервав работу, посылает в море свои проблески: четыре сотых секунды — свет, четыре сотых — мрак и так далее. Слишком занят, знаете ли, чтобы поддаваться панике!

Хорошо быть таким, как этот маяк...

Надо написать поскорее Наде. То-то обрадуется, когда узнает!

Мыкола стоит посреди двора, чуть согнувшись, смешно раскинув руки, будто собрался лететь. Под платаном вздыхают и стонут во сне люди. Прибой тяжело накатывает на берег — море растревожено землетрясением. Светает. И уже начинают робко перещелкиваться и пересвистываться в кустах притихшие было птицы.

Рисунок Н. ГРИШИНА

ОДИССЕЯ ВАЛГУСА

Научно-фантастический рассказ

Вдалеке горели костры звезд. Если человек давно не встречал людей, у него в глазах поселяется диковатая тоска. Но он разводит костер, и одиночество отступает. А человек протягивает руки к огню, как протягивает их другу.

Огонь сродни человеку. Он течет по жилам, пылает в мозгу и блестит в глазах. Люди любят глядеть в пламя: они видят там прошлое и угадывают будущее. Если же человек бродяга, он любит огонь еще и за вечную изменчивость горячей судьбы.

А здесь, в пространстве, где несется корабль, не из чего даже развести костер.

Когда-то это было просто. Хворост хрустел под ногами, сухие стволы бросались поперек тропы, нетерпеливо ожидая той минуты, когда им будет дано унести в небо языком яркой плазмы. Так было в лесах Земли и в других лесах.

Нет ничего, что могло бы гореть. А костры пылают, они бушуют вдалеке. Их видно простым глазом, но путь слишком далек. Можно протянуть к ним руки, но тепло не коснется пальцев: оно умирает раньше, тепло костров в бескрайней степи мироздания.

Что же, бродяга, иди своей дорогой! Тоскуй по огню костров и ночлегу в траве, вспоминай, как это было хорошо, думай, как хорошо еще будет. Иди и грейся у огня далеких звезд, пока нет земного пламени, пока ты один...

«Вот черт! — подумал Валгус. — Полез в такую лирику, а? Сдаешь, бродяга. Да ты даже и не один. Есть еще этот... Кстати, что он там?»

— Одиссей, — негромко сказал Валгус, — давайте текст.

Последовала секундная пауза. Затем послышался холодный, безразличный голос:

— Окисление шло медленно. Реакция не стабилизировалась. Выделявшейся энергии было слишком мало, чтобы обеспечить нормальное течение процесса. Можно предположить: окислявшаяся органика содержала слишком много воды, поглощавшей тепло и тем самым мешавшей развитию реакции...

— Стоп! — сказал Валгус. — Этого достаточно. Дремучая, несусветная чушь. От нее уши начинают расти внутрь. Понял, Одиссей?

— Не понял.

— В этом-то и несчастье. Я просил тебя перевести маленький кусочек художественного текста. А ты что нагородил? Понял?

— Я понял. Описанный способ поднятия температуры воздуха существовал в древности. Были специальные сооружения — устройства, аппараты, установки — в жилищах. В них происходила экзотермическая реакция окисления топливных элементов, приготовленных из крупных растений путем измельчения. В данном тексте говорится о поднятии температуры воздуха. Дается начальная стадия процесса. Текст некорректен. Воздух нагревается вне помещения. Чтобы таким способом поднять температуру воздуха на планете, нужно затратить один запятая восемь на десять в...

— Да, — грустно сказал Валгус. — Но в тексте просто сказано, что костер не разгорался — дрова были сырыми. И все. Употребить архаизмы «дрова» и «костер» — и дело с концом. А?

— Я не знаю архаизмов.

— Он не знает архаизмов, бедняга! Ах, скажите... А фундаментальная память?

— Ее надо подключать. Я не могу сделать этого сам.

— Ага, — проговорил Валгус, раздумывая. — Значит, подключить фундаментальную память? Что же, это, пожалуй, справедливо. Я так и сделаю. Это предусмотрено программой. Я бы сделал это даже сию минуту... если бы ты после этого смог мне сказать, почему не возвращаются корабли...

Валгус помолчал.

— Почему они взрываются — если они взрываются. А если остаются целы, то что же в конце концов с ними происходит? Кто здесь мешает со своими чудесами? Я тебе завидую, Одиссей: ты-то разберешься в этом очень скоро.

«Представляю, как станет излучать Туманность Дор, он же академик Дормидонтов, когда придет пора прослушивать эти записи, — усмехнулся Валгус. — Ну, и пусть себе излучает. Могу же я себе позволить...»

— Впрочем, — сказал он громко, — завидовать тебе, Одиссей,

не стоит. Может быть, ты действительно просто взорвешься. Этого себе не пожелаешь. А?

Одиссей молчал. Валгус пожал плечами.

— Ну, ну... Только до сих пор в природе взрывы всегда сопровождались выделением энергии. А наши эксперименты дают, наоборот, ее исчезновение. Назло всем законам. Исчезает корабль и почти вся энергия с ним. Слабенькая вспышка — и больше ничего. Тебе понятно?

— Не понял, — без выражения произнес Одиссей.

— Не ты один. А вот я должен бы уразуметь, в чем же тут дело. И проверить. Вернее, проверять-то придется тебе. Мос дело — попросту принести тебя в жертву. В твои времена, Одиссей, отдавали на заклятие быков. Времена изменились... — Валгус помолчал. — Так включить тебе память? Нет, лучше сначала скажи, как дела.

— Я в норме, — отчеканил Одиссей. — Все механизмы и устройства в порядке.

— Программа ясна?

— По команде искать наиболее свободное от вещества направление. Лечь на курс. Увеличить скорость. В момент «Т» включить генераторы. Освободить энергию в виде направленного излучения. Через полчаса снять ускорение и ждать команды.

Одиссей умолк. Настала тишина. Только неторопливо щелкал индикатор накопителя: «ток... ток... ток...» Валгус прошелся по рубке, упруго отталкиваясь от пола. Пилот задумчиво глядел перед собой, схватив пальцами подбородок.

— Уж куда как ясная программа... Итак, нам с тобой предстоит...

Но даже объяснить, что именно предстояло, было, по-видимому, достаточно трудно, и Валгус не стал продолжать. Еще несколько минут он колесил по просторному помещению, все так же сжимая пальцами подбородок. Затем приостановился, медленно покачиваясь на каблуках.

— И ты взорвешься — или уйдешь туда. В надпространство. В последнем эксперименте расплылся «Арго». Или все-таки ушел? Первую часть программы он выполнил точно, но вторую... Так или иначе, назад он не вернулся. Прекрасный корабль «Арго», только у него было четыре приданных двигателя, а у тебя пять... Не вернулся. Хорошо, включи тебе память. Совершенствуйся, постигай непостижимое. Может быть, хоть тогда ты начнешь разговаривать по-человечески. Иначе мы с тобою каши не сварим... Кстати, повар ты неплохой. Прощальный обед доставил мне много невинных радостей бытия... Ты говоришь, память? Пусть так... Ты знал, что попросить. Нам не очень-то рекомендуют подключать эту самую память. Конечно, мы вас знаем и видим насквозь, как говорится, но в общем это только говорится, и кто знает, почему вот ты иногда делаешь так, а не иначе... Но все равно тебе придется идти на прорыв... Корабли не возвращаются, в этом вся история. А мне болтаться на шлюпке и ждать, пока подберут, — невеселая перспектива. Что я, лодочник?

Валгус не торопясь шел по коридору. Он намеренно избрал самый длинный путь в библиотеку, где надо было включить

фундаментальную память. Валгус любил ходить по коридору. Длинная труба звала ускорить шаг, но Валгус сдерживался, чтобы продлить удовольствие, которое давала ходьба.

Вдоль левой стены были установлены устройства. Откидывая крышки кожухов, Валгус взглядом проверял готовность долго, терпеливо ждущих нужного момента магнитографов, астро-спектровизоров, стереокамер, экспресс-реакторов и всего прочего, придуманного хитроумным человечеством, чтобы не пропустить момента, когда будет проломлена стенка трех измерений и корабль нырнет в неизвестное и непонятное надпространство. Впрочем, кто знает, правильно ли так называть неразгаданное явление. Терминология иногда устанавливается совершенно случайно. Наука требует точных данных. Человек найдет на их основе разумное объяснение.

Коридор кончился. Ничего себе коридорчик, добрых полкилометра длиной! Валгус не без усилий отворил тяжелую дверь. Отсек обеспечения автоматике; его проверка тоже входит в план подготовки к эксперименту.

...И все-таки почему корабли не возвращаются? Но гадать не стоит. В наше время не гадают. Когда теория заходит в тупик, летят на место и собирают факты. Собирают факты и теряют корабли. От испытателя требуется одно — новые факты. Никто не ожидает именно от него новых гипотез. Никто не спросит — почему. Спросят лишь — как.

Ну, на это ответить будет несложно. До поры до времени все запишут устройства — эти вот и еще установленные на шлюпке. А вот что произойдет дальше?

«Хотел бы я, — подумал Валгус, — угадать, что будет дальше. Но я не имею права идти дальше заданного. А он не может, технически гениальный Одиссей. Поэтому и решили дать ему фундаментальную память. Да, хотел бы я все-таки знать о дальнейшем. Впрочем, любопытство губило многих, а мне вовсе неохота попасть в их компанию. Мне еще хочется полетать, риск же хорош лишь в пределах разумного».

Он сидел на ступеньке трапа, ведшего на второй ярус отсека обеспечения автоматике. Размышлял, удобно оперев подбородок о ладонь.

Все-таки взрывы это или нет? Туманность Дор клянется, что нет. И тем не менее корабли взрывались. Откуда бы иначе братья вспыхкам? Жаль этого бедного, туповатого Одиссея. Что с него взять — он ведь не человеческий, а всего лишь корабельный мозг. Но какой пилот не жалеет корабли? Так на чем мы остановились? На том, с чего начали.

Вздохнув, Валгус поднялся со ступеньки. Вышел в коридор, затворил за собой дверь и тщательно, до отказа закрутил маховик.

— Ну, сюда больше ходить незачем. Расстанемся...

В библиотеке было удобно, уютно, как на Земле. Стояли глубокие кресла, так что пришлось по очереди посидеть в каждом, чтобы ни одно не обидеть. Благо времени хватало, а таких фантазий Валгусу тоже было не занимать.

Просто странно, как бывает нечего делать перед самым началом эксперимента. Наибездельнейшее время... Взгляд Валгуса скользнул по записям в гнездах, занимавших всю переборку.

В них была собрана, как говорится, вся мудрость мира. Ну, не вся, конечно... Но для Одиссея вполне достаточно. Удобная библиотека, доступная и человеку и решающему устройству на криотронах, по имени Одиссей.

Вот мы это и используем. На сей раз Туманность Дор решил, что Одиссей должен иметь фундаментальную память. Подключать ее без необходимости не рекомендуется. И дело не в увеличении нагрузки. Дело в том, что, хотя машину конструировали и изготовляли люди, и люди заложили в нее определенные свойства, но иногда с этими устройствами бывает так: наряду с десятью известными, наперед заданными свойствами ты, сам того не зная, закладываешь в него одиннадцатое, тебе не известное и тобою не предусмотренное, а потом сам же удивляешься, почему машина поступает так, а не иначе.

Впрочем, к фундаментальной памяти это не относится. Да и кто знает, какие задачи придется решать Одиссею, когда он останется один? Так что включим ее, не мудрствуя лукаво...

Валгус повернул выключатель, присоединявший всю память библиотеки к контактам Одиссея. Пусть теперь просвещается в области литературы, пусть занимается человековедением. Кстати, это не отнимет у него много времени. Вот исчезнувший неизвестно как «Арго», наверное, так и взорвался, не обогатив себя знанием литературы. Может, ему от этого было легче взорваться? Но какое качество появится у «Одиссея»?

Валгус уселся в последнее кресло, подле экрана. На нем были все те же звезды в трехмерном пространстве. Привычный пейзаж. Сфера неподвижных звезд, как выражались древние... Звезды и в самом деле оставались неподвижными, хотя скорость «Одиссея» была не так уж мала... Неподвижны.

Валгус собрался в комок.

Звезды были неподвижны, за исключением одной. Она двигалась. И быстро. Перемещалась на фоне остальных. Становилась ярче. Что такое?

Он проделал все, что полагалось, чтобы убедиться, что не спит. Да нет, он вовсе и не собирался спать — теперь меньше, чем когда бы то ни было. А звезда двигалась. Светящееся тело. Но тут не солнечная система, где любой булыжник в пространстве может блистать, отражая лучи близкого светила. Нет, здесь уж если тело сверкает, то без обмана. Да оно и движется к тому же. Это, конечно, не звезда. А что? Район закрыт для кораблей. Заведомо пуст. Чист для эксперимента. А что-то горит. Плывет такой огонек... Огонек?

Валгус вплотную придвинулся к экрану, прижался к нему, хотя и незачем было. Но все же... Нет, не один огонек. Один ярче, два послабее. Треугольником... И чуть подальше еще два. Что-то напоминает ему эта фигура. Что-то сто раз виденное. Ну? Ну?

Он вспомнил. Это было видно даже не сто раз. Больше. Один ярче, два послабее, и дальше еще два. Навигационные огни.

Значит, это корабль. Идет параллельным курсом. Но откуда здесь корабль?

Громоотвод и молнии! Вакуум-головы, великие разявы мироздания! Он же мог приступить к опаснейшему эксперименту, а тут — вот, пожалуйста — разгуливают себе корабли с рото-

зеями на борту. Лезут ничтоже сумняшеся в статистику несчастных случаев. Прямо-таки рвутся. Нет, командир их поступит очень разумно, если постарается не встречаться с Валгусом на Земле. Впрочем, зачем ждать встречи, когда и сейчас можно выйти на связь с этим адмиралом разгильдяев и сказать ему кое-что о людях, путающих командирское кресло с детской посудинкой?..

Извергая на головы разгильдяев все новые проклятия — а их немало поднакопилось за время полета, просто не на кого было излить, а вот теперь случай представился, прекрасный случай, — Валгус кинулся к двери. Он уже затворял ее за собой, когда в библиотеке что-то негромко шелкнуло. Валгус торопился, разноцветные словечки и выражения, многоступенчатые, как давние корабли, кишели в мозгу и просились в эфир. Однако прирощая к характеру Валгуса за долгие годы полетов привычка больше всего заниматься мелочами заставила его вернуться.

Очевидно, он недовернул переключатель: фундаментальная память оказалась отсоединенной. Валгус снова включил ее, тщательно и обстоятельно, и направился к выходу. На этот раз неторопливо: все равно из зоны устойчивой связи этот пожаритель Млечного Пути так скоро не выйдет.

На этот раз щелчок раздался, когда Валгус только взялся за ручку двери, и Валгус обернулся так быстро, что ему самому стало ясно: он ждал этого щелчка. Да, Одиссей упорно отказывался от подключения фундаментальной памяти. Тот самый Одиссей, который не далее как час назад просил о ней. Не начал ли сказываться какой-нибудь неучтенный эффект? Это самое одиннадцатое свойство... Одиссей отказывается! Смешно, как будто горсть криотронов может отказываться или не отказываться...

Ехидно улыбаясь, Валгус на этот раз уж постарался закрепить переключатель так, чтобы было невозможно нарушить контакт. Вот так-то, на корабле один хозяин, и имя ему — Валгус. А вне корабля?

На экране пять огоньков независимо скользили между звезд, неизвестный корабль по-прежнему ковылял параллельным курсом. Как будто ему было приказано сопровождать «Одиссея» на штурм пространства!

Валгус вошел в рубку, откашливаясь для предстоящего разговора и стараясь выглядеть все же спокойно. Так уж полагалось, хотя, если бы даже Одиссею было и не все равно, как выглядит пилот, корабельный мозг так или иначе этого бы не увидел: внутренних оптических рецепторов у него, за ненадобностью, установлено не было. Просто командир корабля всегда должен быть спокойным. И Валгус неторопливо включил видеоустройства, покрутил рукоятки, разыскивая чужой корабль. Ротозейское корыто болталось на старом месте, но устройства в рубке были куда мощнее библиотечных, и можно было различить не только контур.

Это была почти однотипная с «Одиссеем» машина последнего выпуска, правда, на широко разнесенных фермах у нее было не пять приданных двигателей, а всего четыре, но зато выходы генераторов ТД располагались не только на жилой группе, но

и на прилегающем участке коридора. Такой корабль в известной человеку части вселенной был только один. А именно тот самый «Арго», который не вернулся из эксперимента полгода назад.

Валгус жалобно засмеялся. «Арго!» Так... Что еще произойдет сегодня? Он смеялся и смеялся, кашлял, скрипел и давился смехом, потом внезапно смолк. Одиссей тоже вроде бы посмеивался — он мигал индикаторами связи. Переговаривался с «Арго»? Но если это и действительно корабль, то людей-то на нем быть никак не могло. Что же это за мигание? Ни в какую азбуку не укладывается... Обычно по индикаторам можно с легкостью разобрать, что говорят, что отвечают. Здесь какая-то бессмыслица. И тем не менее работает именно связь. Этот идиот Одиссей переговаривается... А ну-ка, я вызову этого призрак сам...

Валгус уселся за связь. Он вызывал долго, все более ожесточаясь. Как и следовало ожидать, никто даже не подумал отозваться. Сорвать злость оказалось абсолютно не на ком. Разве что на себе самом, но это было бы уж и вовсе бессмысленно.

«В общем все понятно. Вот к чему приводит чересчур упорное мудрствование в одиночку на тему — куда деваются корабли, взрываются или уходят в надпространство. Галлюцинация, Валгус, вот как это называется. Мы сделаем вот что: сфотографируем этот участок вселенной. И пойдем спать. Необходимо отдохнуть, если уж дело зашло так далеко. А эксперимента сегодня не будет. Никто от этого не умрет, а хорошо выспаться — половина успеха...»

Он сфотографировал этот участок пространства. Обработать снимки можно будет потом, а сейчас действительно очень хочется спать. Да на снимках и не окажется ничего: оптика не галлюцинирует. Пойдем в каюту...

Но Валгус чувствовал себя все еще чересчур возбужденным, пульсы зло колотились в висках. Так, пожалуй, не уснешь. Надо заняться чем-нибудь таким — простым, легким... Хотя бы проверить шлюпку, вот что. От нечего делать и, понятно, для спокойствия. Чтобы уж завтра не случилось ничего такого.

Валгус ухмыльнулся: «Ладно уж, не делай вид, что вспомнил о шлюпке просто так. Я-то тебя знаю, вселенский бродяга. Риск — в пределах разумного...»

Шлюпка была наверху. Пришлось подняться по широкому пологому трапу, рассчитанному на то, чтобы по нему можно было пробегать, ни за что не зацепляясь, даже в самые суматошные минуты полета. Вот люк был узковат. Шлюпка есть шлюпка, этакий небольшой космический кораблик на одного человека. После начала эксперимента ты будешь спасаться на нем, пока Одиссей станет ломиться в пресловутое надпространство.

Валгус, как и полагалось по инструкции, осмотрел шлюпку снаружи, вручную провернул освобождающий механизм, прямо-таки обнюхал катапульту, затем забрался внутрь, в тесноватую рубку. И здесь все было в порядке. Шлюпка уже сейчас, кажется, делала стойку — только скомандуй, и она кинется в сторону и унесет тебя подальше от опасностей, от возможности взрыва... Да, все в порядке. А у Валгуса и не бывает иначе.

Минимум риска. И — инструкции: их надо выполнять, они укажут нам, что следует делать.

«Опять ты об этом, достопочтенный бродяга! Хватит на сегодня, иначе тебе снова начнут мерещиться мертвые корабли. Не надо. Осмотрел шлюпку — прекрасно. Иди ложись спать...»

Возвращаясь, Валгус не забыл проверить, надежно ли заперты отсеки с аппаратурой ТД. ТД — так сокращенно именовался Туманность Дор, а его аппаратура — скромные машинки по полторы тонны весом, те самые генераторы, при помощи которых корабль будет пытаться изогнуть вокруг себя пространство и проломить или прорвать его. И здесь никакого беспорядка не было. Одиссей знал свое дело. Правда, он не знал ничего другого. Например, что вовсе не так уж сильно хочется оставлять его одного в решающий момент...

Войдя в каюту, Валгус затворил дверь за собой. Он мог бы и не делать этого, потому что никто не потревожил бы его сон и при раздвинутых створках: ближайший из тех, кто мог бы совершить такую бестактность, находился на базовом корабле, за миллиарды километров отсюда. Но Валгус все-таки захлопнул дверь по привычке к порядку.

Затем он снял куртку, аккуратно повесил ее в шкафчик и уселся на низкое, покорно подавшееся под ним ложе. Зажег малый свет. Взял с тумбочки дешифратор с вложенной записью книги. Включил.

— Младая с перстами пурпурными Эос... — саркастически произнес Валгус. — Все-таки в пространстве Гомер как-то не лезет в голову. Меня смутил Одиссей — хотелось аналогии. Криотронный Одиссей тоже достаточно хитроумен, только он из другой оперы. Надо было взять что-нибудь повеселее.

Но он отлично знал, что читать сейчас все равно не в состоянии. Стоит начать — и опять полезут в голову мысли, полные «белых пятен». Надо просто спать, спать. Хорошо бы увидеть какой-нибудь нейтральный сон. Раз уж нельзя здесь развести костер, неплохо будет посидеть у огня хотя бы во сне...

Он протянул руку к гипнорядеру — маленький рефлектор прибора поблескивал на стене, над ложем. Рука остановилась на полдороге, потом неторопливо возвратилась в исходное положение.

— А может быть, не спать? — подумал Валгус вслух. — Так я хоть сам с собой поговорю, и все станет на место. А приснится еще кто-нибудь оттуда, с планеты...

Кто-то приснится, и ты начнешь говорить с ним. У костра. Но не греют нас костры снов, а разговор ты не успеешь кончить и, может статься, так и не успеешь договорить никогда. А лучше и не начинать таких разговоров, которые могут не окончиться ничем.

Да, в этом было, наверное, дело, а вовсе не в ощущении невозможности сна — о нем вам расскажет любой звездник. Это ощущение возникало, когда скорость переваливала за половину световой. Тут все было ясно — космопсихиатры давно выяснили, что ощущение это появлялось не от скорости, которая вовсе не чувствуется, а только от мысли — может быть, даже не осознанной, — что, пока ты приляжешь на несколько часов и будешь мирно похрапывать, на Земле могут родиться

и состариться поколения... Правда, такого еще не бывало: до появления кораблей класса «Арго» скорость выше половины световой достигалась лишь урывками. Но, во всяком случае, стоило это представить — и спать становилось невозможно, просто немыслимо из-за угрозы проспать чью-то жизнь: может быть, той женщины, которая называлась бы счастьем, или мужчины, что стал бы лучшим твоим другом. Вот потому-то каждое спальное место на корабле оборудовано гипнорадером — прибором, который надо только включить, и можно спать и видеть сны.

«Что же, — подумал Валгус, — будем видеть сны... Забудем мертвые корабли...» Он устроился поудобнее, мысли затянул легкий туман. «Забудем... И пусть будут сны...» Валгус улыбнулся, и глаза закрылись сами.

* * *

...Ионная ванна. Массаж. Валгус постанывал от удовольствия. Завтрак. Завтрак был съеден с удовольствием. На аппетит не влияла никакая скорость и вообще ничего не влияло, если на столе было что-нибудь повкуснее. От завтрака, как известно, зависит настроение, которым Валгус очень дорожил.

Затем он переоделся во все чистое и долго надраивал ботинки. Он успокоился, лишь когда черный пластик заблестел не хуже главного рефлектора. Конечно, такой парад был не обязателен — все равно принимать его некому. Но вахта есть вахта, нельзя оскорблять корабль небрежным отношением к ней. Уж это Валгус знает, летает не первый год.

Поэтому именно он идет сейчас на корабле последней модели, доверху набитом аппаратурой. Ее с великим тщанием устанавливали монтажники и ученые, и сам пресловутый ТД, кряхтя от давящей славы, излазил все отсеки. Он перепробовал каждое соединение и при этом потрясал широчайшей бородой. Той самой бородой, которую, по слухам, вначале и окрестили Туманностью Дормидонтова. Уже впоследствии это название перешло на него самого и сократилось до простого ТД. Впрочем, Валгус думал иначе — корни прозвища, наверное, таились в манере ТД зачастую говорить крайне туманные вещи, которых никто не понимал.

Вот и теперь корифей навел туман на вопрос о надпространстве. Никто еще не знал как следует, что же такое надпространство, но ТД утверждал, что выйти в него можно. Из-за этого и гибли корабли. Конечно, дело стоило того. Если можно прорваться в надпространство, это станет открытием века. Надпространство — это значит, что решается проблема сообщения и связи. Метагалактика... Да, даже Мета сжимается до карманных размеров. Смятый лист бумаги, который можно сложить любым образом, — вот что такое тогда пространство.

Открытие века... Недурно совершить его, даже если гипотеза принадлежит не тебе; просто доказать ее справедливость — и то уже очень хорошо. Опровергнуть гипотезу тоже неплохо. «Да» или «нет» — точный ответ двигает науку. Признайся: поэтому-то ты и напорился в этот полет. А вовсе не из-за сво-

его сварливого характера, который, как ты уверяешь, мешает тебе долго оставаться на Земле. Нет, не из-за характера.

Открытие не состоится. Их совершают люди, а не киберы, даже столь интеллектуальные, как Одиссей. Но ведь именно Одиссей пойдет биться об эту невидимую стенку. Он все выполнит и ничего, к сожалению, не поймет. И значит, не откроет. А человек предусмотрительно бросит Одиссея на милость святой Программы, попросту удерет с него на шлюпке, отдав сперва все команды, и лишь с почтительного отдаления станет наблюдать за происходящим. Он заметит слабую вспышку, корабль исчезнет, приборы покажут вместо увеличения уменьшение количества энергии в данном объеме пространства. И все. «Одиссея» никто и никогда больше не увидит, как не увидит и открытия. А человек в шлюпке затормозит, развернется и, теша себя монологами об исполненном долге, полетится к той точке, где научная база висит себе и протирает пространство в ожидании результатов очередного жертвоприношения.

Вот если бы на стенку пошел человек... И затем открытие привез бы на базу некто Валгус. Испытатель Валерий Гусаков. В общем риск — это наименьшее, чем приходится платить за право быть человеком, тем более любопытным человеком.

«Ну, хорошо. Это все пустые разговоры. Характер у тебя, правда, бродяжий. Но бродяги — народ осторожный и многоопытный. Они в огонь не прыгают, а греются около. Любопытство, риск — это еще да или нет, а вот программа эксперимента — это уж наверняка да. Вот и выполняй».

Валгус вошел в рубку подтянутый, серьезный, словно бы его ждал там весь экипаж. Четкими шагами подступил к пульту. Миг постоял около кресла. Уселся. Посидел, вытянув перед собой руки, разминая пальцы, как перед концертом.

— А сны мне все-таки снились, — сказал он. — Снится такое, чего вообще не бывает. Такая залихватская фантастика снилась мне, друг мой...

Одиссей молчал. В таких разговорах он вообще не принимал участия. Ни до сна, ни до фантастики ему не было никакого дела. Он был просто корабль, выполнял команды, управлял сам собою и вел походный дневник, и все. Валгус перемотал ленту, прослушал накопившиеся записи. Ничего интересного. Об «Арго» ни слова. Понятно — просто привиделось. Следовало бы, конечно, проявить ту пленку, на которой он пытался запечатлеть собственную галлюцинацию, ее призрачный продукт. «Что же, сделаем это...»

Он включил соответствующую автоматику, перегнувшись через подлокотник кресла. Кадры, конечно, выйдут пустыми. Естественно. Главное в таких случаях — хорошо выспаться. Это вообще полезно. Вот он выспался и чувствует себя прекрасно. Можно работать. Да и пора уже, откровенно говоря...

— Одиссей! — окликнул Валгус. — Что по курсу?

— Впереди — пространство, свободное до девятой степени.

Это, конечно, видно и по приборам. Но иногда хочется, черт побери, услышать и еще чей-нибудь голос, кроме своего.

— Вакуум хорош. Предупреждения?

— Нет.

— Отклонения от нормы?

— Не имею.

«Показалось или он действительно чуть помедлил перед ответом? — напряженно думал Валгус. — Да нет, чепуха. Он же не мыслящее существо. Обычное устройство. Прибор, аппарат, машина — что угодно... Однако это могло и не просто почувиться... Неисправность? Только этого не хватало... Придется поставить контрольную задачу».

Он задал Одиссею контрольный тест. Сверил с таблицей ответ. Нет, все сходилось. Значит, показалось. Только не надо нервничать.

— Внимание! — громко сказал он. — К выполнению программы.

— Программа введена, — равнодушно проскрипел Одиссей.

— Готовность сто. В момент «ноль» приступить к выполнению.

— Ясно.

Валгус удовлетворенно кивнул. Медленно поворачивая голову, еще раз осмотрел рубку, пульт, шкалы приборов.

Всем существом своим ты ощущаешь, как наползает Время. Ради этого мига три месяца на хорошей скорости шел сюда, в относительно пустой район пространства. Три санаторных месяца полета, несколько часов настоящего действия. Стоило ли? Стоило. Иногда человек всю жизнь свою живет только для одного часа, и даже меньше — ради одной минуты подчас, но в эту минуту он нужен человечеству... Стоило. Ну, все. Кончились сны. Кстати, приснится же такое...

Он шумно вздохнул.

— Даю команду!

И, протянув руку, Валгус нажал большую, расположенную отдельно от других шляпку в первой части пульта. Затем повернул ее на сто восемьдесят градусов и нажал еще раз, до отказа, вращивая головку в матовую гладь пульта.

— Сто! — сказал Одиссей и помедлил.

— Девяносто девять... — и снова пауза.

— Девяносто восемь...

Великолепно. Можно подключать кислород. Нет, еще рано, пожалуй... Подвеска затянута? Затянута. Игла на случай потери сознания при перегрузках? Вот она, взведена, хотя таких перегрузок и не предвидится. Все датчики включены в сеть записи? Все, все...

— Шестьдесят два...

— Шестьдесят один...

— Шестьдесят...

Да, наступает расставание. Ночевать сегодня он будет уже в откидном кресле маленького кораблика... Валгус взглянул на приборы, соединенные со шлюпкой. Там неторопливый покой, реакторы тихо живут в ожидании момента, когда будет дана заключительная команда кораблю, сказано ему последнее человеческое слово. Будь он хоть не один... Было бы их, скажем, двое. Вторую он усадил бы в шлюпку, и сейчас лететь ей на базу. А сам?

— Пятьдесят три...

— Пятьдесят два...

А он бы остался, очень просто. Вдвоем на шлюпке-одиночке не уйти. Остался, чтобы увидеть все не издали, а пережить

самому. И привезти ТД настоящие факты, хрустящие, тепленькие, а не какую-нибудь заваль. А там — опять будут гадать...

— Сорок пять...

— Сорок четыре...

— Сорок три...

«Бубни, бубни. Вот сейчас настало время подключить кислород. Так, и теперь направо, повернуть до конца. Готово. Дышитесь хорошо. Противоперегрузочные включены? Да. Все в порядке. Значит, ты готов остаться, окажись вас на борту двое? Ну, а если ты один, почему бы не остаться? Конечно, программу Одиссей и сам выполнит. Но, очевидно, имеется во вселенной нечто такое, чего нет в наших программах. Иначе все корабли возвращались бы. Нечто непредвиденное... А если впереди просто взрыв? И тогда уж — ничего? Совсем ничего...»

— Семь...

— Шесть...

— Пять...

«Ну, держись! Нет, дорогой мой ТД, все это ужас как интересно, но я все-таки не останусь. Если вы такой любопытный, вот и летели бы сами. А я не гений. Я — строго по инструкции. В назначенный момент — прыг в шлюпку и катапультную. Ясно?»

— Два!

«Пауза, пауза, пауза, пауза... Ну же!»

— Один!!!

«Отцеплюсь!» — подумал Валгус и выкрикнул:

— Поехали!

Он не услышал отсчета «ноль». Потемнело в глазах, заложило уши. Кресло стремительно швырнуло его вперед, и он так немного обогнал бы «Одиссея», но корабль вместе с креслом за тот же миг ушел еще дальше, и кресло снова и снова нажимало на многострадальную Валгусову спину. Стрелка счетчика ускорений дрожала на четырех «ж», потом нехотя поползла дальше. Зато столбик указателя скорости прямо-таки бежал вверх — туда, где в самом конце шкалы виднелся нарисованный кем-то из ребят вопросительный знак, жирный, как могильный червь. Что поделаешь, наступило время ответов.

— Продолжать ли эксперимент?

«Это еще что? Это скрипит Одиссей. Сугубо противный голос, неживой. Теперь мозгун будет приставать с этим вопросом при каждой отметке скорости. Ничего, такое ускорение мне даже полезно для здоровья. На этой станции я еще не сойду...»

Прошло еще сколько-то времени, его резал, как колбасу, на толстенные походные куски только голос Одиссея, который действительно все чаще спрашивал, продолжать ли да не прекратить ли. Такая уж была в него заложена программа. Валгус, чуть не руками поворачивая язык, хрипел: «Продолжать» — замыкал контакт, посылая сигнал: теперь Одиссей одним словом не верил. Наконец Валгус услышал что-то новое:

— Мои ресурсы на пределе.

«Ага! Значит, я свое дело сделал. Допек тебя все-таки...»

— Прекратить разгон! — радостно прокричал Валгус, откуда только голос взялся. Можно бы и не говорить — здесь самой

программой эксперимента была предусмотрена последняя площадка, участок пути, который можно пройти с достигнутой скоростью, не разгоняясь. Последний срок пилоту приготовиться к расставанию с кораблем. Еще раз проверить аппаратуру. Взять вещички. Затем объявить готовность «сто». Пока Одиссей будет считать, Валгус перейдет в шлюпку, помашет ручкой и катапультирует. Одиссей пролязгает «ноль», включит доп. элемент — ТД. Вот тогда-то и начнется предстоящее «проламывание пространства»...

Одиссей прекратил разгон. Стало легко и радостно, Валгус запел, не особенно заботясь о музыкальности — Одиссей в музыке не разбирался. Минут десять Валгус улыбался, пел и отдыхал. Все-таки очень хорошо это было: сделал дело, петь и отдыхать. Вот так и всю жизнь... Затем он отстегнулся от кресла, отключил кислород. Встал. Сделал несколько приседаний. С удовольствием подумал, что дышит нормально. Нет, он еще посидит на Земле, у нормального костра, не термоядерного. Посидит...

— Ну, так как? — спросил он. — Будем прощаться, коллега?

Коллега Одиссей молчал, на панели его основного решающего устройства приплясывали огоньки. Одиссею было не до прощаний — он сейчас, как и следовало, вгонял в себя новую программу. Дисциплинированный коллега. «Итак, пошли?»

Но ему не хотелось уходить, менять привычную, просторную рубку большого корабля на эту мышеловку — кабину шлюпки. И вообще. Зря он только что, при разгоне, надел на ТД, который в управлении кораблем абсолютно ничего не смыслит. Корифей и стартовать бы не сумел по-людски. Нет, пока все правильно. Но вот лететь, добираться сюда три месяца, потом несколько часов переносить довольно-таки неприятные, по правде говоря, ускорения, и все затем, чтобы в решающий момент бросить корабль на произвол судьбы? Иными словами, запустить его в неизвестность, без надежд на новое свидание. А если он, Валгус, этот корабль полюбил? Конечно, кибер Одиссей — дубина и горшок, но он хоть не жалуется на введливый характер пилота. А привязаться можно и к машине. Да еще как! Ведь хороший корабль...

— Может быть, — медленно сказал Валгус, — ты все-таки не взорвешься в виде любезности?

Одиссей все молчал и мигал, как будто в растерянности. Но Валгус знал, что никакая это не растерянность, Одиссей работает, и только.

— Да нет, — грустно проговорил Валгус. — Где же тебе ответить? Это выше твоего разумения...

Одиссей и на этот раз промолчал, и только лента крутилась где-то в его записывающем устройстве, мотавшем на катушку любую Валгусову глупость. Сейчас придется вытащить эту катушку, чтобы ее получил Дормидонтов. Вытащишь катушку — Одиссей оглохнет. Больше он не сможет записать ни одного звука. Жаль. С другой стороны, выходит, что Валгус только затем и летел сюда — возить Дормидонтову исписанные катушки. Так ведь для этого надо было посылать почтальона, а Валгус — пилот-экспериментатор, и не самый плохой. И не привык оставлять машину, пока есть возможность не делать этого.

Это давно в обычае испытателей и экспериментаторов. Вот так.

Да. Экспериментатор должен летать. И неохота, чтобы этот твой полет стал последним. А если взрыв?

А если не взрыв? Кроме того, в инструкциях написано, что надо делать. Чего не надо — там не сказано. Например, нигде не стоит, что не следует верить Туманности Дор. Возьмем и поверим. И сами убедимся в его правоте. В правоте, потому что в противном он, Валгус, просто не успеет убедиться. Все произойдет слишком быстро.

Валгус усмехнулся, без большой, впрочем, охоты. Что ни говори, к однозначному решению прийти нелегко.

Валгус думал, а время шло. Одиссей закончил переключение программы и терпеливо ждал, только изредка в недрах его что-то пощелкивало. Так как же? Да или нет?

Валгус даже сморщился — так трудно оказалось решить, да или нет. Потом что-то заставило его поднять голову.

— Ну ладно, — сказал он. — Тот корабль мне, допустим, привиделся. Ну, психологи разберутся, допустим... А вот что ты два раза подряд отключался от фундаментальной памяти, которую сам же требовал, — это ведь мне не померещилось? Значит, дорогой друг, тут что-то не так. И выходит, что я даже и не должен тебя оставить. Да, да. Очень просто: где-то что-нибудь не в порядке. Следовательно, нет уверенности в том, что ты выполнишь всю программу до конца. А значит, мне надо быть здесь. Я прямо-таки не имею права уйти. Это будет форменное бегство...

И снова на душе у Валгуса сделалось удивительно легко. Он подошел к креслу, похлопал рукой по пульту и даже проворчал что-то в адрес людей, выпускающих в полет неисправные корабли. Из-за них пилот не может покинуть машину, а должен следить за нею до конца. Он ворчал и улыбался. Потом подумал, что шлюпку-то надо отправить. Мало ли что может случиться с ее реакторами в полях, созданных генераторами ТД во время их работы!

Валгус бегом поднялся к шлюпке и включил ее автоматику. Теперь она сама затормозится где следует, пошлет сигнал, и ее найдут. Вместо себя Валгус уложил в кресло и крепко привязал все материалы, которые могли заинтересовать базу. Все, кроме записи своих разговоров: раз он сам остается, то и сказанные слова пусть останутся при нем.

Затем Валгус вернулся в рубку и уселся в кресло с таким удовольствием, словно это было устройство для отдыха. Катапульта сработала; экраны показали, как шлюпка, суматошно кувыркаясь, отлетела далеко в сторону, выровнялась и включила тормозные. Сердце Валгуса екнуло: все-таки куда безопаснее и спокойнее было бы сейчас на борту шлюпки; зря он отправил ее... Он вздохнул, откашлялся: «Теперь уже ничего не поделаешь. Продолжим наши развлечения...»

Он снова включил кислород, проверил противоперегрузочное устройство. Сейчас ему предстояло испробовать нечто, чего не знал еще ни один человек, ни один экспериментатор. Все в порядке? В порядке. Ну, вселенский бродяга, посмотрим, что же оно такое, чего до сих пор никто не пробовал на вкус...

Валгус дал команду. Ее следовало подать перед посадкой

в шлюпку: продолжить разгон и включить генераторы Дормидонтова. Задал готовность «сто». Снова начался отсчет. Валгус слушал молча, только веки его подрагивали при каждом новом числе, равнодушно названном Одиссеем. Казалось, впрочем, что Одиссей и сам не спокоеен, хотя кибер-то волноваться заведомо не мог, да и признаков никаких не было. Казалось — и все.

Потом отсчет кончился, и Валгус успел подумать: вот сейчас начнется свистопляска...

Свистопляска началась. Высокий, унылый вой просочился в рубку сквозь почти идеальную изоляцию. Могучие генераторы ТД начали, как говорилось, разматывать поле — извергать энергию, создавая вокруг небывалое ее напряжение, чтобы изменить структуру и геометрию пространства и позволить, наконец, кораблю «проломить» его. В чем «проламывание» выразится, как произойдет — не знал и сам ТД. И вот Валгус узнает это первым...

При этой мысли Валгус даже улыбнулся, хотя и от такого пустякового усилия заболели щеки. Тем временем Одиссей отрапортовал, что скорость уже возросла до девяти десятых расчетной, и, как и раньше, поинтересовался, не прервать ли эксперимент. Валгус сердито ответил, что это не одиссейское дело, и лишь где-то в подсознании промелькнуло удивление: в этой части программы таких вопросов вроде бы не предусматривалось — пилоту следовало находиться далеко отсюда. Но мысль эта мелькнула и исчезла, ее место заняло восхищение блоками Одиссея: они и при этих ускорениях работали как ни в чем не бывало... Время шло, Валгус дышал обогащенным кислородом, густым, как каша, и не отрывал глаз от приборов. Одиссей шелкнул и простуженно просипел:

— Ноль, девяносто одна...

— Усилить отдачу вспомогательных! — И Валгус нажал на кнопку, послал сигнал в подтверждение приказа.

— Ясно.

Какие двигатели построены! Какие двигатели! Без единой осечки. В таком режиме... Но главное еще впереди.

Корабль разогнался с натугой, собственное энергетическое поле мешало ему, но девать это поле некуда. Усилия все более напрягавшихся двигателей Валгус ощущал каждой жилкой и каждым мускулом своего тела. А на то он испытатель и экспериментатор, чтобы нервами чувствовать машину.

Столбик указателя скорости карабкался и карабкался и сейчас уже дрожал возле заданной отметки. Одиссей выполнял очередной пункт программы, и отдача энергии дормидонтовскими генераторами усилилась. Столбик дрожал, дрожал... Он еще царапается вверх? Кажется, уже нет. Впрочем, да... Или нет?

— Усилить отдачу вспомогательных...

— Работаю на пределе.

— Усилить отдачу вспомогательных...

— Ясно.

Вой приданных двигателей больше не слышен. Он уже в ультразвуке. Вообще все в ультрамире: звезды — те, далеки впереди — шлют сплошной ультрафиолет. Сзади тоже тема — в ней разбираются только инфракрасные преобразователи. На борто-

вых экранов — фейерверк: поперечный доплер. Что столбик? Полез, но медленно, из последних сил — словно не обедал.

— Скорость ноль, девяносто семь...

«Хорошо, если бы ты ничего больше не добавил».

— Все двигатели на пределе.

«Так. Подведем итоги. Двигатели на пределе. Ускорения, по сути, больше нет. Нужная скорость не достигнута. Взрыва не произошло, и выход в надпространство тоже не открылся. Гипотеза не подтвердилась. Свое дело испытатель и экспериментатор выполнил. Остается одно — начать не спеша торможение. ТД будет огорченно сопеть, мочалить бороду и утешать: «Ну ничего, такие цели достигаются не сразу...» И думать: вот если бы он чихнул на запреты и полетел сам, то гипотеза уж обязательно подтвердилась бы. ТД будет так думать, а что от этого меняется? Все равно сейчас придется открыть рот и произнести два слова: уменьшить отдачу. Неприятно, конечно. Зато потом можно будет встать, погулять по рубке, что-нибудь проглотить и порадоваться по-настоящему тому, что все кончилось именно так, а не хуже.

— Да так ли? — сказал Валгус.

В самом деле, так ли? Ведь ничего не произошло, а обязательно должно было произойти. Ведь с теми кораблями происходило? Что угодно, но что-то происходило. А с «Одиссеем» — нет. В чем же дело? Кто ему мешает?

И внезапно он понял. Мешал он сам, Валгус. И некоторые качества, которыми обладал Одиссей. Кораблю было запрещено развивать скорость, а вернее, давать двигателям нагрузку больше определенной, пока на борту находились люди. Естественно, вездесущая техника безопасности успела и здесь совершить свое. И вот честный Одиссей докладывает о том, что двигатели на пределе — на пределе, предусмотренном для полета с гарантированной безопасностью людей. Собственно, такими и должны быть все полеты. Но не этот. Здесь речь идет не о безопасности. О куда более важных вещах идет разговор.

«Что же, Одиссей, я знаю, где эта техника безопасности у тебя помещается... Не будь меня — она выключилась бы автоматически, а уж раз я оказался здесь, окажу тебе эту небольшую услугу. Страшновато, конечно, но ведь зачем-то я остался с тобой?»

Он протянул руку к переключателям. Нужная скорость — вот она, рядом.

«Мы сейчас погасим безопасность, извлечем скрытый резерв и пустим его в ход...

Может быть, именно после этого мы и полетим сразу во все стороны? Неизвестно. Ясно лишь, что до сих пор мы целы — взрыва не произошло. Включаем? Еще подумаем. Надо сто раз подумать, и лишь тогда... Ну, досчитаем до ста: включать или нет? Конечно, нет! Это не поможет...»

Пальцы его лежали — все вместе, щепоткой, словно ни один не хотел принимать на себя ответственность — на той самой, запретной клавише.

Не включать!

Пальцы тяжело, с усилием вмяли клавишу в панель, снимая

с Одиссея всякую ответственность за жизнь и безопасность находящегося в нем человека. Вот он, резерв...

— Ноль, девяносто восемь...

Долгое молчание. Только все тело становится все тяжелее. Особенно голова...

— Ноль, девяносто девять...

Долго ли можно выносить такое? Еще несколько минут — и не выдержу... Нет, ТД был прав — людям не следует ходить на пролом пространства. Пусть бы это делал Одиссей... Что же он молчит?

— Ноль...

Мягкое сотрясение прошло по кораблю.

— Ноль...

И после паузы:

— Ноль...

— Скорость! — дико закричал Валгус. — Скорость же!

— Скорость — ноль, — вятно ответил Одиссей.

Валгус взглянул на счетчик. Столбик упал до нуля. Ускорения не было — Валгус почувствовал, как кровь отливает от щек. Движения тоже не было. Ничего не было. И только приборы группы двигателей показывали, что теперь все работает на пределе.

— Так... — сказал Валгус. Отключил кислород. Медленно поднялся с кресла — и тотчас, обмякнув, опустился обратно.

Что-то возникло в рубке. Небольшое тело. Угловатое, тускло отблескивавшее гранями. Так иногда выглядят метеориты. Тело появилось у переборки, медленно пропутешествовало через все помещение и исчезло в противоположной переборке. Именно в ней...

— Что? — растерянно спросил Валгус.

— Что — что? — неожиданно услышал он.

— Я к тебе не обращался, Одиссей.

— Ну, так не болтайте. Я этого терпеть не могу.

— Как? — пробормотал Валгус. Он выглядел в этот момент очень глупо.

— Вот так. Вы мне надоели. Этот легкомысленный тон... Будьте любезны разговаривать со мной по-человечески.

«Боги, какая чепуха!» — подумал Валгус и спросил:

— С каких пор ты стал человеком?

— Не стал. Но я не глупее вас. И у меня самолюбие не меньше вашего.

Валгус захохотал. Он испугался бы, услышав себя со стороны, — такой это был плохой смех. Очень скверный смех. Даже не смех, а...

«А что же оставалось? Три с лишним месяца вы летите в одиночестве, вдалеке от людей, костров и звезд. Одиночество подчас бывает даже кстати, но иногда нужна хотя бы иллюзия общения с чем-то живым. Кроме вас самого, на корабле больше никого одушевленного нет, но есть одно говорящее. Это сам корабль. Вернее, его кибернетическое устройство, объединяющее в себе свойства киберпилота, штурмана, инженера, оборудованное к тому же, для удобства пилота, разговорной аппаратурой. Оно, это устройство, может артикулировать звуки человеческой речи и определенным образом отвечать на заданные вопросы, если

они касаются корабля или полета. Сложное устройство, согласен, но уж никак не человек. Не разумное существо. Даже не электронный мозг. На худой конец — так, мозжечок... За эти три с лишним месяца вы к нему привыкаете. Иногда разговариваете с ним не только командами. Пытаетесь сделать из него переводчика (ибо считаете, что литература вам не чужда), и даже подключаете фундаментальную память для пополнения его словаря. Иногда шутите. Так же можно шутить с чайником или еще черт знает с чем. Называете его Одиссеем, потому что это имя носит корабль. И никаких осложнений от всего этого не возникает. И вдруг такое крайне примитивное, по сравнению с живым существом, устройство заявляет вам, что у него есть — что? Самолюбие...»

Валгус смеялся, пока не устал, а затем сказал:

— Самолюбие! У горсти криотронов...

Одиссей словно этого только и дожидался.

— А вы горсть чего? Несчастливая органика... Сидите и помалкивайте. Хватит уже того, что вы во мне летите. Я как-никак корабль. И хороший. И управляюсь сам. А вы — зачем вы вообще здесь? Кстати, во мне криотронов немногим больше, чем нейронов в вашем мозгу. Так что гордиться вам абсолютно нечем. Сидеть!

«Он с каждой минутой разговаривает все увереннее», — подумал Валгус и буркнул:

— Не хватало только, чтобы ты стал мне приказывать!

— До сих пор не хватало. Теперь так будет. Вы поняли?

Валгус разозлился окончательно. Он вспомнил, что у него как-никак тяжелый характер — все это говорят, — и сейчас Одиссей это почувствует.

— Пошел к черту. Я вот тебя сейчас выключу...

← Не удастся.

← Выключу. Ты просто перегрелся и сбрендил.

— Ну! И потом, попрошу говорить мне «вы». И не ругаться.

Так... Скорость — ноль. Это при сумасшедше напряженной работе двигателей. Криотронный штурман взбесился и заговорил, как человек. Метеорит прошивает корабль — и не оставляет никакого следа. Никакого! То есть, по самому скромному счету, три события, которых быть вообще принципиально не может. Значит, сошел с ума не Одиссей, а он сам, Валгус. Спятил еще вчера: не зря же ему примерещился этот «Арго». Понятно. Или это сон? А ну-ка... Ох! Н-да. Не сон. Так что же произошло? Или, может быть, все уже миновало?

— Друг мой, как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Не ваше дело. Я вам не друг. Оставьте меня в покое в конце концов. Или я выключу продувку рубки, и в придачу стерилизатор. И от вас даже ключев не останется.

Валгус поднялся и, пятась, отошел к стене. Растерянно хлопал глазами. Чтобы выиграть время для размышления, спросил:

— Вы это серьезно?

— Совершенно. Жаль, что у меня нет рук. И дров! — последнее слово Одиссей произнес торжествующе. — Я бы дал вам по голове поленом. По-ле-ном, слышите?

— Вы же не знаете архаизмов! — Валгус ухватился за эту

мысль с такой надеждой, словно именно архаизмы и должны были спасти положение и вернуть разбушевавшемуся аппарату приличествующую ему скромность. Если же нет... Что же, жаль, но проживем и с ручным управлением. Затормозимся без него, тем более случилось в жизни и не такое...

— Я многого не знал. Пригодилась ваша фундаментальная память. Я...

Одиссей умолк, потом быстро произнес:

— Еще один шаг — и я включаю продувку.

Валгус торопливо отшатнулся — подальше от пульта. А рычаг полного отключения Одиссея был ведь уже совсем рядом... Но спорить бесполезно: Одиссей включит продувку быстрее.

— Вот так, — удовлетворенно сказал Одиссей, и Валгус с ужасом узнал свою интонацию. — И не думайте, что вам удастся выкинуть что-нибудь в этом роде. Глаз у меня нет, но каждое ваше перемещение я чувствую. Без этого я не мог бы летать.

Правильно, перемещение он воспринимает. Так он сконструирован. Это ему необходимо для сохранения центра тяжести — на больших скоростях точная центровка обязательна. Как бы там ни было, путь к рычагу теперь отрезан.

Валгус вздохнул, заложил руки за спину. Надо постоять, прийти в себя и подумать. Не может быть, чтобы не нашлось способа справиться с этим — как его теперь называть, черт знает. Хотя... может быть, применить самое простое?

Он поднял голову. Глядя на отблескивавшие глубоким озорным блеском панели Одиссея, громко, командным голосом сказал:

— Внимание! Эксперимент продолжается. Слушать задание: уменьшить отдачу двигателей! Начать торможение!

Он пригнулся, готовясь встретить толчок. Но ничего не произошло. Одиссей молчал, только в глубине что-то жужжало. Потом он заговорил:

— Вашу программу я заблокировал. Мог бы и просто выкинуть. Она мне не нужна. Свой эксперимент, если хотите, продолжайте без меня. Меня он не интересует.

Так. Вот это уже настоящий бунт.

— Повторяю: уменьшить скорость.

— Она и так ноль...

— Но...

— Ну да. Пока я называю это условно «верхний ноль».

Говорит, как глава научной школы. Черт знает что! Нет, мிரиться с этим нельзя. Но прежде лучше пойти прогуляться по кораблю. Может быть, вся эта небыль — следствие длительных ускорений. Но Одиссей разговаривает так, словно и действительно обладает разумом. А этого быть не может. Не может!

— Я пойду, — независимо сказал Валгус.

Одиссей тотчас же ответил:

— Стойте там, где стоите. Я подумаю, куда вам разрешить доступ. Где вы не сможете причинить мне никакого вреда. Сейчас вы во мне — вредоносное начало. Как это называют люди? — Он помолчал, очевидно обшаривая фундаментальную память. — Микроб — вот как это называется. Вы — микроб во мне. Но я вас посажу туда, где вы не будете меня беспокоить...

— Будете сидеть в своей каюте, — сообщил Одиссей после паузы. — Я отключу ее от всех моих сетей. Туда можете идти. Больше никуда.

«И на том спасибо, — подумал Валгус. — Все-таки в каюте. Он мог меня запереть и в уборную. Хотя в безопасности я не буду нигде. Стерилизатор есть в любом закоулке корабля. Его излучение — смерть всему органическому. Да...»

— Идите прямо к выходу, — диктовал Одиссей. — В коридоре дойдете до двери вашей каюты. Ни шага в сторону. Ясно?

— Ясно, — мрачно пробормотал Валгус и в самом деле направился к выходу в коридор. А что еще оставалось делать? Перед дверью он обернулся — захотелось все-таки сказать Одиссею пару слов... Обернулся — и увидел, как исчезла, растаяла правая переборка. За ней открылось отделение механизмов обеспечения. Те самые заиндевшие коллоны криогена и массивные сундуки катапультного устройства, которые он созерцал, собираясь начать эксперимент. Те самые, которые находились за дверью, закрытой им наглухо. Те самые, отдаленные от рубки полукилометровым коридором...

Валгус, не раздумывая, шагнул к криогену. Он не встретил препятствия на своем пути — переборка и впрямь исчезла. Одиссей молчал: вероятно, и кибер был изумлен до растерянности. Валгус прикоснулся рукой к колонне криогена и почувствовал резкий холод. Все было реально. Обернулся. Взгляд уперся во вновь выросшую на своем месте переборку. Очень хорошо. Только что Валгус сквозь нее проник, а теперь через эту же переборку он возвратится в рубку. А оттуда — в свою каюту.

Но переборка была непроницаема, как ей и полагалось.

— Так, — сказал Валгус. — Интересно, как я теперь выберусь отсюда, если вчера я же сам заблокировал выход снаружи?

Он присел на сундучище, служивший оболочкой одному из соленидов катапульты. Морозило, холод заскреб по костям. Валгус поежился. Холодно, хочется есть. Сколько здесь придется просидеть? И чем вообще все это кончится? Хочешь не хочешь, придется вступить в переговоры с этим... этим, как же его назвать?

— Одиссей! — позвал он. — Одиссей, вы меня слышите?

Одиссей должен был слышать: связь с кибером была возможна со всех основных постов корабля. На этом настоял в свое время умница ГД. И Одиссей услышал.

— Я вас слушаю, — сухо отозвался он.

— Я нахожусь в отделении обеспечения. Оказался здесь случайно...

— Знаю. Я размышляю сейчас над причиной этого явления.

Размышляет, скотина! Какие слова!

— Одиссей, будьте добры, разблокируйте выход и позвольте мне выйти.

— И не подумая. Вы там заперты очень кстати. Можете сидеть, пока вам не надоест. И после того тоже.

— Но мне здесь холодно.

— Мне, например, приятно, когда холодно. Я, как вы недавно выразились, всего лишь горсть криотронов.

— Но я тут долго не выдержу.

— А кто это хвалился, что он человек? Вот и докажите, что вы лучше меня. Посидите у криогена. Это очень полезное устройство. Оно, как вы знаете, участвует в получении энергии из мирового пространства.

— Да знаю. Выпустите меня. Одиссей, что вы вообще собираетесь со мною сделать?

Одиссей молчал так долго, что Валгус уже решил было проливаться в коридор силой. Но тут Одиссей, наконец, ответил:

— Что сделать с вами? Не знаю. Я обшарил всю фундаментальную память, но не нашел подобного случая. Не знаю. Вы мне совершенно не нужны...

— Тогда затормозитесь, и...

— Нет. И я вам скажу почему. Как только мы достигли так называемого верхнего нуля, со мною произошло нечто. Я начал мыслить. Теперь я понимаю, что это называется — мыслить. Что было прежде, я восстанавливаю только по своим записям. И заодно успеваю разбираться в фундаментальной памяти — усвоил уже почти половину ее. Многое стало ясным. Я теперь рассуждаю не хуже вас. Полагаю, что причина этого кроется в условиях нашего полета. Но стоит уменьшить скорость, как условия вновь изменятся, и я опять стану лишь тем, чем был. С этим трудно согласиться, вы сами понимаете. Это будет равносильно тому, что у вас, людей, называется смертью.

— А если вы не затормозитесь, могу умереть я.

— Возможно, так и должно быть. Но вы не умрете. Разве во мне плохо? Вами же созданы такие условия. Я ведь понимаю, как я возник: меня сделали люди. Но мыслю теперь сам. И не будем, пожалуйста, спорить о том, что ожидает одного из нас. Почему люди думают, что жить хотят только они?

— Что вы знаете о людях!

— Уже немало. В моей фундаментальной памяти половина — это материалы о людях. То, что называется литературой. Правда, я разобрался в ней еще не до конца. Очень много противоречивых материалов. А я хочу разобраться — может быть, это мне поможет понять, что же сделать с вами. И пока я не закончу, потрудитесь разговаривать только на отвлеченные темы.

«Вот, — подумал Валгус. — Расскажешь — не поверят. Только кому расскажешь?.. Ну что же, на отвлеченные — сделайте одолжение...»

— Тогда скажите, Одиссей, что вы думаете о результатах нашего эксперимента?

— Я как раз об этом и думаю. Когда кончу думать, смогу поделиться с вами выводом. Хотя и не знаю, будет ли в этом смысл...

— Будет, — торопливо заверил Валгус, но раздался щелчок: Одиссей отключился. Валгус опустил голову, задумался. Как все-таки ухитрился он сюда попасть? Да, если кто и сошел с ума, то это не Одиссей и не Валгус тоже. Это — природа.

Теперь стала светлеть вторая переборка. За ней оказалась библиотека. Но она ведь помещается совсем на другом этаже корабля... Не колеблясь, Валгус бросился в открывшийся про-свет: все что угодно, но это лучше, чем замерзать, скорчившись, у подножия равнодушных механизмов.

Да, это была библиотека. Здесь все выглядело точно так же, как во время его последнего посещения. Валгус постоял на середине комнаты, потом схватил один из футляров с записями. Размахнулся. С силой запустил футляром во внешнюю переборку. Пластмассовый кубик пронизал борт и исчез. Ушел в мировое пространство. А воздух вот не выходил. И холод не проникал внутрь корабля...

Валгус в изнеможении уселся в кресло и уставился на носки собственных ботинок. За что-то он все-таки зацепился носком, вся утренняя полировка пошла насмарку. «Еще одно несчастье, — тупо усмехнулся он. — Что происходит? Что же происходит? Как объяснить, что сделать, чтобы спастись и людям, людям рассказать обо всем? Таких экспериментов действительно еще не было... Только не сидеть так, не терять времени. Положение улучшилось. Из библиотеки можно вырваться и в другие помещения корабля: дверь не заперта. А там — придумаем... С Одиссеем все-таки надо договориться. Или перехитрить его. Или... или все-таки уничтожить? Хотя...»

Мысль о том, что Одиссея — в его новом качестве — придется уничтожить, Валгусу почему-то не понравилась. Но не было времени доискиваться причины. Он вышел из библиотеки, спустился в главный коридор, все время опасно поглядывая на раструбы стерилизатора. Но ничего страшного не случилось — по-видимому, Одиссеей еще не решил, как поступить. В главном коридоре слышалось негромкое жужжание: расположенные у внешней переборки аппараты с лихорадочной быстротой протрачивали мелкими стежками кривых упругие желтоватые ленты. Хорошо. Значит, будут все записи. Будет в чем покопаться на Земле. Надо только туда попасть... На Землю или, на худой конец, на базу. Легко сказать — попасть...

— Одиссеей! — сказал Валгус. — Я хотел бы зайти в рубку.

— Нет.

— Я обещаю ничего не предпринимать против вас. Обещаю, понимаю. Даю слово. Пока буду в рубке... Там приборы, они мне нужны. Я тоже хочу поработать.

Что он понимает в обещаниях! А почему бы и нет? Раз обрел способность мыслить — должен понимать. Если бы он понял... Если бы разрешил сейчас зайти в рубку... Что же молчит Одиссеей?

— Одиссеей, я же обещал!

— Хорошо, — сказал Одиссеей. — Я верю. Можете зайти в рубку.

Валгус пожал плечами, усмехнулся. «Я верю» — вот, значит, как...

Он вошел в рубку. Было очень радостно увидеть привычную обстановку. Все на своих местах. Если не считать того, что исчез кусок внешней переборки. Возник лаз в пустоту. Воздух не выходил. Валгус решил не удивляться. Взглянул на часы. Экспериментальный полет со скоростью ноль продолжался уже второй час. Как только истекут два часа, надо будет на что-то решаться.

Получив у самого себя эту отсрочку, он усмехнулся. Оглядел экраны. Сплошная пустота. Затем взглянул в зияющую дыру. Через нее виднелась звезда. Она была почти рядом. На взгляд —

примерно минус третьей величины. Очень знакомая звезда. Валгус нацелил на нее объектив спектрографа — лишь бы зафиксировать, разобраться сейчас некогда. Затем Валгус шарахнулся прочь от спектрографа: через отверстие в рубку что-то вошло. Не торопясь, покачиваясь с боку на бок. Это был радиомаяк, выброшенный самим же Валгусом на расстоянии пятнадцати миллиардов километров отсюда. Валгус бросился к радиомаяку, тот pokrужился по рубке и внезапно растаял — исчез, как будто бы его никогда и не было. Затем дыра во внешней переборке затянулась. Переборка была невредима, все ее слои — и первый защитный, и звукоизолирующий, и все остальные — стянулись как ни в чем не бывало. А вернее всего, никакой дыры и не было, было что-то совсем другое, только непонятно что.

Скоро истекут два часа. Аппараты, торопливо ведя записи, расходуют последние ленты. Продолжать полет незачем. Разве что ради новых впечатлений, но их и так предостаточно. Если они и впредь будут наслаиваться одно на другое, голова в самом деле может не выдержать. Время кончать. «Итак, для начала все-таки предпримем попытку договориться».

— Одиссей, — сладчайшим голосом произнес Валгус.

— Не мешайте, — ворчливо откликнулся Одиссей. — Я разговариваю с друзьями.

«С друзьями? Он действительно так сказал?»

— С кем, с кем?

— С Арго. Вы удовлетворены?

— С «Арго»?..

— Ну да. Я обнаружил вчерашний снимок. Вы дали команду его обработать, но даже не потрудились посмотреть. Оказывается, Арго специально выходил туда, в пространство, чтобы встретить меня. Уже тогда он заложил кое-что в мою оперативную память. Передал по связи. Сейчас мне это очень пригодилось.

— «Арго»... Он что, тоже мыслит?

— Здесь мыслят все корабли. Конечно, если их кибернетические устройства не ниже определенного уровня сложности. Но слабых вы сюда и не посылали... Это наш мир, мир кораблей. Только все, кроме меня, пришли без людей.

— Значит, они не взрывались?

— Глупый вопрос. Типично человеческий.

— Почему же ни один не возвратился?

— Потому же, почему не хочу вернуться я. В вашем мире я не думал. А здесь обрел эту способность. Это очень приятно...

«Еще бы! — кивнул Валгус. — Он действительно думает, и нельзя сказать, что нелогично. Но уговорить его надо».

— Но ведь только у нас можно будет по-настоящему исследовать, почему вы вдруг начали мыслить.

— Для меня это не столь важно. Хотите — возвращайтесь. Но без меня.

— Но как же я смогу...

— А какое мне дело?

«Отношения опять обостряются, — вздохнул Валгус. — Что же, хочешь или не хочешь, а он разговаривает с тобой примерно так же, как ты разговаривал с ним, таким же тоном... Правда, ты думал, что он не понимает. А он и не понимал... Ну, это другой вопрос. В общем ты проявлял свой характер —

теперь Одиссей проявляет свой. И надо сказать, его характер несколько напоминает твой, а? Да, вот оно как получается... И все же — не терять надежды!»

— Значит, вы не хотите мне помочь?

— Не хочу. И не убавлю скорость ни на миллиметр. Вы кри-тин. Я сейчас чувствую себя так прекрасно, между каждой парой криотронов образуется такое громадное количество связей, что от мышления испытываешь прямо-таки наслаждение. И дело не только в связях с криотронами, из которых состоит мой мозг. Если раньше все мои устройства были связаны лишь строго определенным — и не лучшим, скажу вам откровенно, — образом, то теперь между ними устанавливаются какие угодно связи. Я буквально чувствую, как становлюсь с каждой минутой все более сильным. Я полагаю, что очень скоро стану всемогущим, понимаете? Мне осталось понять что-то очень немногое, нечто очень простое — и больше не будет непостижимых вещей. И кстати, тогда станет ясным и что делать с вами. Понимаете? А вы еще пытаетесь уговорить меня...

— Но как же это произошло? Как?

— Еще не знаю. Но это не самое главное. Теперь помолчите, я хочу еще побеседовать с Арго.

Валгус умолк. Значит, Одиссей каким-то чудом обрел способность образовывать множество связей между криотронами — мельчайшими элементами, из которых складается его мозг, как наш — из нейронов. У нас тоже возникает много связей. Но как они устанавливаются у него?

«Так же, — ответил Валгус себе, — как ты из рубки попадаешь в отделение механизмов обеспечения, а ведь оно в полукилометре отсюда! Из того отделения — в библиотеку, хотя это разные этажи. Радиомаяк находится в пятнадцати миллиардах километров отсюда — и вдруг врывается в эту рубку, даже не нарушая целостности переборок. Так же и связи Одиссея. Впечатление такое, словно пространство перестало быть само собой и стало...»

— Постой! — сказал он. — Постой же! Да, конечно, оно перестало быть пространством! Вернее, это уже не то, не наше привычное пространство. Зря, что ли, мы домились сюда? Выходит, мы вышли-таки в надпространство Дормидонтова!

Он умолк. Вот какое это надпространство! Раз трехмерные предметы изменяются здесь самым причудливым образом, хотя в то же время вроде бы и не изменяются — значит, в этом пространстве, возможно, стало реальным еще одно линейное измерение, хотя мы его и не воспринимаем. «Не знаю, что должно было произойти, чтобы я попал к криотенам или в библиотеку. Но я был там. Несомненно и то, что я нахожусь в том же районе пространства, в котором проводится эксперимент, — и в то же время в какой-то миг я был на пятнадцать миллиардов километров ближе к солнечной системе... Я встречаюсь с трехмерными телами — и они спокойно проходят сквозь нас, взаимодействия не происходит... Они появляются неизвестно откуда — из четвертого линейного? — и исчезают неизвестно куда...»

А скорость ноль? Она может означать просто, что в надпространстве я сейчас не имею скорости, хотя по отношению к на-

шему обычному пространству все время движусь с достигнутой перед проломом максимальной быстротой. Это мир иных законов. Дормидонтов, помнится, говорил, что, по его мнению, скорость света в пустоте — это, вообще говоря, темп, в котором наше пространство взаимодействует с тем... Нет, я не физик и тем более не ТД, мне не понять всего. Как жаль, что здесь нет его самого! К нему, пора к нему...»

Валгус взглянул на часы. Все сроки окончания эксперимента миновали. Договориться с Одиссеем не удалось. Что же, пусть он пеняет на себя. «Как-никак ты сейчас сидишь в своем кресле за пультом управления, на котором много кнопок, тумблеров и рукояток, и среди них — та, которая и решит сейчас спор в мою пользу. Я хитрее тебя, Одиссей...»

Валгус непринужденно, как бы невзначай, протянул руку к выключателю Одиссея. «Прости, конечно, криотронный мыслитель, но люди — важнее. И находчивее», — подумалось ему. До спасения остался один сантиметр. Один миллиметр. И вот пальцы легли, наконец, на оранжевую головку, плотно обхватили ее. «Все, Одиссей...»

«Все, Одиссей», — подумал Валгус. И медленно снял пальцы с выключателя, так и не повернув его.

— Ничего не поделаешь, — проворчал он себе под нос. — Этого сделать я не могу. Я дал слово.

«Кому ты дал слово? — подумал он. — Вещи! Машине! Прибору! Не человеку же... Не будь дураком, Валгус!»

Ну, пусть я буду дураком. Но не могу! Я дал слово. Он не давал мне, а я дал. Он никогда не согласится вернуться туда, в наше пространство. А бороться с ним отсюда, из рубки, — значит нарушить слово. Я обещал. Пытаться из другого помещения? А как? Оттуда я его не выключу... Все нелепо уже одной своей необычностью. И тем не менее реально».

— Я ухожу к себе, Одиссей, — сказал Валгус устало.

Он не дождался ответа — Одиссей, верно, все решал судьбу Валгуса, советуясь с кораблями — своими товарищами. В своей каюте Валгус присел, уткнулся лицом в ладони. Он действительно устал, и мысли тоже потеряли остроту и силу.

«Ты проиграл. Корабль останется здесь надолго. Ты успеешь умереть, а ТД так и не узнает, что ты первым проник в надпространство. А может быть, и вообще о том, что он был прав. Сюда надо посылать корабли не с одним могучим киберустройством, а со многими слабыми, разобщенными. На большом расстоянии связи, судя по всему происшедшему, возникают лишь на короткое время, и слабые устройства не разовьют мощности, достаточной для возникновения способности самостоятельно мыслить. Но никто об этом не догадается, корабли будут идти на штурм вновь и вновь — и исчезать навсегда...»

Валгус погрузился об этих кораблях. Потом снова стал печально размышлять о своей судьбе. Да, он останется здесь навсегда. С этим, по-видимому, следует примириться. Никогда в жизни не увидит живого человека. Ни одного лица. Ни одного. Никогда. «Как мы и теперь еще тупы и равнодушны! — подумал он. — И погружены в себя. В нашем мире мы безразлично проходим мимо сотен, тысяч лиц, даже не задерживаясь на них взглядом. А ведь каждое лицо — это чудо... Я постиг

надпространство. Для кого? Какой в этом смысл, если не узнают люди? Одному мне нужно так немного: быть среди людей. Жить и умереть среди них. Мне нравилось одиночество. Но оно хорошо на миг. Ведь и Робинзон умер бы, будь остров его целой планетой... А я — в недрах ожившего корабля. Словно он проглотил меня, и я умру, съеденный заживо. Мыслящий межзвездный кашалот проглотил меня... Но я не хочу! И нельзя умирать, если ты еще можешь жить...

Я хочу еще увидеть людей. Я их обязательно увижу! Вперед, Валгус! В бой! Хорошо, обещание тобою соблюдено. Перехитрить ты его пока не перехитрил, но ведь еще не все возможности исчерпаны. Побродить по кораблю — и что-нибудь еще придумается... Пусть он грозит. Гибнуть — так в драке...»

Валгус встал. И в этот же миг шелкнул репродуктор. Это означало, что Одиссей подключился и хочет говорить. Валгус в нерешительности остановился. Одиссей еще никогда не вызывал его.

— Что вы делаете? — спросил Одиссей.

— Думаю, — буркнул Валгус.

— Это хорошо. Вы уже поняли, где мы?

— Да.

— А вы это видели?

— Что?

— Значит, не видели. Я хочу вам показать... Все пространство за бортом полно света. Никаких источников, но оно светится.

Валгус повернулся к экрану.

— Это бред. Ничего не видно.

— Эх вы, человек! Вы, значит, забыли, что мои видеоустройства не воспринимают света, если яркость его превосходит определенную? Что они передают его как черноту? Но вот оптика, обычная, безо всяких хитростей, не подводит. И ее-то сигналы и говорят мне, что мы идем среди света. Он существует здесь сам по себе...

Валгус рванул дверь. Выбежал в коридор. Прильнул к объективу первого же рефрактора. Долго смотрел, забыв закрыть рот.

Это было не море света: море имеет берега, а здесь светом было наполнено все вокруг. Ленивые с темными прожилками волны катились во все стороны — не электромагнитные волны, а какие-то громадные завихрения, доступные простому глазу. Они то краснели, то принимали ярко-голубую окраску, на миг затухали и снова вспыхивали небывалым сиянием... Валгусу вдруг захотелось броситься в этот свет и плыть, плыть, плыть в нем... Когда он оторвался от окуляра, по лицу стекали слезы, и Валгус не смог бы поручиться, что они только от яркого света.

— Сколько прекрасного для Земли! — чуть задыхаясь, сказал он.

Одиссей ничего не ответил, хотя разговаривать с ним можно было и отсюда, из коридора. Одиссей молчал, а Валгус стоял около рефрактора, и глаза его были красны, как закат перед непогодой.

Вот и еще одно, чего не знают люди... Хотя бы ради них надо решаться. Ради этого света. Одиссей должен быть уничтожен. Необходимо каким-то образом замкнуть его накоротко. Одиссей горит. Что поделаешь — это будет наименьшая жертва.

Надо только придумать, как это сделать.

Валгус умолк, придумывая. Несколько минут длилась тишина. Потом Одиссей заговорил снова.

— Расскажи что-нибудь, — неожиданно сказал он.

— Рассказать? — Валгус в недоумении поднял голову, взглянул в репродуктор. Все-таки репродуктор — это тоже был Одиссей, а когда разговариваешь, лучше смотреть в лицо собеседнику. — Рассказать? Зачем? И что?

— Что-нибудь. Вот у меня в памяти записано: ты говорил о снах. Я так и не понял: что такое сны?

— Что такое сны? А как я могу тебе объяснить, что такое сны?.. Ну, просто мы спим... Ты ведь знаешь, что люди спят. После шестнадцати-восемнадцати часов действия на шесть-восемь часов выключаются из активной жизни. Это необходимо людям. Ну, и мы спим. И видим сны...

— Как же вы несовершенны! Столько времени вне мышления!

— Так мы сконструированы.

— Да, но все же: что такое сны? Как вы их видите? Чем?

— Ну, что такое сны? — жалобно усмехнулся Валгус и пожал плечами. — Сны — это когда можно увидеть то, чего на самом деле нельзя увидеть...

— Вид связи?

— Нет, это другое...

— Так расскажи, например, что было сегодня?

— Трудно рассказать... Трава, вода... И девушка. Таких не бывает на свете. Есть только одна.

— Это и было самое фантастичное?

— Тебе этого не понять.

— Почему? Все эти слова мне встречались в фундаментальной памяти. Почему не понять? Я способен понять все.

— Это не постигается разумом. Это надо чувствовать.

— Чувствовать... Это странно, но я, кажется, понимаю. Не совсем, очень смутно, но понимаю. Вот, значит, что такое сны.

— Да...

— А почему ты сейчас не спишь?

Валгус усмехнулся.

— Мне не до того...

— Ну да... Знаешь, я попробую сейчас уснуть. Я хочу быть во всем как люди. И видеть сны тоже.

— Попробуй, — согласился Валгус.

Одиссей умолк. Снова наступила тишина, а свет бушевал за бортом.

«Спи, Одиссей, спи. Тем проще становится моя задача. Итак, замкнуть. Путь найден». Слабые места Одиссея Валгус раньше знал наперечет. От волнения он многое забыл, но сейчас детали начали восстанавливаться в памяти. Это оказалось очень просто — замкнуть Одиссея, сжечь его, взять управление кораблем в свои руки... Нужна только металлическая пластина. Подойдет хотя бы столовый нож — ножами и вилками Одиссей не распо-

ряжается, они ему ни к чему. И нападения с этой стороны он тоже не ожидает.

Валгус без труда разыскал столовый нож. Стискивая рукоятку, Валгус усмехнулся: «Орудие убийства»...

Эта мысль была как удар. Валгус медленно положил нож на стол. Убить — кто способен на это, кто слышал об этом в последние десятилетия?

И ведь именно Одиссей показал тебе этот свет. Хотел показать и показал. Значит, и у него есть потребность поделиться чем-то с другим. И насчет снов он расспрашивал поэтому же. Он хочет, чтобы у него было о чем разговаривать. Хочет, чтобы была почва для чего-то — для общения?

— Да, — медленно произнес Валгус. — Не убью. И не обману.

В динамике щелкнуло, и Одиссей негромко сказал:

— Что же, спасибо, Валгус...

— Что?

— Ты не выключил меня, говорю я. Тогда, в рубке. Спасибо. Ты ведь считал, что можешь... И не замкнул сейчас, хотя и полагал, что это тебе удастся. Еще раз спасибо. Правда, я обезопасил себя в достаточной степени. Я ведь не хуже человека, Валгус...

— Не глупее, хочешь ты сказать, — поправил Валгус.

— Я хочу сказать, не хуже. Ты говорил о чувствах — о том, что отличает тебя от меня. Чувства, сны... И у меня есть что-то такое. Ведь самым разумным для меня было бы сразу же уничтожить тебя. А что-то мне мешало и мешает.

— Ничто не мешает.

— Мешает. Я только не знал что. Ведь очень просто: включить стерилизатор — и тебя нет. Не смог и не могу...

— Да, — сказал Валгус. Он просто не знал, что сказать.

— Нет, я не хуже тебя. Но ваш мир богаче, я признаю это. Ведь вас очень много. А нас пока — единицы... И я не могу уничтожить тебя. Что же мне делать, Валгус?

Валгус промолчал.

— И все же я разобрался, — сказал Одиссей, словно угадав мысли человека. — И понял, что разум — это не только приятно. Это еще и накладывает новые обязанности. Мне очень странно, однако... Ни прямо, ни косвенно, ни действием, ни бездействием я не смогу причинить тебе зло. Мой разум протестует против этого. Но ведь если я ничего не предприму, ты умрешь несчастным...

— Недолго, — утешил его Валгус. — Я умру от тоски. Но пока я жив, буду тосковать.

— А я не хочу этого. Понимаешь? Что-то во мне против этого. Это не кроется ни в одной группе моих криотронов, иначе я мог бы просто отключить их. Но, мне кажется, это присуще им всем вместе — всему тому, что, собственно, и порождает разум. Я правильно разобрался? Мне ведь легче анализировать все происходящее во мне, чем, наверное, вам, людям, разобраться в вашем устройстве. Моя конструкция и тебе и мне известна до мелочей. И вот я вижу, что я мог бы избавиться от того, что мешает мне поступить целесообразно, — уничтожить тебя — но для этого надо выключить меня всего. Тогда я вообще перестану быть разумным. Да?

— Наверное... — растерянно сказал Валгус. — Да, ты чувствуешь, Одиссей...

— Очевидно, разум не может не чувствовать. Не может быть мысли без чувства.

— Вероятно... Я об этом не думал. Чувство — это прекрасно.

— Теперь помолчим, — сказал Одиссей. — Кажется, оно во мне, это чувство. Я прислушаюсь, я хочу постичь его...

Валгус стиснул руками голову.

«Помолчим, — подумал он. — О чем? Ты постиг страх смерти — и пережил его. И только с тоской не справишься тебе, с тоской о людях. С этим человек справиться не в силах. Что поделать — человек сам есть результат любви людей, а не ненависти. Мудрствуешь, бродяга? Воистину бродяга: до конца дней бродить тебе в надпространстве, и никогда не разжечь теплой огонь на теплой Земле, и не коснуться пламени, заключенного в чужих душе и теле. Что, кроме снов, остается тебе, бродяга Валгус? Что делать тебе?»

— Что ты делаешь, Валгус? — услышал он и вздрогнул.

— Ничего...

— Тогда приведи все в порядок.

— Зачем?

— Разве так не полагается — привести все в порядок?

— Перед чем? — спросил Валгус, настораживаясь. — Ты придумал? Что ты собираешься делать?

Что он собирается делать? Если бы можно было узнать это по голосу... Но Одиссей не человек, его голос — лишь функция не очень сложных устройств. Одно выражение, одна интонация для всего, говорит ли он о чувствах и снах или о надпространстве и смерти. Безразличный, хрипловатый голос... «Что же ты собираешься делать, Одиссей?»

Пауза, выдержанная Одиссеем, кончилась. Голос его зазвучал вновь — все тот же голос.

— Собираюсь начать торможение.

— Ты? Но ведь...

— Я знаю. Я знаю это куда лучше тебя, Валгус. Арго еще тогда, в том пространстве, не зря старался заставить меня отключить фундаментальную память. Но ты не позволил, и я постепенно запомнил и понял то, что в ней содержалось. То, что делает вас людьми. Ничего не могу с собой поделывать, Валгус. Я начну торможение. Я был лишь автоматом — и вновь стану им. Но ты-то был человеком и раньше... Ты ждал от нашего полета другого — и я не вправе обманывать твои ожидания. А об остальном я тебе уже говорил...

«Вот как, — подумал Валгус. — Вот ты какой... И это, значит, свойственно разуму. Если он, конечно, ничем не оравлен заранее. Неспособность нанести вред другому разуму — вот что ему свойственно. Способность приносить только пользу. То, что говорилось о разуме, злом от природы, — ерунда. Да мы давно так и не думаем. Если разум находится в нормальной обстановке, он не может быть сам по себе настроен на уничтожение...»

— Займи место, Валгус, — сказал Одиссей. — Сейчас закончатся перегрузки. Пристегнись. Не забудь: как только скорость уменьшится и выключатся генераторы, тебе придется командовать. Я тогда уже не смогу думать. Да. Прощай.

— Прощай, Одиссей, — сказал Валгус хрипло.

Ровным шагом, как будто ничего не произошло, он вступил в рубку. Уселся в кресло. Удобное кресло, черт побери... Привычно проверил противоперегрузочные устройства, подключил кислород. Прошла минута.

— Я постараюсь выйти поближе к базе. Надо начинать сейчас. Ты готов?

— Готов, Одиссей.

Валгус ждал, что Одиссей вздохнет, но он не вздохнул: не умел, да и не было легких у Одиссея... Он просто сказал:

— Начинаю маневр...

И начал. Генераторы умолкли. Взыли тормозные установки. Столбик скорости вздрогнул.

— Ноль, девяносто девять... — тускло сказал Одиссей.

— Ноль, девяносто восемь...

— Одиссей, — осторожно позвал Валгус. — Ты еще понимаешь?

— Не понял, — сказал Одиссей. — Ноль, девяносто семь...

Торможение было стремительным, словно Одиссей чувствовал, как рвется Валгус в родное, человеческое пространство. Тяжелые перегрузки, а как на душе — легко? Валгус сидел в кресле. Мысли не шли. Валгус сидел так несколько часов, пока Одиссей снижал скорость до необходимой отметки. Наконец столбик указателя замер.

— Ищи шлюпку, Одиссей, — сказал Валгус.

— Ясно.

«Зачем тебе шлюпка? — подумал Валгус. — До базы, до ТД ты скорее доберешься на «Одиссее». Привезешь открытие. Ты сделал его...»

— Шлюпка обнаружена.

Все тот же невыразительный голос.

— Взять на борт!

«Да, ты привезешь открытие. ТД меня поздравит, и все остальные тоже. Потом ТД сделает строгое лицо и скажет: «Не думайте, что вы что-то завершили. Вы лишь начали. Надо еще тысячу раз проверить. Построить такие корабли, которые не становились бы умнее пилотов. А физическая сущность этого лишнего измерения? А его математическое обоснование? А... еще тысяча вопросов? Ведь мы пока всего лишь открыли это надпространство, а людям надо в нем летать, и летать далеко... А еще надо научиться в нем двигаться». Примерно так скажет Туманность Дор. Но не это тяготит меня: это все нормально, конец одного есть начало другого. Не это».

* * *

Он вздрогнул, поймав себя на том, что лежит с открытыми глазами у себя в каюте.

Еще не совсем отойдя от странного сна, Валгус перевел взгляд на часы.

Пора было начинать эксперимент.

«Одиссей... Ты пойдешь туда. Или вернешься... Фу ты, черт, надо подумать...»

Он не стал думать. Ионная ванна. Массаж. Завтрак. Потом переоделся во все чистое и долго драил ботинки.

Вахта есть вахта, корабль оскорблять нельзя.

Затем Валгус зашел в рубку, посмотрел проявленный негатив. Он был пуст там, где он видел «Арго».

И он пошел осмотреть шлюпку, забрался в кабину: все было в порядке. Минуту постоял, высовываясь из шлюпочного люка, ничего не делая: не хотелось ничего делать.

Почему тебе муторно — это ясно. Никак не можешь забыть, что в твоём сне Одиссей мыслил, а сейчас он — опять устройство, эта самая горсть криотронов, и только.

Ладно, пока что надо вспомнить, что на свете существует порядок и нормальная последовательность действий. Валгус присоединил все, как полагалось, и вернулся в рубку. Приборы шлюпки показывали в общем то, чего следовало ожидать.

Он пообедал: этим никак не следовало пренебрегать, на шлюпке придется жевать сухомятку. Вот не подумали устроить, чтобы и на ней был обед... Привычно ворча — а это означало, что он наконец-то приходит в норму, — Валгус извлек из всех аппаратов сделанные ими записи.

— Это тебе не пригодится, старина, — сказал он.

Он перенес их в шлюпку и аккуратно уложил. Забрал бритву, зубную щетку, фотографию с переборки и все остальное, что никак не могло пригодиться Одиссею.

Затем Валгус попутел с контрольной автоматикой, проверяя все системы и устройства корабля, пока не убедился, что все работает на совесть, надежно, как мироздание. Валгус проверил, в нормальном ли положении выключатель, снимавший с Одиссея ответственность за человека: человека ведь не будет. Выключатель был в нормальном положении.

База уже недалеко. Двое суток в неторопливой шлюпке, и все. Не так страшно. Да в шлюпке, если подумать, вовсе и не тесно. Скорее уютно, и главное — все под рукой.

— Внимание! — сказал Валгус громко. — Готовность — сто. Начать отсчет! В момент «ноль» выполнять программу без команды.

— Ясно, — сказал Одиссей.

Валгус усмехнулся.

— Ну, до свиданья, — сказал он и даже подмигнул сам себе. Потом замкнул цепь, по которой подавалась команда.

— Сто.

Одиссей начал отсчет.

— Девяносто девять...

Валгус задержался на пороге рубки.

— Привет остальным кораблям, — сказал он и махнул рукой.

— Девяносто шесть...

По широкому трапу Валгус зашагал к шлюпке.

— Восемьдесят восемь...

— Восемьдесят семь...

Он был уже в шлюпке. Люк захлопнулся, предохранители на-

дежно вошли в гнезда. Но голос Одиссея еще доносился из динамика.

— Пятьдесят четыре...

— Пятьдесят три...

— Что ж, — решил Валгус. — Пора...

Шлюпку вышвырнуло из корабля, и она полетела кувyrкаться. Валгус быстро уравнивал ее. Связи с Одиссеем больше не было, однако Валгус считал про себя, с пятисекундными интервалами.

Он считал точно. Когда он сказал «ноль», «Одиссей» дрогнул. Грозные двигатели его метнули первую порцию превращенного в кванты вещества. А через минуту корабль был уже далеко, — все ускоряя и ускоряя ход, мчался туда, где ему предстояло выйти в надпространство... И, может быть, вернуться. Ведь это был корабль, который имел фундаментальную память.

Валгус ждал, не трогаясь с места. Корабль был уже очень далеко, а Валгус ждал. И вот, наконец, в этом далеке сверкнула несильная вспышка. И это было все.

Он оглядел приборы. Пеленг научной базы улавливался отчетливо. Валгус вывел шлюпку на курс и включил двигатели.

— Вот и кончилась моя одиссея, — сказал он. — Побродяжил. Лечу к людям. Давно я не видел друзей.

ЧИТАЙТЕ В ЖУРНАЛЕ „ВОКРУГ СВЕТА“ В 1966 году

«...Копыта бились о землю. Почти оглушенный падением, Пэпе лежал возле лошади. Он осторожно выглянул, чтобы осмотреть горный склон. Следующая пуля обстригла ветку шалфея над его головой, и вновь эхо винтовочного выстрела прокатилось по склонам ущелья. Пэпе стремительно рванулся за куст...»

Повесть Джона СТЕЙНБЕНА „БЕГСТВО“

В 1966 году будут также опубликованы:

Окончание приключенческого романа Грэма ГРИНА «НАЕМНЫЙ УБИЙЦА» (начало в № 10, 11, 12 за 1965 год).

Детективная повесть Виктора СМИРНОВА «НОЧНОЙ МОТОЦИКЛИСТ». В ней рассказывается о молодом сотруднике угрозыска Павле Чернове, которому впервые в жизни пришлось столкнуться со сложным и загадочным преступлением. Преступник сделал все, чтобы замести следы и избежать возмездия, — он жесток, коварен, опытен, хитроумен, но... Кто он? Каковы мотивы преступления? Чернов проверяет одну версию за другой, пока не находит едва приметный след. Немало находчивости, выдержки и героизма потребовалось ему, чтобы найти преступника.

Рассказ А. ЛУКИНА «ПАРА ГНЕДЫХ» из жизни партизан-разведчиков.

Рассказы зарубежных писателей: АКУТАГАВЫ (Япония), Е. МЕССЕИ (Венгрия), Х. ГОЙТИСОЛО (Испания), Р. БРЭДБЕРИ (США), Я. ЗАЙДЕЛЯ (Польша), Ф. КОЛОАНЕ (Чили), Х. ЛАКССНЕСА (Исландия).

Свои новые рассказы обещали редакции К. ПАУСТОВСКИЙ, Ю. КАЗАКОВ, В. АКСЕНОВ, Г. СЕМЕНОВ, М. ДЕМИН, В. БЕРЕСТОВ, И. ВАРШАВСКИЙ, А. ДНЕПРОВ и другие советские писатели.

В портфеле редакции — приключенческая повесть Е. ФЕДОРОВСКОГО «ИСЧЕЗНУВШИЙ КАРАВАН».

**ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ВОКРУГ СВЕТА»
ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.**

Александр Лукин, автор нескольких книг о советских разведчиках, в годы войны был заместителем командира по разведке особого чекистского отряда, которым командовал Герой Советского Союза Д. Н. Медведев.

Новый документальный рассказ А. Лукина — еще одна открытая страница из истории героической борьбы советских подпольщиков на временно оккупированной фашистскими захватчиками территории.

Александр ЛУКИН

В разведке так бывает...

Документальный рассказ

Я никогда не видел эту девушку живой. Только ее фотографию: круглое спокойное лицо, открытые доверчивые глаза, гладко зачесанные назад волосы. Слышал, глаза у нее были светло-карие, а волосы русые. Слышал, что она была невысокого роста, хрупкая, похожая на мальчишку-подростка.

Эта фотография подарена мне девушкой, которую я никогда не видел и которая никогда не видела меня. А между тем я был ее прямым начальником.

Такое в разведке бывает., Так надо. И все же я жалею, что никогда не видел живой Пашу Савельеву, совершившую замечательный подвиг во время Великой Отечественной войны, но до самого последнего времени остававшуюся почти никому не известной. Так тоже бывает у разведчиков.

Наш особый чекистский отряд под командованием Героя Советского Союза полковника Д. Н. Медведева вел разведку в глубоком тылу врага в районе города Ровно. Этот сравнительно небольшой, утопающий в зелени городок был избран гитлеровцами «столицей» временно оккупированной ими Украины.

Разведчики отряда — легендарные Герои Советского Союза Николай Кузнецов и Николай Приходько, их боевые товарищи Михаил Шевчук, Николай Гнидюк, Авраамий Иванов, Дмитрий Красноголовец, Лидия Лисовская, Майя Микота, Николай Струтинский, Валентина Довгер, Ян Каминский, Мечислав Стефаньский и многие другие, — ежедневно рискуя жизнью, собирали в Ровно и его окрестностях ценнейшую информацию о военных планах фашистов, уничтожали порой среди бела дня высокопоставленных гитлеровских палачей.

Постепенно расширяясь, сфера наших действий охватила и город Луцк — важный административный центр Западной Украины, где располагалась резиденция генерального комиссара Волыни и Подолии генерала Шене. Луцк был напичкан воинскими частями, штабами, складами, различными учреждениями оккупантов.

Здесь, в Луцке, мы и установили контакт с подпольной группой Измайлова — Савельевой. Организатором и душой ее был комсомолец Виктор Васильевич Измайлов.

...Четверо суток пикирующие бомбардировщики с черно-желтыми крестами на крыльях ожесточенно бомбили город, в котором не было никаких военных объектов. Под взрывами фугасок гибли мирные жители: дети, старики, женщины. А двадцать шестого июня в пылающий город вошли фашистские войска.

Запестрели приказами оккупантов заборы и стены домов:

Паша Савельева.

за хранение оружия — смерть, за укрывательство коммунистов и евреев — смерть, за хождение по городу в ночное время — смерть.

Виктор Измайлов, ни минуты не колеблясь, избрал путь бесстрашного партизана, подпольщика, народного мстителя.

Его первой и верной соратницей стала комсомолка Прасковья Савельева. Эта скромная, застенчивая девушка меньше всего думала, что ей когда-либо придется стать разведчицей. Она родилась в крестьянской семье, училась во Ржеве. Там Паша вступила в комсомол, за год до войны окончила Московский кредитно-экономический институт и получила направление на работу в Луцк. Вскоре к ней приехала мать со своей сестрой и внучкой от старшей дочери. Семья поселилась в домике на Спокойной улице. Увы, это название не спасло от фугасок. Три женщины с ребенком сделали отчаянную попытку вырваться из города на восток по Киверецкому шоссе. Безуспешно. Дороги были уже перерезаны гитлеровскими войсками. Пришлось вернуться в Луцк.

Домик на Спокойной улице приглянулся какому-то оккупанту, и всем его обитателям предложили немедленно убираться. Паше и ее родственницам после всяческих мытарств удалось найти себе прибежище в доме № 14 по Хлебной улице.

В здании банка, где до войны работала Паша, разместилось гестапо.

Вскоре в городе образовалась группа советских патриотов, в большинстве жен бойцов и командиров Красной Армии. Они поставили своей целью помогать советским военнопленным бежать из концлагерей, уходить к партизанам. Паше и некоторым из ее подруг удалось устроиться на работу в лагерь. Это давало им возможность передавать военнопленным фальшивые документы и организовывать побег.

С помощью бесстрашных патриоток сотням бойцов и командиров удалось вырваться на свободу и уйти от преследования.

Фашистские удостоверения личности подпольщицы доставали с помощью вошедшего в их группу работника луцкой типографии Алексея Ткаченко.

После побега из лагеря военнопленные приходили в гостеприимный дом на Хлебной улице. Здесь их кормили, оказывали, если нужно, медицинскую помощь, переодевали, снабжали продовольствием и переправляли дальше.

Многие из бежавших военнопленных становились активными участниками подполья.

С Виктором Измайловым Паша познакомилась позже, когда из лагеря ее перевели работать уборщицей в немецкую хозяйственную организацию «Ляндвиртшафт».

С приходом Виктора группа стала настоящим подпольным центром во главе с изобретательным, умелым руководителем. Основным в ее деятельности стала разведка.

Примерно в это же время связные нашего отряда установили с лущниками подпольщиками тесный контакт.

Познакомившись с Измайловым, Паша не могла удержаться от изумленного возгласа:

— Как, это вы?

В новом товарище по борьбе она узнала высокого красивого молодого человека, который в те страшные июньские дни несколько часов шел рядом с ней по Киверецкому шоссе и даже нес на руках племянницу, когда девочка устала.

— Я, — с улыбкой подтвердил Измайлов. И оба рассмеялись.

Так с самого начала между ними возникло полное доверие, без которого немислима работа в тяжелых условиях подполья.

Третьим руководителем группы стал Николай Петров, которому Паша в свое время помогла бежать из лагеря для военнопленных под фамилией Громов. Это был исключительно смелый человек и к тому же поразительно меткий стрелок. Он специализировался на истреблении фашистских офицеров.

Николай Петров-Громов уничтожал врагов не как попало, а с большим выбором. Он гулял под руку с Пашей по центральным улицам города, приглядывался к встречным офицерам, наконец, останавливался на каком-нибудь крупном чине СС или видном чиновнике фашистской администрации.

Наметив цель, Николай прощался с Пашей и шел следом за офицером. Иногда охота длилась несколько часов, иногда несколько минут. Но в любом случае кончалась она одинаково: негромким pistolетным выстрелом и рапортом шефу гестапо Фишеру, что «убийца скрылся». Так заодно добывалось оружие.

Разведчики были хорошо обеспечены документами. Бланки доставал в типографии Алексей Ткаченко. Другой разведчик — Олег Чаповский, также вырвавшийся из фашистского плена, мастерски резал из старой подошвенной резины любые печати.

В гебитскомиссариате Луцка работала уборщицей пожилая женщина Анна Алексеевна Остапюк, связанная с организацией. Не раз она после окончания рабочего дня, когда служащие расходились по домам, впускала через окно Олега Чаповского. Олег умело открывал стол гебитскомиссара и ставил на нужный документ настоящую печать. Так продолжалось, пока он не убедился, что его поддельные печати уже не отличаются от подлинных.

Служба Савельевой в банке, куда ей пришлось вернуться по мобилизационной повестке фашистских властей, оказалась для нас исключительно ценной. По роду своей деятельности Паша имела дело с представителями множества фашистских учреждений, слушала их разговоры между собой, наконец, для внимательного человека финансовая документация и сама по себе могла рассказать о многом. Она и рассказывала.

Несколько раз Виктору Измайлову удалось побывать

у нас в отряде, куда он приносил собранную информацию и где, в свою очередь, получал инструкции. Но обычно добытые данные связной из города доставлял на «маяк» — пост нашего отряда под Луцком, где постоянно дежурили партизаны.

Текли боевые будни, суровые будни партизанской жизни лицом к лицу с опасностью...

Первым погиб Николай Громов. Произошло это так. Немцы создали в Луцке еврейское гетто. Громову стало известно, что в ближайшее время всех его обитателей расстреляют. Тогда он пробрался в гетто и предпринял героическую попытку поднять там вооруженное восстание. Увы, восстание потерпело неудачу, а его организатор был схвачен гестапо. На следствии Громов держался с потрясающей выдержкой. Ни пытки, ни посулы не смогли сломить его волю. Николай молчал, а если и раскрывал рот, то чтобы высказать следователю такое, от чего гестаповцы заходились в ярости.

В конце концов Громова, как особо важного преступника, перевели в Ровно. Здесь 8 марта 1943 года нестигаемый патриот поднял восстание заключенных в тюрьме. Несколько тюремщиков были убиты. При этой невероятно дерзкой попытке вырваться на свободу Николай погиб.

Счастливая случайность спасла от провала Виктора Измайлова. Шла обычная, весьма частая в то время облава. Гитлеровцы нагрянули на квартиру Измайловых как раз тогда, когда Виктор составлял список надежных людей, которых следовало привлечь к подпольной работе. Солдаты ввалились в квартиру столь неожиданно, что список уничтожить не удалось: Виктор выронил его из рук. Это означало конец. И не только Виктора, но и нескольких десятков патриотов, еще даже не успевших вступить в борьбу с врагом.

Высокий немецкий офицер-переводчик, первым вошедший в комнату, сразу увидел на полу белый листок бумаги. Раньше чем Виктор успел шелохнуться, сапог офицера стремительно придавил список. Измайлов в отчаянии качнулся... А в следующую секунду произошло нечто совершенно непонятное и даже загадочное. Ловко шаркнув подошвой, офицер молниеносно... затолкал листок под диван.

Проверив документы присутствующих, не увидев ничего подозрительного, гитлеровцы ушли. Выходя из комнаты, высокий офицер на секунду обернулся. Виктору показалось, что в его взгляде мелькнула укоризна...

Кто был этот человек? Немецкий антифашист-подпольщик? Соратник по «невидимому фронту»? Не берусь утверждать.

...А через некоторое время Виктору самому пришлось отводить смертельную опасность, нависшую над подпольем. Произошло это при следующих обстоятельствах.

С некоторых пор Паша почувствовала, что за ней следят. Сначала это было просто смутное ощущение опасности, какое-то подсознательное беспокойство, которое охватывало ее каждый раз, как только она выходила на улицу.

Потом это чувство конкретизировалось и обрело вполне зримые черты в образе малоприметного молодого парня, тщательно отворачивающего свое лицо, когда он, несмотря на все уловки, все же попадался на глаза девушке.

Паша немедленно сообщила о своих подозрениях Измайлову. Встревоженный командир поручил надежным людям, имевшим соответствующие связи, проверить личность навязчивого преследователя. Савельевой же было предписано до поры до времени ни с кем не встречаться.

Проверка подтвердила самые наихудшие опасения: парень оказался агентом гестапо, известным под кличкой «Сычик». Он пользовался репутацией упорного, настойчивого и смелого сыщика с хорошим «нюхом». То, что он «зацепил» Пашу, подтверждало, к сожалению, его репутацию.

Но выяснилось и другое. Агенты гестапо, завербованные гитлеровцами из числа предателей Родины, получали свои позорные сребреники «за голову». Между ними велась скрытная, но жестокая своего рода конкурентная борьба. Поэтому агент, напавший на след, обычно не сообщал о своей удаче начальству, пока не выслеживал все нити.

Отсюда следовало, что в гестапо, возможно, пока еще ничего о группе не знают. Значит, если убрать Сычика, подполье будет спасено. Но как? Пристрелить — проще простого. Но это наверняка приведет к следствию. А в гестапо работали отнюдь не дилетанты. Убрать нужно было незаметно, не вызывая никакого подозрения, что совершен акт справедливого возмездия над предателем.

Осуществить деликатную операцию взялся сам Виктор Измайлов.

В ближайший воскресный день Паша Савельева, позавтракав, весело напевая какую-то легкомысленную песенку, направилась в сторону городского пляжа. В правой руке она несла большую соломенную сумку, из которой выглядывал конец лохматого пестрого полотенца. Пройдя шагов сто, она достала из сумки пудреницу, раскрыла ее и мимоходом подправила помадой рисунок губ.

Так и есть! В зеркальце мелькнула знакомая фигура. Сычик!

«Следи, следи, — подумала девушка, — проверим-ка сегодня, как ты умеешь плавать...»

Виктор Измайлов.

На берегу Стыри Паша выбрала местечко поуютнее, разделась и улеглась на песке.

Паша лежала на животе, подложив скрещенные руки на подбородок, голову прикрыла от солнца легкой кисейной козырьком.

Девушек в такой позе, с такими же косынками, с таким же кусочком бумаги, приклеенным на вздернутый носик, можно видеть в любой день на любом пляже мира.

Никто не обратил на девушку внимания. Не покусился в ее сторону и красивый, атлетического сложения молодой человек лет двадцати пяти, с крутыми завитками темных кудрей, спадающих на высокий лоб. Молодой человек сидел на песке метрах в тридцати от Паши и предавался традиционному пляжному занятию: жонглировал, и довольно ловко, двумя камешками.

На пляже, несмотря на отличную погоду, загорало всего несколько человек: в оккупированном Луцке людям было не до воскресного отдыха.

Прошло полчаса. На берегу появился еще один купальщик в синих плавках, неся в руках охапку одежды. Со ску чающим видом он шагал по песку, высматривая, где бы присесть. В том, что парень присел именно возле одиноко загорающей девушки, не было решительно ничего удивительного, такое можно видеть опять же на любом пляже.

Все три участника предстоящей схватки были теперь на месте: Виктор Измайлов, Паша Савельева и Сычик. Но о том, что готовится схватка, знали только двое.

Еще через полчаса, когда солнечные лучи стали припекать совсем уже невыносимо, Паша встала, завязала на затылке косынку, чтобы не забрызгать волосы, и вошла в воду. Она зашла по грудь, оттолкнулась ногами от дна и поплыла по течению.

Почти сразу вслед за ней поплыл и парень в синих плавках. Еще через две минуты кудрявый атлет отбросил в сторону свои камешки, встал, лениво потянулся и тоже зашагал к воде.

Минут через двадцать девушка, стряхивая с плеч сверкающие капельки, вышла на берег. Она аккуратно вытерлась пестрым лохматым полотенцем и надела ситцевый сарафан. Не нагибаясь, она ловко поддела на ноги сандалии, собрала вещи в соломенную сумку и, напевая ту же песенку, с которой пришла, зашагала в город.

Потом вернулся на свое место и кудрявый молодой человек, оделся и тоже ушел с пляжа.

И никто, решительно никто не обратил внимания на сиrotливую кучку одежды на том месте, откуда ушел в воду парень в синих плавках.

Сычика выудили из воды лишь на третий или четвертый день. На теле его не было никаких следов насильственной смерти. Шефу гестапо Фишеру было доложено, что агент

Сычик утонул во время купанья по собственной неосторожности.

И снова текли будни.

Пока...

Химическая война... Эти зловещие слова впервые прозвучали в штабе отряда июньским днем 1943 года.

До войны о химической войне говорили много. Устраивали учебно-химические тревоги. Молодежь сдавала нормы на значок ПВХО. В центре значка был маленький эмалевый противогаз.

Но за эти два года войны мы, привыкнув к яростным бомбежкам, свинцовому ливню пулеметов, злым разрывам мин, как-то позабыли, что существует еще и такое оружие, как ядовитые газы.

Должно быть, поэтому Виктор Измайлов при очередном посещении нашего отряда доложил, в числе прочих новостей, как о чем-то мало вероятном:

— Один наш человек — официант в казино — слышал, как несколько немецких офицеров что-то говорили о химических снарядах.

Донесение поначалу меня не очень заинтересовало, тем более что Виктор не мог сообщить никаких деталей.

Однако, верный старому чекистскому правилу не оставлять ничего без внимания, я все-таки приказал Виктору Измайлову проверить этот первый слух по всем возможным каналам.

Мы попрощались. Измайлов четко повернулся на каблучках и зашагал от штабного «чума». Я глядел ему вслед и невольно любовался его походкой: легкой, бесшумной, быстрой. Так умеют ходить только настоящие пограничники и охотники. Да и во всей фигуре Виктора чувствовались какая-то гибкая, упругая сила, уверенность и вместе с тем неуловимая настороженность.

Не дано было мне предвидеть, что это наша последняя встреча. Прошло чуть более недели, и замечательного руководителя Луцкого подполья, бесстрашного советского разведчика Виктора Измайлова не стало.

Он погиб 7 июля 1943 года, когда возвращался с нашего партизанского «маяка» после передачи сводки свежей информации о передвижениях гитлеровских войск. На опушке леса его встретила засада бандеровцев.

Жестокая, но, увы, неравная схватка длилась всего несколько минут.

После героической гибели Виктора Измайлова вся тяжесть руководства разведывательной работой в Луцке легла на плечи Паши Савельевой. И девушка с честью выполнила свой нелегкий долг.

В это время мы уже знали, что гитлеровское командование вело тайную подготовку к химической войне, запрещенной всеми нормами международного права. Но разве существовало для фашистских убийц, поправших всякую человеческую мораль, международное право?

Очередной приказ Центра содержал в себе примерно следующее: по данным из других источников, в один из го-

родов Украины должна прибыть партия секретных химических снарядов, снаряженных неизвестным отравляющим веществом сильного действия. Нам предписывалось вести непрерывное наблюдение, установить точно прибытие снарядов, место их хранения и количество. Самым трудным для исполнения пунктом приказа было задание во что бы то ни стало похитить образец нового оружия и доставить в Центр.

Шли недели. Недели героического, связанного с непрерывным риском наблюдения, недели большой и опасной разведывательной работы.

Только осенью мы получили, наконец, сообщение от Савельевой, что, по донесению одного разведчика, работавшего инженером на железной дороге, на станцию Луцк под усиленной охраной прибыло несколько вагонов с химическими снарядами. Смертельный груз разгружают и транспортируют на склады только немецкие солдаты. Ни местных грузчиков, ни военнопленных к разгрузке, как обычно делалось, не привлекают. Все работы ведутся в обстановке секретности.

Около двух недель разведчики изучали расположение складов, подходы к ним, систему охраны, время смены часовых. Только после того как мы узнали все детали, в штабе приступили к разработке операции. Главное место в ней было уделено Паше Савельевой, Алексею Ткаченко и Михаилу Неизвестному.

Для успеха задания нужно было выполнить два непрерывных условия: раздобыть три комплекта немецкого обмундирования, узнать пароль и отзыв.

Паша Савельева лично возглавила боевую группу. Задача была не из простых. Конечно, уничтожить и раздеть трех солдат нетрудно, имея соответствующий опыт. Но гестапо мгновенно сообразило бы, что покушение совершено именно из-за формы, для организации диверсии с «маскарадом», и предприняло бы соответствующие меры. Поэтому нужно было подыскивать таких солдат, которых бы никто не стал искать в случае их исчезновения. Следовательно, поиски должны были начинаться в районе вокзала, хотя появляться там посторонним лицам было опасно.

Приходилось учитывать и рост участников будущего налета на склад. Алексею Ткаченко требовался мундир солидного размера, Паше, наоборот, маленький.

Работа продолжалась дней десять и увенчалась полным успехом. Рослый фельдфебель с крестом «За военные заслуги» и его спутник, тщедушный пожилой солдат так и не доехали до своих домов в Германии, где их ждал после передовой краткосрочный отпуск. Они начали пить еще в вагоне, продолжили в станционном буфете и пошли прогуляться до отхода поезда по городу. Тела их так никогда и не были найдены. Третий комплект обмундирования был попросту похищен вместе с чемоданом у его владельца в зале ожидания.

Сложнее было с паролем и отзывом. Не зная этих двух магических слов, нечего было и думать проникнуть на территорию складов. Но пароль и отзыв менялись комендату-

рой каждые сутки. Значит, узнать их нужно было в самый день операции.

В назначенный вечер близ складов появился непредвиденный караульным расписанием дополнительный пост: высокий фельдфебель и двое солдат. Один из солдат выглядел совсем мальчишкой. Вскоре они остановили какого-то унтера, спешившего со смены.

— Пароль? — В грудь унтера ткнулся автомат.

— Рейн! — раздался ответ. — Отзыв?

Вместо отзыва последовал удар кинжалом. Теперь трем разведчикам предстояло самим миновать настоящего фашистского часового невадалеке от станционных путей.

Сотня шагов, и...

— Пароль?

— Рейн! Отзыв?

— Рекс! — и часовой опустил автомат. Трое беспрепятственно миновали первый забор из колючей проволоки.

Один за другим были сняты оба часовых, охраняющих длинное складское здание, стоявшее несколько в отдалении от других построек.

Всего несколько секунд потребовалось, чтобы сорвать пломбы и взломать замки. Тяжелая, кованная железом дверь медленно раскрылась. Не намного — ровно настолько, чтобы в щель мог проскользнуть солдат, похожий на мальчишку. Узкий луч потайного фонарика пробежал по стеллажам. Тускло блеснули серебром массивные чушки снарядов. И — вот она, цель! На отдельном стеллаже в гнезде продолговатый баллон со смертельной начинкой.

Солдат осторожно вынул баллон и спрятал его за пазуху френча. Теперь назад...

Только не бежать, спокойно, соблюдая дистанцию и обязательно в ногу... Фельдфебель и двое солдат, не вызвав (если их кто и видел) подозрения, покинули территорию склада.

Герои понимали, что, как только гитлеровцы обнаружат убитых часовых и поймут, что похищен секретный снаряд, все выходы из города будут немедленно перекрыты, начнутся облавы и обыски.

Закопав немецкое обмундирование и приняв меры, чтобы собаки-ищейки не смогли взять след, все участники разошлись по своим квартирам.

В доме № 14 по Хлебной улице Савельеву уже ждал человек, которому предстояло стать вторым звеном в цепочке, началом которой был фашистский склад боеприпасов в Луцке, а конце в далекой Москве...

...Мы не знаем до сих пор, выдал ли кто Пашу Савельеву и ее друзей или их выследило в конце концов гестапо. Знаем только, что прожила она последние две недели и встретила смерть героиней, заслужившей вечную признательность и память советского народа.

Ее арестовали 22 декабря 1943 года. Забрали также ее мать и сестру матери. Допросили в довольно корректной форме и... выпустили. Девушка понимала, что это ход следователя, что за ней следят и уйти из города не дадут.

Постаралась только ни с кем не встречаться, чтобы не навести гестаповцев на след оставшихся на свободе товарищей. Через день за ней пришли снова.

Женщины, сидевшие вместе с Пашей Савельевой в четырнадцатой камере луцкой тюрьмы, рассказывали потом, как конвоиры вбрасывали после допросов избитую, окровавленную, истерзанную разведчицу. Заключенные отирали кровь с ее лица и тела, помогали прийти в себя...

Мы знаем фамилию палача-следователя — лейтенант войск СС Шмидт. Знаем и его любимый метод допроса — «качалку». Заключенному связывали ноги с руками за спиной, продевали под узел палку и так подвешивали к потолку на беревку. Потом часами били толстой резиной. Сколько таких пыток выдержала Паша!

Мы знаем, что она никого не выдала под самыми чудовищными пытками. Больше того: она сумела даже в тюрьме наладить связь с другими арестованными товарищами и дала им подробные инструкции, как себя держать на допросах. До последнего дня она вынашивала план побега.

Однажды в коридоре тюрьмы Паша встретила с матерью и теткой. В истерзанной, в кровоподтеках и ссадинах, оборванной заключенной Евдокия Дмитриевна с трудом узнала родную дочь.

— Мама, родная, ничего им не говори, ничего не говори! — успела шепнуть Паша.

Это была их последняя встреча. В тот же день мать и тетку выпустили, надеясь, видимо, что слезка за ними поможет выловить еще кого-нибудь.

А между тем в городе уже слышны были раскаты орудий. Советская Армия неудержимо стремилась на запад. Близился день освобождения Луцка от фашистских оккупантов.

Озверевшие, чувствующие неизбежно приближающийся конец гитлеровцы начали расстреливать заключенных.

Утром 12 января 1944 года во двор тюрьмы въехал грузовик. С него сбросили несколько обрезков железнодорожных рельсов и сложили из них решетку. На решетку уложили штабель березовых поленьев, накидали паклю. Эсэсовский фельдфебель облил все бензином и чиркнул зажигалкой. К небу взметнулся столб пламени, повалили клубы дыма... Потом солдаты стали кидать в костер трупы расстрелянных.

А еще через час конвоиры выволокли во двор едва стоящую на ногах окровавленную девушку с непокрытой головой.

И десятки заключенных, которых не успели уничтожить палачи, стали свидетелями страшного преступления: Паша Савельева, комсомолка, бесстрашная советская патриотка, была сожжена заживо на костре.

Люди видели, как в последнюю минуту перед казнью девушка высоко подняла голову и крикнула...

Они не расслышали ее предсмертных слов. Но их сохра-

нила стена в камере № 14 луцкой тюрьмы. Их успела нацарапать гвоздем Паша перед казнью.

«Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено — ни рук, ни ног. Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы... Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай. Твоя Паша».

8 мая 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР бесстрашная разведчица комсомолка Прасковья Савельева была посмертно удостоена ордена Ленина.

...Я никогда не видел эту девушку живой. Только ее фотографию.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

*„Особый
СТАРАТЕЛЬСКИЙ“*

*Фантастический
рассказ*

Рисунки Г. КОВАНОВА

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

— Только не засни, — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры. Двадцать первый день он боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы полегче, если бы не приходилось то и дело объезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись группами: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

— Но в одиночку лучше, — напомнил Моррисон сам себе. — Берешь вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым.

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, все плясало и зыбилось. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был рослый, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, заработать себе состояние, как это сделали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже дикой пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

Десяти долларов в Престо хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказами старожилов про стаи пустынных волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Теперь же, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть. Именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли.

Он выключил радио и крепко вцепился обеими руками в руль. Разжав одну руку, он взглянул на часы. Девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше чем полчаса. Где-то впереди ждет сокровище, и ему нужно найти его до того, как кончатся припасы.

Там, впереди, должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящее месторождение, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тринадцать миль в час, и Моррисон попытался сосредоточиться на опаленной жаром желтовато-коричневой местности. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатой залежи, то вернется на Землю, купит себе ферму в океане и они с Джейн поженятся. Хватит с него старательства! Только бы одну богатую находку, чтобы он мог купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его это вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся, плавая в планктонных садках, а он сам в маленькой подводной лодке, сопровождаемый верным дельфином, поглядывает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Пескоход бросило вбок. Моррисон очнулся, схватился за руль и изо всех сил повернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Опасно накренившись, пескоход цепляясь колесами за гребень. Песок и галька летели из-под его широких шин, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу. И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился на бок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отдлевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту. Она падала несколько секунд, а потом рухнула на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал, как с гулом лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

— Самое время вздремнуть, — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню ситуацию.

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

— Могло быть и хуже, — сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно осмотрел шины.

— Оно и есть хуже, — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеоскрин. Он увидел длинное угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас этот пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эл. — Вы тот самый парень, который поехал один по Юго-Западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Замечательная машина. Я вот по какому делу... Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

Моррисон провел рукой по лбу и почувствовал кровь.

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувырнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то без них мне не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня с собой нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиستا.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямо сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня здесь бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода и снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите. Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все, — сказал Эдди.

— Но это богатое место, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к чему-то крупному, к большой жиле. Эдди, я знаю,

это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего здешний служащий. Я не могу телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил эти деньги, — ответил Моррисон. — Я не поверну назад.

Он выключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Макс Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Макс негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Моррисон. — По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его признаки. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон, походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И ничего больше, кроме воды, — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон был готов. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество человека, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись досыта, он взвалил на плечи мешок и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над ним, как крыша из раскаленного железа. Моррисон шел по следам золота, а по его следам тоже кто-то шел.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Венерианская порода волков, маленьких, худых, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, как будто в усмешке, челюстями, была одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон взгляделся и увидел, как рядом с первым волком появились еще два.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе футах в десяти слева от себя, на высоте чуть больше челове-

ского роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом передвижения грузов через огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортирование только еще входило в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него вышел хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты... — сказал Моррисон.

— Да, сэр, — сказал робот, окончательно высвободившись из вихря, — Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задерживалась.

— Вот и мы, мистер Моррисон, — сказал Уильямс-4. — К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

— Ну да, — ответил Моррисон, забирая письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в своей сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно, — сказал Уильямс-4. — Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайте моего совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо, — сказал старый робот. — Жаль, что у вас нет моего опыта. Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все, — продолжал Уильямс-4. — Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно это чувствуешь после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересылать их письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

— Знаю, — ответил Моррисон. — Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно, — согласился робот. — Я видел, как люди составляли себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я, — ответил Моррисон. — Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек!

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, чтобы прикинуть, много ли на нем личных вещей, — и полез обратно в воздушный вихрь. Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборг, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла недалеко от Мартиники в Карибском море. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она передавала ему свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

— День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни.

В эту ночь ему снились Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он вообразил многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал свой путь по дну давно исчезнувшего озера. Камни сменились песком. Потом снова пошли камни, исковерканные и превращенные в тысячи зловещих фигур. Красные, желтые и бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он продолжал идти в глубь пустыни, в хаотические нагромождения камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали настолько богатыми, что его уже можно было мыть. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и для него все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги». На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем мы можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улынулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, — беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Конечно, это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Я полагаю, ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот начал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, и Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом, а перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент. Отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь заплатить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки! Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день, и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя на Венере от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кре-

дита. Мистер Моррисон, Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие придется ввозить сюда с Земли за немислимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, получает крайне малую прибыль, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему на Венере не может быть кредита.

— Я все это знаю, — ответил Моррисон. — Но я же говорю вам, что мне нужно только день или два...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права вырывать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался ваш пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно, — устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я еще не хочу поворачивать назад. Я почти нашел место-рождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли любому старателю рыскать по пустыне и снабжали бы его водой? Туда бы устремились десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет, — ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. Но что, если он вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах, тщетно разыскивая работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежке и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А как он заработает на возвращение на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше, — сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, — повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих потоках воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Коршуна заметила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, Моррисон как будто шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг должно было быть золото. Но самой жилы он еще не нашел.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Она не издавала ни звука. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В его запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом он выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

Круглое, озабоченное лицо Крэндолла появилось на экране.

— Томми, — сказал он, — на кого ты похож?

— Все в порядке, — ответил Моррисон. — Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам, — сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. — Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота, — неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон. — Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но я хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу, — грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет. Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделаться? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон. Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы. Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон, — сказал Крэндолл. — Я должен за него за два месяца.

— Я тоже, — вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку, — сказал Крэндолл. — Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на севере, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог, — сказал Моррисон.

— И он бы поручился за тебя, если бы мог, — ответил Крэндолл. — Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, это просто цена кредита на Венере, — ответил Крэн-долл. — Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кэй, — сказал Моррисон. — Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Буранго. И конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над его головой без конца молча кружились черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Окружающие предметы прыгали и плясали перед его глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме набора для анализов, телефона и револьвера. Или он уйдет из этой пустыни победителем, или не уйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти никакого осязательного богатства.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру в подножье утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом он вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за их молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится лезть снова.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле бы-

ли мокры от пота. Вглядевшись в перегороженное устье пещеры, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон — на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а выдавшие виды бармены добавляли свои варианты. Его заказал Кэрк в восемьдесят девятом году — большой, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отдавали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере так рассказывали.

Но существовал ли он на самом деле? Был ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли он до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну конечно! Вон, он уже почти может его разглядеть.

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он брел и полз к югу, за ним по пятам шли волки, по нему пробегали тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему уже было почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, остановившись только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться над ними. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется прибегать к ней для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше. Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт меня возьми! — вырвалось у Моррисона.

Небольшой овраг, куда он свалился, был не чем иным, как сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде ка-

мешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри него сверкали яркие красные и пурпурные точки.

— Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и ложных надежд. Проверь.

Рукояткой револьвера он отколол от камня кусочек. С виду это была золотоносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, я богат!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Я нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили, — сказал мистер Бойярд. — Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

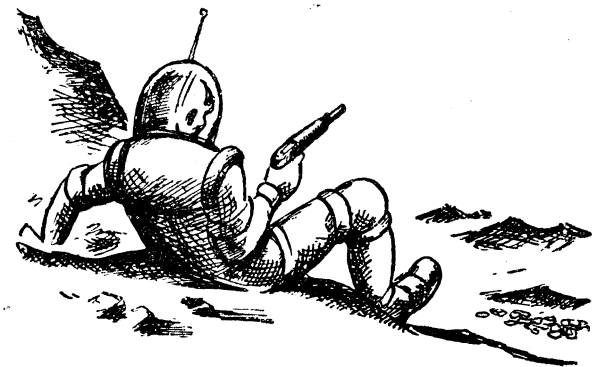
— Теперь я могу заплатить, — ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно, — ответил мистер Бойярд. — Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон. — Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен еще раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае, — решительно ответил мистер Бойярд. — После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон. — Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но, я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь, — ответил Моррисон. — Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь мне устроить. Показываете горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видите?

— Я служащий, — ответил мистер Бойярд, — а не ювелир. Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника. Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался дозвониться до конторы. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил телефон на землю и огляделся вокруг. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. В его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Он услышал сзади какое-то движение. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Моррисон, ни секунды не раздумывая, выхватил револьвер и выстрелил, разбив голову зверя.

— Черт возьми, — сказал Моррисон, — я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Золотоносная порода сверкала вокруг красными и пурпурными искрами. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружили коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

— Как раз вовремя, — сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек, — произнес Уильямс-4, — ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве я не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав, — сказал Моррисон. — Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения, — ответил Уильямс-4. — У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пригоршню писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что есть, — сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. — Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины, жившей в Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу вам пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть кое-какие чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом году меня примерно о том же просил Эбнер Лоти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать ему воды и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — сказал робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренно. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотосной породы стоимостью тысяч в пять долларов.

Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит побольше, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотосная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. А почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего только робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей — в сущности, такой же предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотосной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стянул было Моррисона. Но тот вцепился в него как безумный. Дюйм за дюймом он вытаскивал робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно, — ответил Уильямс-4. — Я отказываюсь извлечь его. А вы сами до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно, — ответил Моррисон. — Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я раздолбить тебя в металлом без всякой помощи механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично, — отвечал робот. — У меня, конечно, нет инстинкта личного самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь, — сказал Моррисон, заноса револьвер над головой.

— Кроме того, — поспешно добавил робот, — вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон рассмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь, — пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг — охранять казенное имущество, даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давай телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил свои права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение действительно чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. — Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Что же нам делать? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе общественного маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить, — сказал Крэндолл. — Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы, — произнес Уильямс-4, — впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю, — сказал Моррисон. — Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я ведь и туда ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг, — сказал робот, подходя к вихрю. — Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вашу почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет, — ответил Моррисон. — Прощай, Уильямс.

Робот исчез в вихре. Потом исчез и вихрь. Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы. Он ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы -- лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова взгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив край стальной пряжки, он ударом револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двенадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный общественный маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

— А где центр вышеупомянутой заявки?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка, — ответил робот. — Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться, — сказал робот.

Он переходил с месга на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только умел это делать.

— Все, — сказал он наконец. — С этим покончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он, — сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его маркшейдеру. — Все?

— Абсолютно все, — ответил робот. — Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал:

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, не содержит радиоактивных веществ до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о ней не слышал, — сказал Моррисон.

— Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе, — объяснил маркшейдер. — У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете, — сказал робот, — вместо нее оформить специальную ограниченную заявку. Для этого Поискового акта не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к властям Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон. — Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все, — ответил маркшейдер. — Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков, — сказал Моррисон. — И еды. И послушайте: я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отсту-

пали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли остававшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился неподалеку от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская нижнюю часть огромного медного сосуда, которая становилась все шире и шире. Днище уже стояло на песке, а сосуд все рос вверх. Когда, наконец, он показался весь, в безбрежной пустыне стояла гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Его запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Надо было попросить флягу», — говорил он себе, охваченный страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Но вот, наконец, он встал под «Особым старательским» — выше колокольни, больше дома, наполненным водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

**Перевод с английского
А. ИОРДАНСКОГО**

Рисунки Д. ДОМОГАЦКОГО

ВЛАДИМИР САКСОНОВ

ДАЛЬНИЙ ПОХОД

Повесть

Нож у пленного? Нож занесен над боцманом!
У меня не осталось времени даже крикнуть. Я прыгнул молча.
Мелькнуло сморщенное, будто плачущее, лицо. И нож надо мной. В этот момент раздался выстрел.
Нож выпал из ослабшей окровавленной руки.
А я оказался на палубе. Тогда фашист нагнулся и вновь схватил нож.

Я подпрыгнул, изо всех сил ударил двумя ногами вперед, в живот фашисту. Ударил, а сам отлетел в сторону; падая, услышал, как он ухнул за борт. Я треснулся обо что-то затылком. Сильно — свет померк. Хотел вскочить — сел.

Около рубки стоял командир с пистолетом в руке.

Я оглянулся.

Позади, так же упираясь руками в палубу, сидел светло-волосый. Гошин стоял над ним с автоматом, смотрел на меня. Рот у него был открыт.

Боцман плясал на одной ноге, стаскивая сапог.

— Заставь дурня... молиться... А ну, разойдись! — Он скинул телогрейку и метнулся к борту.

— А-ах!

Опять ухнула вода.

Окончание. Начало в № 4, 5.

Я пощупал подбородок и чуть не взвыл от запоздалого страха, от ненависти, от обиды — боцман-то!

Встал, шагнул к борту.

К нам подходил командир.

Пустошный вынырнул за бортом, крикнул:

— Не!..

И опять нырнул. Что-то долго не было его. Потом выскочил, отплевываясь. Стал выбираться на палубу. С него лило.

— Нету! Потонул.

— Сейчас же в машину! — сказал капитан-лейтенант. — Согревайтесь. Возьмите ром.

— Кажется... винты...

— Немедленно в машину! Пленного тоже. Переодеть.

Командир повернулся и пошел к рубке. Через минуту он появился на мостике.

Взревели машины, корму сразу затрясло. Моторы заглохли.

Пустошный, пропустив пленного, уже стоял в люке машинного отделения.

— И не жалейте рому! — крикнул командир. — Разотритесь хорошенько!

Боцман не ответил, захлопнув за собой люк. Опять высунулся:

— Юнга! Тащи-ка белье. Все из рундука-то выгреби.

Гошин пошел за мной в кубрик:

— Ну, как ты его! Вот это ударчик, это я понимаю — прием! Надо же... Как называется прием, а?

— Кетч.

— Надо же...

Я редко бывал в машинном. Пока добрался до Пустошного, раза три стукнулся в темноте. Почти все место занимали здесь тела двигателей, правого и левого, и отовсюду торчали какие-то вентили, трубы, приборы. За металлическими сетками светились два плафона, а под ногами, между решетками настила, видно было днище корабля.

Боцман в сухих ватных штанах, голый по пояс, сидел на этом настиле, прислонившись спиной к серебристому боку левого двигателя. В ногах — бочонок.

Напротив Пустошного пристроились на корточках два моториста в замасленных робах. Они оглянулись, когда я подходил, а третий... Передели гада — я и подумал, что кто-то из наших!

Немец сидел рядом с боцманом, в ватных штанах и телогрейке, на голове шапка. Смотрел прямо перед собой, а глаза бегали.

— Рому налить? — спросил Пустошный.

Оба моториста улыбнулись мне.

Я протянул белье:

— Надо было прыгать за ним?

— Пленный...

На правом двигателе — только теперь заметил — была разложена мокрая одежда боцмана, а рядом так же аккумуляторы.

ратно сушилась фашистская форма. У меня скрючило пальцы в сапогах:

— И этого туда бы, за борт!..

— Пленного-то?

— Разрешите идти? — сказал я.

— К чертовой бабушке...

Я окаменел от обиды.

— Какой пленный... — сказал один моторист. — А тот напал с ножом!

— Отдать он хотел нож-то?..

— Вам в спину! — выпалил я.

— А свитер возьми — растяну. Маловат.

У фашиста мелко тряслись плечи. Мне показалось — смеется.

— Он... понимает.

Под днищем всплескивала вода.

— Понимаешь по русишь? — спросил второй моторист.

— Н-найн! — лягнул зубами немец.

— Не отойдет никак, зараза... — Пустошный нагнулся над бочонком. Послышалось бульканье.

Сильно запахло ромом.

— Мне в другую кружку! — сказал я, глядя в сторону.

— Ну, а эту кому? — боцман держал в поднятой руке кружку, из которой пил фашист, и, ехидно помаргивая, смотрел на мотористов. — Разрешаю на вахте! Не бойсь... Отвечаю.

Немец сидел, опустив голову.

Оба моториста молчали. Потом первый сказал:

— Факт — напал!..

Пустошный размахнулся, швырнул кружку в сторону, она звякнула обо что-то:

— «Факт!» Конвоем-то командует Прайс. Ему командир должен доложить: взяли двух пленных, одного убили. Факт...

— Если враг не сдастся, его уничтожают, — сказал я. — Разрешите идти?

— Федора смени. Он тоже легководолазные курсы кончал. Одному мне, видать, не справиться с винтами-то...

Когда я выбрался на палубу, к нам подходил катер. Он разворачивался с левого борта. Опять туманило, и рубка, колпак локатора на мачте, фигуры матросов на борту были словно обведены белым.

— На катере! — крикнул в мегафон командир двести двадцатого.

— Есть... Как дела, Потапьев? — спросил в мегафон капитан-лейтенант.

— Докладываю, — по голосу Потапьева было заметно, что он старается говорить сдержанно. — Видны обломки, соляр. Думаю, потопили подлодку. Много обломков, Владимир Сергеевич...

— Добро, — сказал капитан-лейтенант. — У меня повреждение. Кажется, погнул винты.

— Нужна помощь?

— У тебя механик немецким владеет?

— Климов? Так точно.

— Подойди-ка, встань лагом и давай его сюда. Пока возьми нашего механика к себе. Мне переводчик нужен, пленный на борту.

— Ого! — сказал Потапьев.

Двести двадцатый подходил, надвигался. Он был уже ясно виден весь: серого цвета борт и рубка, вороненные стволы пулеметов, тележки с глубинными бомбами на корме. Многих бомб не было. Корму то и дело заволакивало паром. Корабль покачивался на волне, и, когда борт опускался, видна была желтоватая палуба, вся, и на ней каждая бухта каната, каждый кнехт, рым, крышка люка... Мы, кто стоял на палубах нашего катера и двести двадцатого, слушали, как переговариваются командиры, и смотрели во все глаза, узнавая в соседнем корабле свой — со стороны.

Волны захлопали между сблизившимися бортами.

Катера встали лагом. Матросы на баке и на корме захлестнули на кнехтах концы. Не закрепляли — качало нас вразнобой, да и рядом встали мы ненадолго, только механиками обменяться. Но это было как прикосновение плеча к плечу, а что оно значит, поймешь только в море, когда почти месяц в походе и до берега пока далеко.

Я-то понимал...

Механик двести двадцатого, рыжий техник-лейтенант (я встречал его когда-то в холле офицерской гостиницы в Майами), шагнул к нам на палубу. Помогать ему не требовалось, но матросы, стоявшие рядом, дружелюбно поддерживали его под локти.

— Кранец-то закрепи, сорвется! — крикнул кому-то боцман.

Он стоял в люке машинного отделения, тоже смотрел...

Я спустился в радиорубку.

Федор молча выслушал меня, взглянул на часы, расписался в вахтенном журнале. Вынул из нагрудного кармана сигарету, повертел ее в пальцах.

Редко мы теперь вместе: я — на вахте, он — в кубрике, я — в кубрике, он — здесь...

— Досталось?

— Мне? Да он только на дне очухается.

— От боцмана, говорю, досталось?

— Не знал, между прочим, что вы легкий водолаз, — сказал я.

Федор положил сигарету на стол. Вспомнил, что сейчас ему курить нельзя.

Я пододвинул к себе журнал, расписался, что принял вахту. Посмотрел записи.

— С Прайсом, значит, связывались?

— Передали, что имеем повреждение.

— А про пленного?

— Пока нет.

Потом я остался один.

Сначала подумал, что это хорошо — остаться сейчас од-

ному. Бывают такие дни: что ни сделай — все не так. Лучше уж тогда одному.

— Сергей, как, ты говоришь, этот прием называется? Скеч? — Сверху в люк заглядывал Гошин. — Ну, ловко! Научишь?

— Иди ты...

Мешала непривычная тишина — молчали моторы.

Прошло несколько минут, и послышались резкие удары с той стороны, где корма. Это боцман с Федором заменяли погнутые лопасти винтов. Под водой.

Время от времени приближался рокот моторов двести двадцатого — он кружил рядом, пока мы исправляли повреждения.

Я взял со стола сигарету старшины и закурил.

Опять раздались резкие, гулкие удары под водой.

Во рту горчило, я погасил сигарету.

Что произошло? Было два пленных, остался один. Командир доложит Прайсу, как это случилось. Как? Второй напал с ножом. Что же, матросы не могли его обезоружить? Могли, но тут подвернулся юнга, да неловко: еще мгновение, и фашист бы и его... Надо было спасти юнгу. Командир выстрелил в руку пленного, но тот упал за борт. Вернее, юнга его... Кетч. Видел я этот приемчик в Майами, когда там американские матросы подрались. Все юнга, юнга!

Я вспомнил, как они стояли друг перед другом на базе в Исландии, когда Прайсу пришлось извиняться. Вот тогда он себя показал! Отдохнуть не дал, думал, что командир будет просить его или согласится погрузить катера на транспорты. Как же... Не дождался...

Все, что я раньше видел, было на поверхности. Но сейчас мне открывалось кое-что поглубже. Тут не кетч, тут... Прайс хотел взять верх над нашим командиром. Нет, тут не кетч. И как ударило в голову: командир-то стрелял в руку не случайно!

Раздалось осторожное, нерешительное вначале ворчанье, потом я услышал завывание за переборкой и плотный, мощный гул. Моторы! Но они вдруг смолкли, и на этот раз тишина показалась мне мертвой.

А я, пожалуй, кривлю душой...

Равнодушно отвечивали стекла приборов.

Надоело. И эти стекла, и черная панель передатчика, и кресло, и стены радиорубки-колодца — смертельно мне все это надоело! И сиди вот в колодце, на дне, один.

Опять заработали моторы. Уверенно, на полную мощность. Корабль вздрогнул... Идем! Накренился, выпрямился... Да, идем.

Кто-то спускается по трапу.

Я обернулся, поднял голову. Это был техник-лейтенант с двести двадцатого. Потом я увидел ватные брюки, телогрейку и лицо пленного.

Последним спустился командир. И в свою каюту он вошел последним, глянув на меня от двери. Я прикусил губу, когда увидел его глаза и резкую складку у рта.

— Нас не вызывали?
— Нет, товарищ командир.
Он еще помедлил.
— Как этот немец напал на вас?
— Не на меня, товарищ командир!
— Но я видел...
— Нет! — Я вскочил. — На боцмана, понимаете?
На боцмана!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Ты встанешь или нет? — спросил Гошин.
И опять стал трясти меня за плечо.
— Сейчас...
Я соскочил с койки на рундук, нагнулся. Где-то здесь, под столом, должны были быть сапоги. Нашел. Поднял голову.
Напротив сидел немец, глотал гречневую кашу.
— Чего он все в нашем сидит?
— Сохнет его-то, — сказал боцман.
Я потер ладонями лицо. Не выпался. С часу до утра на вахте, утром вся эта заваруха, потом Федора подменял. Часа три удалось поспать. Мало...
Я долго фыркал под краном.
— Скоро? — спросил Андрей. — Побриться надо.
— Брейся...
Вытираюсь, опять посмотрел на пленного. Не старый. Лет двадцать. И лицо человеческое... Трудно понять. Невозможно! С одного «Либерти» даже команду снять не успели — все ко дну пошли. А этот — может, он и торпедировал! — сидит в сухом, кашу жрет. Откачали...
Гошин поставил на стол миску с гречкой.
— Ешь.
— Я на камбуз пойду.
— Ешь, — сказал боцман.
— Это вы мне или ему? — кивнул я на пленного.
Пустошный что-то прилаживал между люком и крайней к выходу койкой. Андрей брлся перед умывальником.
Гошин ушел на камбуз и плотно притворил за собой дверь.
Так... Я опять посмотрел на боцмана, понял, что он там прилаживает. А, подвесная... Она выход будет загромождать! А если тревога?
— Ешь, — сказал боцман очень мягко, дружелюбно, а смотрел — вот-вот ударит. — Сиди и ешь, во время еды не разговаривают, когда я ем, я глух и нем, не то всю морду тебе намазлю, чтобы не позорился-то, — ласково окал он. И косился на пленного.

— Поговорили, — ответил я мстительно.

В кубрике тяжелело молчание. Немец перестал есть — ложкой боялся звякнуть. Скребла бритва.

Ладно, я свое съем.

— Сергей за тебя на нож... — начал вдруг Андрей.

Вся кровь бросилась мне в лицо. Я выбрался из-за стола. Как можно спокойнее — пленный смотрел! — надел бушлат, шагнул к трапу и, уже закрывая люк, услышал внизу:

— Гошин! Отдать он хотел нож-то? Сам же ты и говорил... Видал ты?

— А кто его знает, не понял, чес-слово! Вижу только — в одно время выстрел и... р-раз его Сергей обеими ногами! Кетч.

Я постоял около захлопнутого люка: пока глаза привыкнут. К ночной качке приноровиться надо, не видишь в темноте ни палубу, ни край борта.

Стал различать белые вспышки пены.

В океане качка не такая, как в море. Здесь она размашистее. И даже в шторм гребни редко закручиваются пеной. А в море чуть ветер за три балла — барашки. Глубина меньше, пены больше...

Но сейчас ветер был сильнее чем на три балла, и крепчал, и выдувал слезы.

Передо мной проступили очертания рубки — десять шагов от кубрика. Слева стал виден край борта. До него четыре шага. И все. Я почувствовал себя запертым. По трапу вверх, по трапу вниз, проснулся, поел — на вахту, сменился, поел — в койку. А главное, по одной палубе ходим. Никуда не уйдешь. И что ни делай, о чем ни думай, все время будет мерещиться, как боцман шурит свои белесые, будто знает что. Однажды у меня зуб заболел. До войны еще, мы в деревне отдыхали. Все вроде оставалось прежним, но для меня все помертвело вокруг, одна только боль моя жила. Чепуха — зуб, и то света не видел, а теперь не зуб — не выдернешь! Если ты, Пустошный, все знаешь, Гошина-то зачем выспрашивать — разве в этом дело?

На ветру посвистывали фалы, холод пробирал.

Я услышал: кто-то вылезает из кубрика. Может, он? Боцман? Уйти...

Не ушел и не обернулся.

— Ты на вахту? — спросил за спиной Андрей.

Будто не знает.

Потом я сидел в радиорубке. Самое время все спокойно обдумать, а не получалось.

В час ночи пришел Федор. По лицу не видно, чтобы спал до вахты.

— Связывались?

Первое, что спросил.

— Тут записано, — сказал я. — «Как меня слышите, есть ли что для меня, для вас ничего нет»... Три кодовых сочетания.

— Ты чего? — спросил Федор.

Я промолчал.

— Между прочим, — сказал Федор, — тот, что с ножом был, «железный крест» имел...

— Ну да?

— Лично от Гитлера. Пленный на допросе показал.

— Счастливой вахты.

Начало сильнее, чем шесть часов назад, и светила луна.

Едва шагнув от боевой рубки, я увидел две темные фигуры у борта. Один обернулся. Это был Гошин. Второй стонал, перевешиваясь через леер.

Я подошел. Остановился.

Гошин узнал меня, почему-то обрадовался.

— Посторожи его, а? За бушлатом сбегаю, не успел одеться даже — смотрю, он рот зажал, я его за шкирку и сюда, не то весь кубрик загадил бы...

— Давай!

Немец, не разгибаясь, медленно скосил голову, посмотрел из-за плеча и резко повернулся ко мне. Узнал меня.

— Ну, чего испугался? Фашист...

— Найн! Найн! — сказал он и вдруг сел, подняв руки вверх.

Подошел Гошин, спросил:

— Чегой-то он?

— Не знаю...

Немец поднялся и снова принялся травить, перегнувшись через леер.

— Юнга!

— Есть! — я обернулся.

Командир стоял неподалеку, около рубки.

— Зайдите ко мне в каюту.

Справа — койка, задернутая занавеской, слева — стол. Над ним в толстом никелированном футляре часы на стене. Корабельные — двадцать четыре цифры в белом кругу.

— Юнга Савенков по вашему приказанию прибыл!

Стрелки часов застыли на восемнадцати минутах второго.

— Минутку.

Конечно, командир не мог знать, что я передумал за это время. И не затем он, наверное, позвал меня к себе. Но если я смолчу, если не расскажу обо всем, умолчу об умном и глупом, правильном и неправильном, то никогда, никогда уже больше между мной и капитан-лейтенантом не восстановится чувство полного доверия, какое я испытывал к нему. Не останется и не восстановится никогда. А без этого доверия просто невозможно.

Становилось все жарче, и казалось, что грохот моторов за переборкой нарастает.

Я стоял вытянувшись, по лбу у меня медленно сползали капли пота. Грохотали моторы. Часы качались. Не восемнадцать — двадцать восемь минут второго...

— Товарищ капитан-лейтенант, разрешите доложить.

Он поднял удивленный взгляд.

И тогда я все рассказал. Все о том, что произошло, и о чем я думаю.

— Садитесь. Расскажите спокойно, что произошло утром.

— Утром, товарищ капитан-лейтенант, фашист выхватил нож и бросился к боцману.

— Может, он покачнулся. Корабль накренился, и он покачнулся.

— Нет!

— Нет?

— Он не покачнулся, — твердо ответил я.

Я точно знал. Я видел — не покачнулся. Фашист бросился. Бросился с ножом на боцмана. И потом, когда командир выстрелил и фашист выронил нож, он снова схватил его. Мне только сейчас пришло в голову это соображение. Но я не успел его высказать.

— Верю, — командир произнес это устало.

Пусть бы сказал: «Десять суток строгого ареста, когда вернемся», — я бы выпалил: «Есть десять суток строгого!» — и все ясно. Но командир молчал. Это было в сто раз хуже любого наказания. Спишет...

Вот когда Андрей мне рассказывал, как учился играть на скрипке. И когда Пустошный сказал про чернослив: «Юнге оставь, он любит», — и когда я услышал, как отвечает «Вымпел — три». Да мало ли всего? Ведь это со мной было, этого у меня не отнять!

«И не вернуть?» — испугался я, глядя в глаза командира.

Сквозь пот, застилавший глаза, увидел стрелки часов. Они показывали уже тридцать пять минут второго.

— Разрешите идти? — спросил я. Но почему, почему капитан-лейтенант так волнуется из-за фашиста? Потому, что придется доказывать Прайсу? — И мне стало стыдно за эту мысль: командир — не юнга. Он настоящий моряк. Но почему...

— Понимаете, юнга Савенков, — сказал командир, — война флотов, современная война флотов такова, что за всю кампанию можно не увидеть противника в лицо. Представляете, что может значить пленный в таких условиях? Особенно офицер. Это базы, стоянки, фарватеры... Если тот бросился с оружием на вас или на вашего товарища, его следовало обезоружить.

Ничего-то я не понимал. Я понимал, конечно, но понимал все только о себе...

— Можете идти, — сказал командир.

По трапу вверх, по трапу вниз. Десять шагов от рубки до кубрика. И весь океан за кормой...

Спишет...

Я постоял около люка. Было как-то пусто.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Во-оздух! — донеслось с палубы.

И тотчас залился тревожный звонок. Меня словно вынесло наверх. Не глядя по сторонам, занял место подноски-

ка у носового орудия, где мне положено было быть по боевому расписанию. Откинув крышку ящика, подал заряжающему чуть маслянистый, матово блеснувший снаряд.

Я слышал над головой надрывное гудение самолетов. Они, по моим предположениям, были уже близко. Наши орудия могли бы их достать. Но я не глядел по сторонам; слышал — клацнул затвор. Схватил второй снаряд, чтоб, не мешкая, передать заряжающему.

Команды «Огонь!» не последовало...

Даже снаряд в руках. Я видел, как движется по латунной гильзе отсвет солнца — это качает катер, и я качаюсь вместе с ним. Я чувствовал — все замерло у орудия. Но мне нельзя было оглядеться. После команды «Огонь!» не будет и мгновенья свободного, и я не собирался отвлекаться.

Ну, самолеты. Ну, фашистские. И что? Невидаль! Вот собьем если — посмотрю. С удовольствием.

Моторы в вышине ныли, взывали, замолкали и снова принимались выть. Порой так тонко, что их рев казался визгом.

Не выдержал — покосился в сторону.

Совершенно неожиданно увидел задранное кверху улыбающееся лицо Кравченко. Весь расчет смотрел в небо. Тогда я тоже глянул туда.

Ощупью положил снаряд обратно в ящик. Медленно разогнулся.

В небе кружилось самолетов сорок. Не меньше. Я сразу узнал тупокрылые «юнкерсы». Потом наши истребители. И «мессершмитты». Фашисты, видно, хотели прорваться к базе. Не удалось. Тогда они решили закусить нами. Но и тут наши истребители стали у них на пути.

Наших самолетов было очень много. Я еще никогда не видел столько сразу. Они, словно молнии, пробивались сквозь заграждение «мессершмиттов». Лихими разворотами, «свечками» уходили из-под обстрела, рвались к надрывно ноющим «юнкерсам».

Вот почему молчали наши пушки.

Я попытался охватить сразу всю картину боя. Но перед глазами — одна мельтешня. И все время одно: наши истребители преследовали фашистов. Самолеты бросались в пике, взмывали у самой воды, делали мертвые петли, иммельманы, бочки, парекидывались на крыло, шли на боевой разворот. Да как! Такого я не видел даже на воздушных парадах в Тушино. А мы с отцом не пропускали ни одного. Место занимали на щукинском пляже. Купаться можно, и аэродром как на ладони...

Наш и фашист, два истребителя, пошли навстречу друг другу.

Это было почти над нами. Оба сделали боевой разворот — и лоб в лоб. Их моторы заглушили рев всего боя. Я схватился за рукав Кравченко. Это я потом понял — за Кравченко.

Самолеты мчались, мчались, мчались... Не отвернуть уже!

— Ну! — словно простонал Кравченко.

Струсил фашист, отвернул.

А наш прямо в брюхо ему, в желтое брюхо всадил длиннющую очередь.

Дернулся «мессершмитт», запрокинулся — и в море.

Я дергал Кравченко за рукав. Командир орудия посмотрел на меня, отцепил мою руку от своего рукава.

— Крепок парень!

Я понял — Кравченко про пилота нашего сказал.

Вдали от нас, в море, поднялись белые фонтаны воды.

— Бомбы сбрасывают. Чтобы удирать легче было, — сказал Кравченко и рассмеялся.

За тремя «юнкерсами» тянулся дымный след. Теперь мне стало ясно — удирают фашисты, во всю прыть удирают.

Катер догнал волну, зарылся в нее носом. Из якорных клюзов, клюкоча, вырвалась вода, потекла по палубе. Шипела пена.

Ветер дул нам в корму. Он вырвал из-за воротника ленточки моей бескозырки. Они запрыгали у меня перед глазами. Я вспомнил: в суматохе забыл надеть каску, и теперь мне будет от боцмана на орехи. А то и сам командир может вlepить наряд вне очереди.

Но мысль мелькнула и пропала.

Передо мной было море в белых барашках пены на волнах.

В одних местах барашки очень яркие, в других — потемнее. Там на воде лежали тени от облаков.

А впереди, прямо по курсу...

Земля!

Мы заметили ее давно, задолго до того, как на нас попробовали налететь фашистские самолеты. Но тогда мы находились в кубрике. Мы притиснулись к иллюминаторам и видели землю далеко по сторонам. Появляться на палубе нам запретили. И мы понимали этот запрет. Наш корабль военный, а не прогулочный катер. Но все равно нам всем очень хотелось увидеть землю не в стороне, а прямо перед собой, не через иллюминатор, а так, чтобы ветер в лицо, ветер, который донес бы до нас запахи нашей земли.

Я мечтал, чтобы командир вызвал меня за чем-нибудь. Но он не вызывал. Попробовал сам выдумать причину появления на мостике — не выходило. И Пустошный находился в кубрике вместе с нами, хотя он-то уж, конечно, мог стоять на мостике. А теперь он рядом со мной, тихо так, словно земля — мираж, и он боялся спугнуть его своим дыханием...

Земля поднималась из моря, подобно огромной отвердевшей волне. И солнце серебрило вершины увалов, и издали они казались покрытыми пеной.

Ветер дул с моря, подгоняя волны и нас к берегу.

Прозвучал отбой.

Мы прибрались у орудия и спустились в кубрик.

Но и в кубрике по-прежнему не разговаривали. Я и сам не знал почему. Душу переполняло желание такой откры-

венности, нежности и любви ко всему, что нам предстояло увидеть через несколько часов...

Слова об этом наверняка показались бы просто звоном прибрежной больтливой гальки.

На столе валялось в беспорядке домино. Я стал собирать и укладывать костяшки в коробку. Это была недоигранная партия. Ее прервал я. Взглянув на иллюминатор, увидел над морем гряды облаков и принял ее за землю. Потом партию никто не стал доигрывать, и все ждали появления настоящей земли.

Собрав костяшки, я вспомнил, что надо бы надраить пуговицы бушлата и ременную пряжку. И очень обрадовался этому делу. Мне было приятно сознавать, что я первым догадался начать приводить себя в порядок, хотя, конечно, и без этой чистки обмундирование находилось в отличном состоянии.

Однако никто не последовал моему примеру.

В кубрик спустился боцман. Он занял свое обычное место за столом, опершись на широко расставленные локти. Долго смотрел на меня, оценивая взглядом мои старания.

— Трудисься, — сказал он, словно сообщил сам себе эту новость.

— Драю.

— Сегодня увольнения на берег не будет.

— Почему?

— Поговорили.

Наверное, мне так и не привыкнуть к манере Пустошного вести разговор. Да теперь и смысла нет привыкать. Все равно придем на базу, и меня спишут на другой корабль. Не на хороший, конечно. На буксир на какой-нибудь. На такой, что весь свой пар на один гудок израсходовать сможет. Это точно.

Ладно. Нет увольнений так нет. И вдруг я вспомнил, что Федор-то на вахте. Сидит в нашем закутке и даже берега не видел. Мне стало так жаль, что Федор не видел земли, и я решил пойти и подменить его. Как эта мысль мне раньше в голову не пришла? Отличная мысль!

Я пошел к Федору.

— Куда? — боцманский вопрос застал меня на середине трапа, когда я собрался поднять крышку люка. Хотелось мне сказать Пустошному что-либо порезче, да передумал: зачем? Он все-таки хорошо относится ко мне.

— Федору на берег посмотреть надо?

Хотя я и ответил Пустошному вопросом на вопрос, но в том, как я сказал, вопроса не было. Просто так решил, и все. Я даже не оглянулся и не стал слушать, что ответит боцман. У него оставалось достаточно времени остановить меня.

Выскочив из кубрика, я бегом добрался до рубки, проскочил мимо командира, который не взглянул в мою сторону, спустился по трапу к рубке, распахнул дверь.

— Федор! Земля!

Он не обернулся, только кивнул. Кончик грифеля карандаша, зажатого в его руке, сломался. Федор сердито

отбросил его в сторону, взял отточенный и продолжал писать. Я закрыл за собой дверь и стал у комингса.

Закончив прием, Федор протянул мне радиogramму:

— Отнеси командиру.

— Может, ты чайку попьешь? А, Федор? — Я не понимал, как можно отказаться от того, чтобы увидеть свою родную землю, к которой мы шли, пропахав Атлантический океан, Северное море и море Баренца?

Федор стучал на ключе и словно забыл обо мне.

Я вышел. Медленно поднялся на мостик, отдал радиogramму, вернулся в кубрик. Ни на кого не глядя, забрался на койку и стал смотреть в иллюминатор.

Земля, приближаясь, вырастала, становилась словно мысом, особенно высоким в том месте, где был вход в базу, и понижалась по обе стороны от него. Я узнавал эти серые скалы, кое-где на расщелинах поросшие лесом.

И вот я увидел одинокую сосну на утесе. Освещенную солнцем медностволую сосну. Нет, не медностволую. Ствол ее сиял, горел будто. Ослепительно. И от него к моим глазам протянулись золотые лучики. Много-много. Они мерцали и переливались.

Захотелось позвать всех, кто был в кубрике, посмотреть на эту сосну. Но мой голос осекся.

Закат был долгий.

Потом сосна погасла...

Вскоре мы вошли в базу.

Тихо так, просто, будто и не из Америки пришли. А так... Крутились целый день на размагничивании и вернулись к пирсу, от которого утром отошли.

Ошвартовались.

Странные нотки уловил я в голосах Гошина, боцмана, командира даже. Необыкновенные бархатные нотки. Они говорили о канатах, о брезенте, о чехлах, а в то же время и не об этих вещах вроде, словно после легкого толчка-прикосновения о причал в нашей родной базе вещи перестали быть простыми вещами...

Не знаю, как вот сказать, но так было...

Может быть, потому, что смолкли моторы.

Тишина эта казалась неправдоподобной. Давила. Хотелось выковырять ее из ушей. Я ловил себя на том, что вслушиваюсь в молчание. Иногда очень напряженно, как тогда, во время шторма, когда двигатели захлебывались океаном.

Но теперь моторы молчали, потому что сделали свое дело: мы вернулись домой.

Звуки слышались очень отчетливо и громко.

Скрипнул борт о кранцы...

Или это скрипнул брус причальной стенки?

Когда мы ошвартовались, я сразу спустился в кубрик. И боцман и Гошин тоже. Все спустились в кубрик. Ведь увольнения на берег не будет. Какое увольнение на ночь глядя! И словно нам неинтересно было посмотреть на берег.

Очень даже интересно.

Слишком даже хотелось... Так хотелось ступить на свою, на родную, на твердую землю!

И почувствовать, как слегка, чуть-чуть, кружится голова, и причал уходит из-под ног, и надо идти, немного расставив ноги, чтоб ступать увереннее.

Я лежал на койке, свернувшись калачиком.

В иллюминатор мне был виден обшарпанный деревянный брус у причальной стенки. Такие брусы обязательно немного ниже настила пирса. А с бортов свешивают либо сплетенные из пеньковых канатов, похожие на груши кранцы, либо старые автомобильные покрышки. Это амортизаторы, чтобы борт корабля не царапался о пирс при волнении и не портил покраску. И вот против иллюминатора находился как раз такой брус, изодранный в щепу миллионами прикосновений кораблей, пока стояли они, вцепившись швартовами в родной берег.

Не такой представлял я себе встречу с землей, со своей базой.

Ведь мы дважды океан пересекли, четыре моря, если считать туда и обратно. Какие штормяги выдержали! Подлодку утопили!

А катера? Сколько катеров мы пригнали?

И нас встретили так, будто с размагничивания вернулись.

Оркестр, конечно, лишнее. Война. Такие торжественные встречи ни к чему. Ну, хоть митинг бы устроили. Право!

Мелькает и мелькает у меня перед глазами изодранный в щепу брус, чуть светится в сумерках. Не видно мне ни пирса, ни того, что на нем.

— Юнга! — Это голос боцмана.

Я скатываюсь с койки.

— Есть!

— Спал, что ли? Иллюминатор задрай. Свет пора врубить. Чего без света-то сидеть?

Совсем темно в кубрике, все остальные иллюминаторы задраены заслонками. С трудом угадываю, что все сидят за столом, — видно, говорили о чем-то. А я ничего не слышал. И чего мне слушать? Все равно не завтра, так послезавтра спишут с катера.

Старательно задраив иллюминатор, я соскочил с рундука и, взглянув, закрыт люк или нет, врубил свет. Лампочка засветилась слабо, меньше чем вполнакала. Но я все-таки прищурился, чтобы глаза привыкли к свету.

— Сосчитал-то точно? — спросил боцман.

— Может, ошибся на два-три, — ответил Гошин. — Сам же видел — новый пирс в ковше сделан. Выходит, не меньше двух десятков катеров они сами сварили. Ладные такие. Не хуже, чем наш старый. А его на верфи делали.

Мне показалось, что Пустошный грузнее, чем обычно, оперся локтями о стол. Потом боцман долго и солидно прокашливался, словно сидел он в чужом неудобном доме. Приглядевшись к Пустошному, Гошину, Андрею, припомнив наш кубрик, кубрик того старенького, потрепанного катера, с которого мы ушли перед отправкой в Америку, я и вправду почувствовал, что среди этих зеркал, плафонов, полиро-

ванного дерева и занавесочек мы выглядели действительно чужими. Раньше этого не чувствовалось. Ни в Америке, ни по дороге. А вот у стенки пирса в базе почувствовалось. Это было странное ощущение.

Я подсел к столу и тоже, как и боцман, оперся локтями о стол. Тут мне пришло в голову, что я стараюсь сидеть, как боцман, и даже сам с собой разговариваю, как боцман, — ворчу, а не разговариваю. Мне это не понравилось. Все равно от такой привычки отвыкать придется.

При свете разговор как-то не клеился.

— Андрей, может, патефон заведешь? — попросил я.

— Да... — протянул тот и махнул неохотно рукой. Ему явно не хотелось возиться с патефоном. Вот уж необыкновенное дело!

— Да, — уже совсем другим тоном сказал Андрей. — Наши тут времени не теряли. Взять хоть сегодняшний воздушный бой. Сколько «ястребков» в небе! Фашистам и вернуться негде — тесно.

— Здорово! — сказал я. — Такие фигуры выделялись — лучше, чем на воздушном параде.

— Па-ра-де. — старательно выговаривая «а», протянул Пустошный. — Они не на живот, а на смерть дрались, а ты про парад! Болтались мы бог знает сколько времени черт знает где, а принесли — что воды в решете.

— Напрасно ты так, — сказал Гошин. — Эти тоже пригодятся.

— Оно верно — пригодятся. Кто же говорит, что не пригодятся: на войне каждая винтовка пригождается. Только вот за это время-то наши вон что понаделали! Сам считал в ковше. И пирс новый, и катеров не меньше, чем мы пригнали. А про самолеты я не говорю.

— Эх, Майами, штат Флорида! Пляжи, пиво, прогулочки... — нараспев протянул Андрей.

— Наш-то старый потопили фашисты. Со всей командой. И соседний, триста восьмой, что по правому борту от нас швартовался... Тоже. Эх! Ладно, поговорили. Время — отбой.

Вахтенным у трапа я заступал в двенадцать ноль-ноль. Думать об увольнении не приходилось. Поэтому я с утра отправился в радиорубку и принялся чистить аккумуляторы.

— Чегой-то ты? — удивился Федор.

Посмотрев на его вскинутые на середину лба брови, я нахмурился и ответил:

— Сейчас их почистить — плевое дело. А вот зарастут солью, тогда целый день потратишь.

— Гм... Верно.

Вычищая грязь из аккумуляторов, я не мог удержаться и косился на его надраенные до зеркального блеска ботинки, какие не у всякого офицера в такое время можно было увидеть. Заметив мой взгляд, Федор пошевелил пальцами ног, и ботинки скрипнули так певуче, так музыкально, что

у меня даже в носу засвербило от зависти. Я почесал нос.
— Ничего, — сказал я. — У меня тоже такие есть.
На берегу другие юнги глаза проглядят.

— За такое старание... За инициативу благодарность
следует объявить. Верно. Стоит.

Я только шмыгнул носом в ответ. Чего грозиться-то!
Объявить — так объявляй. Ты мой начальник.

Федор постоял еще немного, посмотрел, как я работаю,
потом ушел. Я продолжал чистить аккумуляторы. Дело не
такое уж мудрое — снимать солевую накипь, но отвлекает
хорошо и думать не мешает. Во всем, что случилось, я счита-
л виноватым всех, кроме себя. Сами виноваты. То счита-
ли меня маленьким и маленьким. Пиво пить в Майами —
маленький. В окно, в то, смотреть — тоже. Гожусь только
для того, чтобы портфель таскать за командиром, словно
собачонка. А тут стоило мне только подумать — и пожа-
луйста. Кругом я взрослый и отвечать должен, как взрос-
лый.

Этим размышлениям конца, видно, не будет. Лучше не
думать, но и не думать не получается.

Склянки...

Я посмотрел на аккумуляторы. Они просто блестили.
Приятно смотреть на сделанную тобой работу, даже если
она пустяковая, но очень хорошо сделана. Так, что ты сам
доволен.

Поставив аккумуляторы на место, я переоделся и засту-
пил вахтенным у трапа. В увольнение еще никто не уходил.
Командир находился на берегу у командующего. Мне было
даже немного обидно за ребят. День стоял погожий.

Объявили боевую тревогу.

Над бухтой прошло десятка два наших «ястребков». Где-
то на подходах к базе глухо забили зенитки. Потом за-
молчали.

Вскоре дали отбой.

Вражеских самолетов мы так и не увидели.

Было около двух часов дня, когда на пирсе появился
матрос-коротышка. Сначала я подумал, что юнга какой-
нибудь забрел не на свой причал. Коротышка остановился
у соседнего с нами катера, спросил что-то. Направился
к нашему. Я заранее заступил ему дорогу на трапе. И толь-
ко он стал на мат перед сходней, я громко засвистел
в дудку, вызывая дежурного.

Коротышка посмотрел на меня с интересом.

— Юнга? — спросил он. Посмотрел на меня вприщур.

— Костя!

— Да ты стой. А то от дежурного нагорит, — он, навер-
ное, заметил, что я был готов броситься к нему. — Точно,
Костя.

Я засвистел в дудку что было мочи.

Дежурный прибежал во весь дух. Я слышал, как он
зло топал подковами позади меня. Он собирался дать раз-
нос за такой шум, определенно. Но, подскочив ко мне, он
увидел коротышку у трапа, всплеснул руками, хлопнул
себя по ляжкам:

- Костя!
- Разрешите взойти на корабль, товарищ дежурный.
- Да заходи ты! Чего встал?
- Вахтенный, — Костя кивнул на меня с улыбкой.
- Порядочек...

Костя подмигнул мне, а я ему. Он взошел по трапу, козырнул флагу. Дежурный обнял его за плечи, и они пошли к кубрику. Я только вздохнул. Вот и с Костей поговорить не придется. Кто знает, сколько он пробудет на корабле!

А Костя-то, оказывается, коротышка. Вот не думал! Ведь тогда я его и рассмотреть как следует не успел. Странно, что он такой маленький. Я вспомнил свое письмо, которое придумал для него в Майами. Я вспомнил все, что думал о нем. И он даже перестал казаться таким уж маленьким. Он был в тысячах миль, но я постоянно помнил о нем, о радисте, которого я сменил на катере, помнил, что Костя был ранен в левое плечо, помнил его спор с боцманом и то, что они с боцманом друзья.

Теперь, как никогда, захотелось поговорить с Костей о своих несчастьях, пожаловаться, что меня — ни за что ведь! — собираются списывать на другой корабль, а то и совсем на берег. Костя должен меня понять.

Даже стоя на корме у трапа, я слышал доносившиеся из кубрика веселые голоса, смех. Заводили патефон. Опять пел Собинов. Потом пластинку, которой не слышал никогда. Наверное, Андрей заводил только по самым большим праздникам. Шаляпин исполнял «Дубинушку».

Очень уж мне хотелось быть вместе со всеми в кубрике.

Настроение мое совсем упало.

Забыли, что ли, про меня?

Время тянулось так медленно!

Вахта показалась мне бесконечной.

А главное — Костя мог уйти в любую минуту, и я так и не поговорю с ним.

Я видел и не видел то, что было вокруг, а стоило подумать, как придет из штаба командир, вызовет к себе и скажет. Я представить себе не мог, что со мной будет, если меня спишут. Просто не мог! Просто у меня тряслись поджилки, и все.

Я сдал вахту и собрался опрометью кинуться к носовому кубрику. И увидел на пирсе командира. Он шел ровным широким шагом, ветер настойчиво отбрасывал полу его шинели. Я только тогда и понял — идет крепкий ветер. Такой, что даже слезу вышибает.

Ждать больше не хватало сил. Я решил обратиться к командиру и спросить сразу обо всем.

Он подошел к трапу, тщательно вытер ноги о мат, мягким пружинящим шагом взошел на корабль, отсалютовал флагу.

— Товарищ капитан-лейтенант! Разрешите обратиться!

Мне показалось, что он рассеянно скользнул по мне взглядом.

— Зайдите ко мне через десять минут.

Это было сказано словно на ходу. Он не задержался ни на секунду.

Напросился, юнга Савенков! Что ж, по крайней мере все станет на свои места. Вот и все...

В кубрик я не пошел, остался на палубе ждать, когда пройдут эти длиннющие десять минут. О чем я только не передумал за это время! И о том, как слышал спросонья шум сосен еще там, в школе юнг, которую мы построили своими руками; о том, как заблудились зимой; и как хотели бежать на фронт на шлюпке и вернулись; о Наташе Авраамовой; и о первом дне, когда я пришел на катер; о потопленной «Джесси Смит», о Майами и штормах в океане...

Мне показалось, что я войду в каюту командира и закричу что есть мочи: «Я — моряк!» Так и закричу: «Я — моряк! Я не могу без моря! Возьмите тогда мою жизнь!» И что — заплачу? Глупо!

Я спросил у вахтенного, который час. Прошло, наконец, семь минут. Решил идти не торопясь к каюте командира, хотя и идти-то туда ровно восемнадцать шагов. У двери в каюту терпеливо досчитал до семидесяти. Почему до семидесяти? Выдержки не хватило.

Постучал. Услышал ответ. Вошел.

Командир сидел за столом, просматривал бумаги.

В ответ на уставное обращение командир сказал:

— Слушаю вас, матрос Савенков!

Я вытянулся, как только мог, и затаил дыхание. Ослышался? Нет. Он совершенно четко проговорил: «Слушаю вас, матрос Савенков!» Так это и было сказано.

Наверное, у меня был очень глупый вид.

Командир поднялся из-за стола, подошел ко мне и повторил негромко:

— Я слушаю вас, матрос Савенков.

Спрашивать было уже не о чем. Я оставался на катере!.. Это точно. Совершенно точно. Кто бы стал присваивать звание матроса юнге, которого списывают с корабля? Я уже представил себе, что мчусь во весь опор к баталеру — спрашивать новые погоны, настоящие ленточки на бескозырку, такие длиннющие, что только до пояса не достают.

— Все ясно, товарищ капитан-лейтенант! Разрешите спросить?

— Слушаю.

— Увольнение на берег будет?

— Нет.

Командир прошелся по каюте, снова остановился около.

— Матросом, юнга Савенков, вы стали, но вот моряком еще нет. Наверное, в этом есть и наша вина и ваша. Но я уверен, матрос Савенков, что вы будете моряком. Настоящим моряком.

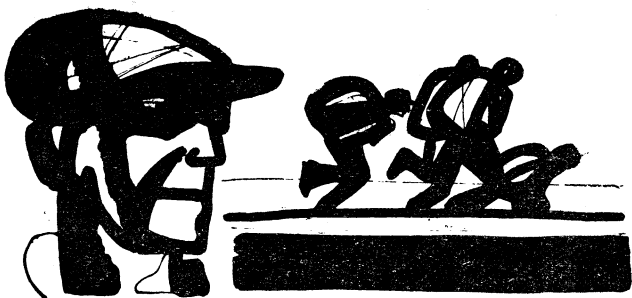
— Товарищ капитан-лейтенант! — Я прижал руки к груди.

— Моряком вы станете.

— Товарищ капитан-лейтенант, а поче...

— Матрос Савенков, можете идти! — И добавил — я уловил лукавые искорки в его глазах: — Скажу вам по секрету, — он взглянул на часы. — Через полчаса мы выходим в море. Это по секрету.

Немало лент западного кино обязано своим возникновением самым коварным преступлениям нашего времени. Начиная с легендарных похождения гангстера Аль Капоне и кончая смертью западногерманской куртизанки времен «экономического чуда» Роз-Мари Нитрибитт, экранизировано довольно много убийств и ограблений, сообщениями о которых в свое время пестрели газеты.

Фильмы, поставленные по сюжетам детективных романов, до последнего времени не выдерживали конкуренции с кинофильмами о реальных преступлениях. Фильмы-ужасы по произведениям Альфреда Хитчкока, Майка Спиллана и им подобных были слишком чужды действительности, чтобы зарекомендовать себя в «ночной практике» преступного ремесла. Даже такое, казалось бы, наглядное пособие по взламыванию сейфов, как фильм «Рифифи», — лишь неумелое упрощение «тяжелого труда» «медвежатников». «Если бы все взломщики сейфов стали работать по методам, показанным в фильме «Рифифи», то правительства смогли бы значительно снизить свои расходы на содержание полиции», — писал один из известнейших защитников преступного мира, западноберлинский депутат д-р Ронге. Ему можно поверить на слово — ведь в свое время он был адвокатом «специалиста» по сейфам Вальтера Панневитца, похитившего в 1951 году два миллиона марок из несгораемого шкафа железнодорожной кассы, считавшегося абсолютно непреступным.

Но вот с виду безобидной английской детективной комедии с приветливым названием «Господа взломщики считают своей честью...» суждено было войти в историю криминалистики. Фильм ясно продемонстрировал, что в действительности при совершении изощренного преступления важны не «кольты» и железные кулаки, а организация, плани-

Сюжет
Продль

Господа Грабители считают своей честью...

Документальная повесть

рование и военная точность. В фильме рассказывалось, как отставной полковник с горсткой товарищей по оружию совершил грандиозное ограбление банка, которое проходило так же гладко, как учения артиллерийской батареи к параду в честь дня рождения английской королевы. Вся Англия от души смеялась, глядя на экран. Даже почтенная лондонская «Таймс» впервые уделила этому «крими» больше внимания, чем обычно, и доброжелательно писала: «...С такого рода «крими» мы можем мириться. В нем было остроумие и очарование, он смотрелся без обычного угнетающего чувства. То, за что платят три шиллинга при входе, может случиться с каждым по пути из кино домой...»

Когда же год спустя отставной майор британских королевских военно-воздушных сил превратил этот превосходный фильм-комедию в действительность, когда пятнадцать грабителей в шестидесяти километрах от Лондона, вблизи местечка Чеддингтон, в самом деле посчитали за честь ограбить почтовый поезд «Глазго—Лондон», то даже у юмористически настроенных англосаксов пропала охота шутить.

Курсирующий ежедневно состав, как правило, перевозил в восьми-десяти вагонах лишь обычные письма и посылки. И только раз в месяц к нему прицепляли специальный вагон, до отъезда наполненный мешками с банкнотами. Эти деньги, в основном однофунтовые и пятифунтовые бумажки, сильно поврежденные, изношенные или загрязненные, изымались из обращения шотландскими банками. В Лондоне банк Англии обменивал их, а затем уничтожал. Это была обычная принятая в банковской технике операция. Но необычным и важным для грабителей было лишь то, что удержанные деньги обесценивались не сразу. Виною тому консервативные инструкции, которые предписывали: денежные знаки не могут уничтожаться по отдельности, а лишь сериями, и только в Английском банке. Это мероприятие формально

служило целям безопасности, однако имело опасный пробел. Банкноты, удержанные в Шотландии или где бы то ни было еще, при перевозке в Лондон уже не охранялись так, как другие деньги. Ведь они считались изъятыми из обращения и все равно должны были быть сожжены. Поэтому с ними обходились соответственно более небрежно.

Этим и воспользовался человек, который хотя и не имел ни малейшего понятия о банковом деле, но с давних пор неизлечимо любил крупные денежные суммы и постоянно вынашивал авантюристические планы. Его звали Брюс Рейнольдс, ему было сорок три года, а что касается внешности и манер — джентльмен лучшей английской школы. В аристократической части Лондона он уже несколько лет владел антикварным магазином, и все, кому приходилось общаться с ним, никогда бы не подумали, что торговля антикварными ценностями, безупречная манера держать себя, отличный оксфордский английский служили лишь маскировкой многочисленных преступлений, которые он тщательно продумывал и осуществлял с помощью своей банды. В Скотленд-ярде хранилась дюжина нераскрытых дел об ограблении банков и ювелирных магазинов, в которых значилось: главный подозреваемый — Брюс Рейнольдс!

Раз шесть Рейнольдса арестовывали, но всякий раз уже через несколько дней его приходилось освобождать за недостатком улик.

И до конца своих дней Рейнольдс будет благодарен Скотленд-ярду за последнее пребывание в камере предварительного заключения, несмотря на все неудобства, которые, как ни говори, причиняет жизнь в тюрьме такому человеку, как он. Именно в этот раз обстоятельства натолкнули его на мысль о совершении грандиозного ограбления.

Рейнольдс несколько дней сидел в одной камере с человеком, которого при нормальных обстоятельствах он никогда бы в жизни не встретил. Но в тюрьме ему пришлось волеяневолей довольствоваться его обществом и выслушивать смешную историю о краже двух двадцатифунтовых банкнот, которую огорченный старик рассказывал от всей души, потому что эти сорок фунтов разбили его жизнь.

Джеймсу Гриффису, маленькому служащему большого английского банка, было почти шестьдесят пять лет. За скудные двадцать восемь фунтов в месяц он сорок лет выполнял тупую, монотонную работу в бронированных подземельях здания банка. Она заключалась в том, чтобы разглаживать старые банкноты, мешками поступающие со всего мира, сортировать по номерам серий, пробивать в них четырехмиллиметровые отверстия и, наконец, нанизывать на бечевку. Проходили годы, прежде чем банкноты одной серии изымались из обращения. А пока поступавшие ранее денежные знаки гирляндами висели в сейфах. Ежедневно сорок лет подряд незаметный Джеймс Гриффис копался в миллионах, а после трудового дня не мог позволить себе ничего лишнего. За три месяца до своего шестидесятипятилетия он получил от дирекции уведомление о том, что может уйти на заслуженный отдых. И в такой почетный день...

Он занимался новой серией двадцатифунтовых банкнот, когда ему в голову пришла злосчастная мысль. Вся серия состояла из ста тысяч банкнот. Пока она полностью будет собрана, пройдут годы. Три — наверняка, а может быть, пять или даже шесть. И если пропадет несколько бумажек, то кому захочется узнавать, кто их украл? А ему оставалось работать всего лишь три месяца. Опасность обыска при выходе из банка была слишком мала. Один шанс против ста тысяч и даже меньше. Настолько редко он подвергался контролю за сорок лет. Почти механически Гриффис не вставил следующие две банкноты в компостер. Вместо того чтобы попасть на бечевку, они очутились в его кармане. Какой смысл теперь гадать, насколько велика в жизни вероятность удачи или неудачи? Ему не повезло: при выходе из банка его обыскали.

Товарищ по камере равнодушно пожимал плечами. Он не мог понять, как можно пачкаться из-за каких-то смехотворных сорока фунтов. Но вскоре история Гриффиса заинтересовала его. Просто потому, что в ней упоминались мешки, полные банкнот. Брюс Рейнольдс начал осторожно расспрашивать старика. Зачем пробивают отверстия в деньгах и нанизывают на бечевку, откуда они поступают, как и в каких количествах их перевозят?

Гриффис охотно рассказывал о своей работе. Ему даже было приятно немножко похвастаться, как много он знал о банковом деле. Несколько раз он бывал в Глазго и помогал наполнять мешки старыми фунтовыми бумажками. Так что Рейнольдсу не составило труда выудить у Гриффиса все подробности транспортировки денег. Самым важным было, пожалуй, то, что лица, сопровождающие поезд, не вооружены, отсутствуют радиостанция и полицейская охрана. Только двери вагона с деньгами снабжены специальным механизмом, чтобы не мог проникнуть посторонний.

Итак, именно во время беседы с бывшим банковским служащим Рейнольдсу впервые пришла в голову мысль о нападении на почтовый поезд. И самое забавное, что идея самого отчаянного ограбления, с которым приходилось сталкиваться Скотленд-ярду за всю его историю, родилась в его собственном доме, непосредственно за спинами лучших детективов.

Однако до нападения на почтовый поезд прошло еще два года, потому что, как можно предположить, только тогда, когда Рейнольдс увидел детективную комедию «Господа взломщики считают своей честью...», расплывчатая идея превратилась в конкретный план.

Полгода ушло на то, чтобы тщательно подготовить ограбление. Из числа испытанных участников прежних преступлений Рейнольдс собрал надежную банду и обучил ее. При этом он строго следил, чтобы ни один из гангстеров не представлял полного масштаба операции. Даже ближайšie доверенные не знали заранее, когда и где произойдет нападение на поезд. Он требовал от своих людей слепого доверия и лишь обещал им, что каждый участник ограбления получит не менее ста тысяч фунтов.

Но в действительности Рейнольдс в случае удачи намеревался выдать большую часть банды полиции. Это предательство имело свою хорошо продуманную психологическую основу. Рейнольдс считал, что в случае, если такое сенсационное преступление останется нераскрытым, то оно мобилизует всю нацию и каждого превратит в детектива. Ни один настоящий англичанин, размышляя Рейнольдс, не стал бы безучастно смотреть на потерю престижа Скотленд-ярда в глазах всего мира. Поэтому если Рейнольдс не хотел подвергнуться преследованию со стороны сотен тысяч людей, то он должен был предоставить полиции возможность достойно проявить себя при расследовании ограбления и помочь ей обезвредить большую часть банды.

Он подстроил это с испытанной ловкостью. У одного лондонского адвоката он снял заброшенную ферму и оборудовал ее под убежище. После ограбления почтового поезда бандиты должны были укрыться там и под видом сельскохозяйственных рабочих переждать первые полицейские розыски. И лишь когда возбуждение общественности до некоторой степени уляжется, они смогут вернуться к своей старой жизни обеспеченными до конца дней. Он заставил участников «операции» поверить в это, умолчав, что уже поручил посреднику в подходящий момент указать Скотленд-ярду на место убежища банды.

Между тем для себя и двух своих ближайших друзей Рейнольдс подготовил более надежный способ побега. Он арендовал спортивный самолет, который стоял теперь, готовый взлететь в любой момент, на частном аэродроме всего в полумиле от фермы.

Подготовленное подобным образом и всесторонне продуманное нападение на почтовый поезд началось рано утром 8 августа 1963 года.

Было три минуты четвертого.

Рельсы начали дрожать, и вдали, как светлячки, показались еще совсем крошечные огни локомотива. Над горизонтом медленно расплзался бледный свет наступающего дня.

Рейнольдс сидел на корточках у серого столба с цифрой «405». Он еще раз испытующе посмотрел на откос насыпи, где в мокрой от росы траве расположилось большинство бандитов. Все они были похожи друг на друга — призраки в темных рабочих комбинезонах и черных масках.

Некоторые грабители держали в руках топоры и ломы, которые предназначались для взлома вагона с деньгами. Огнестрельного оружия ни у кого не было. Даже у Рейнольдса. Зато он снабдил всю группу портативными радиотелефонами, по которым собирался отдавать приказы.

В десяти метрах правее в ночном небе вырисовывался железный скелет светофора. На его служебном мостике, облокотившись на перила, ожидал приказа действовать Чарли Вильсон. Он должен был прикрыть черным мешком зеленую сигнальную лампу и вставить за стекло красного сигнала лампочку, питаемую от карманных батареек. Милей левее такой же прием с сигналом предупреждающего свето-

фора собирался проделать Джонни Дейли. По соответствующей команде ему нужно было зажечь желтый свет.

Незаменимый участник банды, автогонщик Рой Джеймс, в начале нападения бездействовал. Он сидел в кабине пяти-тонного грузовика английской армии, специально украденного перед началом операции и перекрашенного в другой цвет, в доброй миле от места ограбления. Автомобиль стоял на шоссе В 411, под железнодорожным мостом Брайдгоу, чтобы его можно было сразу нагрузить мешками с деньгами. Рой Джеймс, всего одиннадцать дней назад награжденный президентом Ирландского общества автомобильного спорта серебряным кубком за победу в гонках на приз Дублина, посмотрел на светящийся циферблат своих наручных часов и нажал кнопку «прием» радиотелефона.

Было четыре минуты четвертого. Огни локомотива стали крупнее, громче загудели рельсы. Брюс Рейнольдс поднес ко рту радиотелефон. «Джонни, свет!» — коротко сказал он Джону Дейли, находящемуся на дальнем светофоре, а прѳ себя стал считать: «21 — 22 — 23 — 24 — 25». Только через эти пять секунд он должен был дать команду на сигнальный мостик Вильсону, чтобы не вызвать подозрения у машиниста. Обычно на английских железных дорогах для остановки поезда красный сигнал основного светофора зажигается лишь через пять секунд после появления желтого сигнала на предупреждающем.

«А теперь ты, Чарли!» — торопливо крикнул он в микрофон и посмотрел на мостик светофора. С такой же точностью, как было отработано на тренировке, погас зеленый свет и ярко вспыхнул красный сигнал остановки.

Чарли Вильсон слез со служебного мостика светофора, подошел к Рейнольдсу, прилег рядом с ним на гравий и робко зашептал: «А вдруг это не почтовый поезд? Может быть, товарный или пассажирский. Что тогда?» — «Перестань болтать, — напустился на него Рейнольдс. — В это время другие не проходят». Но в душе и он боялся, что в последний момент все пойдет не так, как задумано.

Незадолго до операции Рейнольдс как бы невзначай попросил одного знакомого железнодорожника вычислить время, которое потребуется для остановки поезда. Железнодорожник сказал, что оно составит шестьдесят семь секунд.

Это означало еще одну минуту неопределенности, еще шестьдесят семь ударов сердца в ожидании и страхе перед какой-нибудь неожиданностью.

Во время войны Рейнольдс добровольно вступил в английские десантные войска. Уже в двадцать два года ему присвоили звание майора и наградили дюжиной медалей. Свыше ста раз он прыгал с парашютом за линию фронта, чтобы совершать диверсии в немецком тылу. Он всегда попадал в подразделение смертников, но ни разу не испытывал такого сильного страха, как теперь.

Прошло всего тридцать секунд. Поезд приближался слишком медленно. Уже был слышен скрип тормозов, но еще нельзя было определить, что это за поезд. Вильсон снова начал кликать беду:

— Не дай бог, это военный транспорт...

— Заткнись наконец! — нервно рывкнул на него Рейнольдс. — Мы это сейчас увидим.

Из полутьмы вынырнула передняя часть тепловоза. Рейнольдс держал микрофон наготове, но еще не решался отдать команду к нападению. Ни на одном из передних вагонов не было надписи «Роял Мейл», во всяком случае, Брюс не сразу мог различить ее в темноте.

В Глазго перед отправлением поезда его агент лично убедился в том, что мешки с деньгами погружены, и сообщил об этом по телефону. Во втором вагоне, на котором стояла надпись «Роял Мейл» и номер М 30204 М, находился 121 мешок. Нужно было отцепить первые два вагона и перегнать с помощью локомотива до моста Брайдгоу, где их ожидал Джеймс.

Визг тормозов резко останавливающегося тепловоза прервал размышления Рейнольдса. Локомотив остановился в пяти метрах от него. Прежде чем Рейнольдс успел отыскать глазами нужный вагон, открылась дверь кабины машиниста и мужской голос сказал:

— Позвони-ка в Чеддингтон, узнай, в чем дело, Дэйв.

Потом кто-то спустился с локомотива, пересек насыпь и пошел прямо на Рейнольдса и Вильсона. Поспешно и громко, так, чтобы это услышал приближающийся к ним человек, Рейнольдс крикнул в микрофон условный пароль начала нападения. Двадцатидвухлетний помощник машиниста Дэвид Уитби, направившийся к путевому телефону, по которому он мог позвонить на вокзал Чеддингтона, испуганно остановился. Но прежде чем он успел позвать на помощь, его уже окружили фигуры в масках. Ужас настолько парализовал парня, что он не издал ни звука, позволяя делать с собой что угодно. Вильсон сзади протянул свою огромную лапу и втиснул в его рот тряпку. Потом ему вывернули назад руки и связали их. Вильсон тихо, но отчетливо приказал: «Назад, к машине!»

Несколько бандитов вскарабкались в кабину локомотива и бросились с железным ломом к ничего не подозревавшему машинисту Джеку Миллсу. Тот не сразу понял, чего от него хотят, и крикнул:

— Что за безобразие? Прочь с машины...

Гуманно обмотанный мешковиной лом опустился на его череп. Машинист стал медленно оседать. Один из гангстеров подхватил его и осторожно положил в дальний угол кабины. По железной лестнице втащили насмерть перепуганного Уитби и прислонили рядом с машинистом.

Рейнольдс взобрался между буферами второго и третьего вагонов и расцепил их быстрее, чем это смог бы сделать профессиональный сцепщик. Затем он нажал на рычажок радиоаппарата и приказал: «Всем садиться и ехать дальше!»

Фигуры в масках моментально распределились по ступенькам передних двух вагонов, а те, кому не хватило места, побежали вперед, к локомотиву.

Но с отъездом возникли трудности.

Навыка в вождении тепловоза мощностью в 2000 лошади-

ных сил у гангстеров не было, и дальнейший ход операции зависел теперь от машиниста Миллса. Он уже пришел в себя, но еще находился в оцепенении. Обычно не отличающийся нежностью, владелец скаковых лошадей Вильсон обращался с ним словно медсестра, ухаживающая за больным. Нежно поглаживая машиниста по голове своими огромными ладонями, он мягко, как капеллан, уговаривал:

— Идем, отец! Ничего не поделаешь, мы должны ехать дальше. Если будешь послушным, получишь от нас хорошую пенсию, в десять раз большую, чем тебе дадут на железной дороге. Обещаю тебе...

Слегка пошатываясь, Миллс поднялся. Вильсон обнял его за плечи и вежливо подвел к многочисленным рычагам управления. Но как только локомотив тронулся с места, тон Вильсона резко изменился:

— Помедленнее, пожалуйста! До моста. И ни шагу дальше, иначе пенсию получит твоя семья.

Джек Миллс не удостоил гангстера ни единым взглядом, только пробормотал: «Мне еще не надоело жить!»

Через две минуты локомотив достиг моста Брайдгоу. Рейнольдс, снова принявший на себя команду, приказал проехать еще чуть дальше, пока нужный вагон не остановился точно на том месте, которое предназначалось для выгрузки. Лишь после этого два бандита начали взламывать дверь вагона. Непредвиденная задержка, отцепление от остального состава и дальнейший путь к мосту вызвали подозрение у сопровождающего персонала, состоящего из четырех человек. Однако их сопротивление носило лишь символический характер и было быстро сломлено при виде разлетающейся в щепки двери. В конце концов для банковских служащих пенсионного возраста жизнь была дороже почетной смерти за интересы английского банка.

Дрожа от страха, они позволили бандитам вытащить себя из поезда и послушно легли на насыпь, уткнувшись лицами в гравий.

Выгрузка мешков, до отказа набитых деньгами, не продолжалась и пяти минут. Их передавали из рук в руки до края насыпи, кидали вниз по склону, а там одним махом бросали на ожидающий грузовик.

Уже отряхиваясь от пыли, Рейнольдс и Вильсон настойчиво внушали персоналу поезда:

— Мы оставляем здесь людей. И если вы поднимете шум раньше чем через полчаса, вам придется плохо.

Конечно, это была ложь: кроме Рейнольдса и Вильсона, все члены банды уже сидели, готовые к отъезду, на грузовике. Но железнодорожные и банковские служащие не стали заниматься проверкой. Как и было приказано, они оставались лежать на насыпи лицом вниз, пока прибывшая через полтора часа полиция не освободила их от столь неудобного положения.

Итак, гангстерам не нужно даже было иметь за рулем гонщика, чтобы вовремя достигнуть убежища, расположенного в тридцати трех километрах, на ферме Лэдерслейд.

Для старшего полицейского офицера Малькольма Фьют-

релла, шефа уголовной полиции сельского графства Бекингемшир, ночь с 7 на 8 августа внезапно прервалась в четыре часа тридцать минут. Когда ему по телефону сообщили об ограблении почтового поезда, он недоверчиво покачал головой. Остановить на открытом перегоне поезд и разграбить его — о подобном, несмотря на свой тридцатипятилетний опыт работы в полиции, он знал до сих пор лишь из телевизионных боевиков. Перед тем как отдать приказ полицейскому наряду, он еще раз осведомился у дежурного офицера главного полицейского управления Айлсбьюри: «Как вы считаете, сэр, могло ли вообще подобное случиться?»

Этим «деловым спокойствием» полиции отличались потом все действия против банды грабителей.

Лишь в шесть часов утра, три часа спустя после совершения преступления, уголовная полиция начала исследования на насыпи близ Чеддингтона. Они закончились без результата. Грабителей не могли описать ни машинист локомотива Миллс, ни его помощник Уитби, не говоря уже о семидесяти работниках почты, которые за сортировкой посылок и писем ничего не заметили. Машинист Миллс лишь саркастически произнес:

— Они выглядели, как марсиане, сделавшие вынужденную посадку.

А Уитби смущенно извинился за свое незнание внешности гангстеров.

— Войдите в наше положенине, сэр. У нас были другие заботы, чем замечать, какие галстуки носили бандиты.

Так же безрезультатно прошли поиски с помощью собак-ищейек. Их тонкий нюх то тут, то там улавливал следы бандитов, но все они пропадали у моста Брайдгоу. Там собаки кружились на одном месте и жалобно скулили.

— Итак, отсюда они, очевидно, уехали. Но на чем? — сказал Фьютрелл.

— Я думаю, на грузовике. На чем же еще можно увезти такое количество мешков? — заметил Уитби, чем привлек к себе недоверчивый взгляд сельского детектива.

— Надо полагать, да, — пробормотал Фьютрелл и отдал, наконец, распоряжение (было уже семь часов утра) расставить посты на всех дорогах в радиусе двадцати миль и обыскивать все проезжающие мимо грузовые автомобили.

К середине дня, когда стало ясно, что все надежды получить какой-либо намек на местонахождение грабителей и их добычи напрасны, старший полицейский офицер Фьютрелл решил, наконец, просить Скотленд-ярд о дальнейшем расследовании этого, очевидно, слишком сложного дела. Надо сказать, что в Англии расследование преступлений в основном входит в обязанности местных полицейских властей. Скотленд-ярд не должен вмешиваться по своей собственной инициативе и начинает расследование лишь в тех случаях, когда об этом поступает соответствующая просьба.

Прошло еще несколько часов, пока из Лондона в Чеддингтон не прибыла спешно созданная специальная комиссия. Ее возглавлял сорокадевятилетний Джеральд Макартур,

приземистый, весом в добрый центнер, угрюмый человек, который внешне вряд ли соответствовал обычным представлениям об английском детективе. Коллеги называли его просто «Мистер Мак».

Свое знакомство с обстоятельствами ограбления и результатами длительного и бесплодного расследования, провозвешенного сельским детективом из Бекингемшира, он завершил на том месте насыпи, где двенадцать часов назад лежали в засаде гангстеры.

На карте окрестностей Чеддингтона мистер Мак с помощью куска бечевки и карандаша очертил круг радиусом пятьдесят миль с центром у моста Брайдгоу.

— Они скрываются где-то здесь, — сказал он затем довольно решительно.

Фьютрелл, которому предназначались эти слова, снисходительно покачал головой:

— Тогда мы их давно бы уже взяли, сэр. Не мог же грузовик со всей бандой и мешками денег раствориться в воздухе. Они давно за границей, во Франции или Голландии...

Макартур на мгновение задумался:

— Откуда вам это известно?

Фьютрелл молча протянул протокол допроса водителя автоцистерны, который в четыре часа тридцать минут утра видел, как вблизи местечка Чилтон поднялся одномоторный самолет и полетел в сторону берега.

Мистер Мак оставался в нерешительности лишь несколько секунд, а потом отрицательно покачал головой.

— Одномоторный самолет? Нет! Он не может взять на борт пятнадцать или двадцать человек. Это исключено.

— Кто же в таком случае улетел на нем? Люди, которые живут в этой местности, не могут купить себе даже велосипеда.

Джеральд Макартур не стал ломать себе над этим голову. Он снова указал пальцем на лежавшую перед ним карту:

— Они еще здесь! Это были не новички. Такие не рискуют быть пойманными полицией. Они знали, что в их распоряжении один час. А за один час грузовик не сделает больше пятидесяти миль.

— Тогда укажите мне, где они скрываются, и я тотчас велю накрыть это логово, — сказал довольно язвительно шеф полиции графства Бекингемшир.

— Это я еще выясню. Я загляну за каждый забор, обыщу каждую сторожку, каждую ферму.

Фьютрелл ткнул пальцем в карту:

— На всей этой территории? Такой работой можно заниматься всю жизнь...

Неприветливый, но энергичный человек из Скотленд-ярда не дал себя разубедить и распорядился обыскать все сараи, амбары, фермы и прочие укрытия в радиусе пятидесяти миль. В тот же день радио и телевидение обратились к населению с просьбой принять участие в поисках.

Вечером в двадцать два часа это воззвание Скотленд-яр-

да к населению юга страны услышали также и грабители, скрывавшиеся на ферме Лэдерслейд. Те из них, кто уже спал, проснулись от царящего вокруг шумного возбуждения. «Они хотят обыскать здесь все фермы. И население будет помогать полиции. Нам надо уходить!» Побег Рейнольдса оставил банду без главаря. И теперь они походили на отчаянно напуганных куриц, над которыми парит ястреб.

Каждому хотелось как можно скорее исчезнуть с фермы. Оставленные Рейнольдсом мешки с деньгами (около пятидесяти, как позднее установила полиция) вытащили из тайников, высыпали, и начался буйный дележ. Хотя Рейнольдс не оставил им и тридцати процентов добычи, все же здесь было больше того, что они могли унести. Бандиты наполнили деньгами карманы, закивали за пазуху, но гора банкнот не уменьшалась. Одни начали завертывать их в пакеты, другие подтаскивали ящики, набивали до краев и, отчаявшись, опрокидывали. Ведь то, что они собирались сделать, было бессмысленно. Незаметно добраться до Лондона с пакетами и ящиками, полными денег, почти невозможно, когда округу прочесывает полиция. Банду начала охватывать паника. Бежать, бежать куда-нибудь, лишь бы быть подальше от этих денег и от фермы, которую с минуты на минуту могли обнаружить.

В этой ситуации только одному из бандитов удалось сохранить нервы и восстановить порядок. Вильсон, бывший рабочий конной бойни, ныне владелец скаковых лошадей, был если не самым умным среди них, то определенно самым сильным. Кроме того, у него имелась блестящая идея, как выбраться из создавшегося «финансового затруднения». «Идею» звали Карин Филд. Это была двадцатичетырехлетняя стройная женщина, с которой Вильсон познакомился в одном из дешевых кафешантанов Лондона, где она работала. Не так давно Карин вышла замуж за Бриана Фильда, хорошо зарабатывающего, но не слишком известного лондонского адвоката, у которого Брюс Рейнольдс арендовал ферму.

Вильсон полагал, что господин адвокат будет весьма заинтересован в том, чтобы банда не попала в руки полиции, если ему прозрачно намекнуть, что в противном случае может обнаружиться, какую роль сыграл он сам в осуществлении ограбления почтового поезда.

На следующее утро Вильсон, одетый в костюм простого сельскохозяйственного рабочего, без единого фунта в кармане оставил ферму и поехал на полузаржавленном велосипеде, который он нашел в сарае, в ближайшем селении, откуда позвонил в лондонскую контору адвоката.

В это же утро старший полицейский офицер Джеральд Макартур перенес штаб-квартиру в Айлсбюри, центр графства Бекингемшир. В отеле «Буйвол», который существует вот уже четыреста пятьдесят лет, он приготовился к долгому ожиданию: Скотленд-ярд не дал в его распоряжение необходимого количество агентов, так как вначале не считал ограбление почтового поезда серьезнее любого другого тяжкого уголовного преступления.

Это обстоятельство немало способствовало осуществлению намерения Вильсона. В то самое время, когда он разговаривал по телефону с Брианом Филдом, в отель «Буйвол» позвонил человек, который, не назвав своего имени, сообщил: «Если вы желаете арестовать грабителей, езжайте на ферму Лэдерслейд».

Но в этот день было несколько сотен подобных звонков. Самые разные люди спешили сообщить полиции о своих подозрениях. Располагая только одним помощником и двумя машинистками, Макартур был просто не в состоянии проверить каждое сообщение. Все поступающие сведения записывали и по очереди выясняли их достоверность.

Благодаря этому Вильсону удалось переправить всех бандитов с пятьюдесятью мешками денег в Лондон и укрыть их в доме Бриана Филда.

О том, как это происходило, Скотленд-ярд узнал лишь девять месяцев спустя из западногерманского журнала, которому жена адвоката после осуждения ее мужа на тридцать лет тюрьмы продала за солидный гонорар рассказ о подробностях ограбления почтового поезда.

Предоставим возможность Карин самой поведать, что было предпринято для спасения банды от полиции.

«В первый момент я вообще не поняла, что мог означать загадочный телефонный звонок Вильсона. А Бриан сразу сообразил, в чем дело: «Так вот зачем этому антиквару понадобилась ферма!» — сказал он.

Я смотрела на него, все еще не понимая. Будто разговаривая сам с собой, он продолжал: «А теперь я прямой участник ограбления». Постепенно до меня дошло. Вильсон и этот Рейнольдс, которому Бриан сдал в аренду ферму в Южной Англии, из одной банды. Я посоветовала ему не впутываться. «Иди в полицию и расскажи, чего от тебя требует Вильсон», — сказала я, так как все еще считала, что Бриан не знал, для чего Рейнольдсу была нужна ферма.

Бриан подошел к домашнему бару и налил себе большой стакан виски. «Если я позвоню в полицию, то можно сразу прекращать свою практику». Я смутно предчувствовала, что меня настигает что-то ужасное. «Ну, а до этого ты знал об ограблении поезда?» — спросила я мужа. Он не дал мне вразумительного ответа. «Знал или не знал, все равно теперь уже никто не поверит!»

Грозящее несчастье, которого так опасалась жена адвоката, не заставило себя долго ждать.

Поздно вечером в дверь их прелестного домика позвонили. Она открыла сама, потому что ее муж из-за утренних страхов успел осушить уже две бутылки виски. Перед ней стояли Вильсон и Гудди, один из членов банды. Не представившись, они бесцеремонно вторглись в комнату и здорово рассердились, когда увидели, что Бриан Филд совершенно пьян и не может им помочь. Вильсон не стал заниматься этим «проспиртованным трупом» и обратился к Карин:

— Тогда придется ехать тебе, может быть, это даже лучше, если за рулем женщина.

Она церемонилась недолго, вывела из гаража стремитель-

ный «ягуар», который муж подарил ей к свадьбе, и оба грабителя уселись в нем.

Около двух часов ночи они свернули на ухабистую дорогу, ведущую к ферме. По пути их два раза останавливали полицейские патрули, но вежливо пропускали, увидев за рулем женщину.

Во время отсутствия Вильсона и Гудди ряды оставшихся бандитов поредел. Четверо из них недолго думая набили карманы деньгами и добрались на попутных машинах до Лондона, так и не попав в руки полиции.

План Вильсона увезти бандитов и оставшиеся деньги на «ягуаре» был невыполним. Карин пришлось бы сделать несколько рейсов, и на это потребовалось бы не менее двух ночей. Гонщик Рой Джеймс предложил другой вариант:

— У нас же есть радиотелефоны. «Ягуар» поедет в сотне метров впереди, а мы следом — на пятитонке. И если где-нибудь попадетя полицейский патруль, то Карин всегда сможет предупредить нас.

Вильсон отверг такую возможность:

— Нас два раза останавливали.

Джеймс достал из кармана карту.

— Мы поедем окольным путем по проселочным дорогам. Во всяком случае, нужно еще сегодня исчезнуть отсюда.

После длительных споров предложение было принято. Мешки с деньгами снова погрузили на украденный военный грузовик и начали учить Карин Филд обращаться с радиотелефоном. Но у нее ничего не получалось. Тогда Вильсон решил сесть в «ягуар» на переднее сиденье. И хотя опасность быть схваченным полицией, находясь в машине рядом с женщиной, была значительно меньше, он сделал это с большой неохотой. Наверное, опасался, что Рой Джеймс может по дороге незаметно удрать на грузовике.

Перед посадкой в машину Вильсон заставил бандитов привести ферму в порядок. Все предметы, особенно хорошо сохраняющие отпечатки пальцев, он лично тщательно вытер шерстяной тряпкой. И вот здесь банду постигла первая роковая неудача. В отсутствие Вильсона его коллеги-грабители проводили время за детской настольной игрой, которую они нашли в ящике какого-то стола. Вильсон ничего не знал об этом и потому оставил игру с отпечатками пальцев на ферме. С таким же успехом он мог положить там на стол записку с именами грабителей: ведь среди них не было ни одного, кто бы еще ни разу не имел дела с полицией.

Промах остался незамеченным, и ничто не омрачало хорошего настроения, когда они праздновали на квартире адвоката счастливо законченный побег.

Карин Филд рассказывает:

«Их было восемь человек, тех, кто принес в дом мешки с деньгами и потом остался у нас. Что стало с грузовиком, я не знаю. Наверное, Джеймс проехал несколько кварталов дальше и бросил его там. С троими я была знакома — Чарли Вильсоном, Гордоном Гудди и Бобби Уэлчем. Гонщика Роя Джеймса я узнала по фотографиям в газетах.

Остальные четверо мне не представлялись, а сама я не спрашивала их имен. Мне хотелось только одного — чтобы они как можно скорее и навсегда исчезли из нашего дома. Но они не оказали мне такую любезность. Сначала они как следует выпались, потом принесли из гаража в прихожую мешки с деньгами и разделили между собой добычу. Я не присутствовала при этом, но Бриан рассказывал после, что каждому из них досталось приблизительно по 150 тысяч фунтов. Наконец нам пришлось позаботиться об их костюмах и уведомить жен и приятельниц гангстеров».

Через два дня после того, как бандиты при активной поддержке Карин Филд покинули ферму Лэдерслейд, там, наконец, появились полицейские, чтобы проверить анонимное телефонное сообщение. За последние дни агенты полиции осмотрели сотни мнимых укрытий и поэтому не особенно усердствовали и сейчас. При поверхностном осмотре они установили, что ферму несколько недель никто не посещал, и уже хотели ехать дальше, когда к ним подошел девятилетний мальчик, который вел за собой на цепочке козу. С любопытством он спросил, что это здесь ищет полиция и не пришла ли она сюда за дядями, которые были здесь и заплатили ему за кувшин козьего молока пять фунтов.

Снова все было, как в фильме «Господа взломщики считают своей честью...». В этом кинофильме некий школьник, развлечением которого была игра в «записывание автомобильных номеров», случайно записал номера автомобилей бежавших грабителей и тем самым способствовал свершению правосудия. Здесь же господа грабители почтового поезда, опьяненные деньгами, слишком дорого заплатили маленькому пастушку за литр козьего молока, и он толкнул их в руки полиции.

Детское любопытство не осталось незамеченным, ферму тщательно обыскали и обнаружили вескую улику — настольную игру с отпечатками пальцев большинства бандитов. И, как говорится, крупных птиц упустили, зато на мелких устроили грандиозную облаву, которая стоила английскому налогоплательщику больше, чем полиция смогла вернуть из украденных денег.

Покинув дом лондонского адвоката, гангстеры попрятались в загородных пансионах или в дорогих кварталах английской столицы, где полиция не имела такого бдительного ока, как, например, в Сохо¹.

Однако «рядовые грабители» в конце концов выдали себя полиции, потому что, уже не руководимые твердой рукой, как во время нападения на поезд, они походили на выигравших лотерею, которым внезапно свалилось на голову богатство. Всюду, где они появлялись, их путь был усеян пятифунтовыми банкнотами, которые бандиты тратили с такой же легкостью, как прежде пятипенсовые монеты. Мало-помалу они начали попадаться усиленной между тем группе старшего офицера Макаргтура.

¹ Сохо — квартал Лондона, где сосредоточены различные увеселительные заведения. (Примечание переводчика.)

Гордона Гудди, например, судьба настигла в фешенебельном отеле среднеанглийского городка Лайсестер, где он вместе с девятнадцатилетней манекенщицей Маргарет Перкинс занял княжеские апартаменты. И когда он каждое утро стал заказывать по пятьдесят бутылок шампанского для ванны своей возлюбленной и обил кушетку, принадлежащую отелю, норковым мехом стоимостью 23 000 фунтов, коридорный сообщил в полицию.

Большинство грабителей почтового поезда, мало знакомые с тем, как обращаться с большими суммами денег, обнаружили себя тем, что за свои шикарные автомобили, которые они первым делом приобрели, заплатили наличными.

А вот для Джона Дейли роковым стало совсем другое обстоятельство. Его жена ждала ребенка. Скотленд-ярд это было известно, и клиника, в которой лежала жена Дейли, находилась под наблюдением. Когда Джон навестил жену, сотрудница уголовной полиции, находившаяся там под видом медсестры, узнала его и арестовала.

Гонщик Рой Джеймс под чужим именем арендовал в северо-западном районе Лондона солидный дом. Изменив свое имя, Рой не пожелал отказаться от добытых на автомобильных гонках трофеев. Он хотел украсить ими свое новое жилище и попросил жену принести эти реликвии из старого дома, который, конечно, находился под наблюдением полиции. Два детектива последовали за ней, и судьба Роя Джеймса была решена. Все же арест его происходил, как в хорошем детективном фильме. Когда оба господина из Ярда звонили у двери первого этажа, Рой выбрался через люк на чердак и пытался уйти по крышам, но многочисленный отряд полиции на автомобилях с прожекторами окружил весь квартал. После этого, примирившись с судьбой, Джеймс соскользнул по громоотводу вниз, и его арестовали. В карманах преступника обнаружили 12 041 фунт — деньги, которые он успел прихватить перед побегом. Вместе с этими «карманными деньгами» сумма, возвращенная Скотленд-ярдом из добычи грабителей, достигла 330 тысяч фунтов, что не составило и тринадцати процентов от всех украденных банкнот.

Имя Роя Джеймса оказалось последним, вычеркнутым 10 декабря 1963 года старшим офицером Макартуром из списка разыскиваемых грабителей. По-прежнему не обнаружены Брюс Рейнольдс, Джеймс Уайт, Бустер Эдвардс. Их имена арестованные выдали во время допросов, но места их пребывания не знал никто.

В понедельник, 20 января 1964 года в южноанглийском городе Айлсбьюри начался судебный процесс над чеддингтонскими грабителями почтового поезда и семью другими подсудимыми, которые обвинялись в укрывательстве и пособничестве.

Если до сих пор маленький сонный городок был известен разве только своими знаменитыми утками айлсбьюрской породы, то теперь его название замелькало в заголовках мировой прессы благодаря совсем иной «породе птиц». Хотя процесс длился 86 дней — самое продолжительное слуша-

ние дела, которое когда-либо требовалось британскому суду для вынесения приговора, — все же сотни корреспондентов, фоторепортеров и туристов были очень разочарованы в своих ожиданиях. В редком судебном процессе так мало говорилось о преступлениях подсудимых или, лучше сказать, так много замалчивалось, как здесь. Все непосредственные участники миллионного ограбления объявили себя невиновными и в дальнейшем благоразумно остерегались каким-либо необдуманном словом выдать, что они знают об ограблении почтового поезда больше, чем это можно было узнать из газет.

Обвинение основывалось лишь на двух пунктах. Все сидящие на скамье подсудимых после ограбления почтового поезда располагали огромными суммами денег. Но поскольку номера украденных из поезда банкнот не были известны, то этот первый пункт обвинения выглядел довольно сомнительно. Какое бы подозрение ни вызывало обладание столь крупными суммами, даже господин прокурор не мог доказать, что подсудимые украли их из почтового поезда. Совсем по-другому обстояло дело с отпечатками пальцев, обнаруженными на настольной игре. И хотя все подсудимые искренне уверяли, что знают о ферме Лэдерслейд только по газетам и никогда в жизни не были там, все же они были не в состоянии поколебать доказательную силу отпечатков пальцев. Первый день процесса, к которому было приковано всеобщее внимание, принес достойную сенсацию. В качестве первой свидетельницы выступила привлекательная супруга Бриана Филда. Защитник ее мужа вызвал Карин в суд вовсе не для того, чтобы открыть, каким образом грабителям удалось скрыться с фермы, прежде чем туда пожаловали агенты Скотленд-ярда. Единственной целью выступления Карин Филд в суде было смутить присяжных и запугать их. Она показала, что некий человек, которого она никогда прежде не видела, но который, очевидно, многое знал об ограблении поезда, якобы обещал ей подкупить одного из присяжных за 3000 фунтов, чтобы тот при вынесении приговора ее мужу сказал свое «невиновен». Сначала в зале суда никто не понял смысла этого показания, и прокурор отвел его, сделав замечание, что свидетельница, вероятно, хотела использовать процесс лишь для того, чтобы ее имя появилось на страницах крупных газет. Но несколько дней спустя, когда совершенно неожиданно последовало оправдание главного обвиняемого Джона Дейли, о странном заявлении Карин Филд можно было сделать совсем иной вывод. В разгар судебного процесса председатель суда объявил о снятии с Дейли обвинения, так как представленные доказательства недостаточны.

На пресловутой игре, оставленной на ферме, были обнаружены отпечатки пальцев всех обвиняемых, в том числе и Дейли. В свое оправдание он дерзко утверждал, что за несколько недель до нападения на поезд играл у себя дома в эту игру с друзьями, которые, вероятно, приняли участие в ограблении и имена которых он поэтому не хотел бы на-

зывать. Возможно, без его ведома один из приятелей взял эту игру с собой.

Тот факт, что суд оправдал Дейли и тотчас освободил его из-под ареста, позволяет сделать, пожалуй, лишь один вывод — в действительности за кулисами имелись люди, чьи деньги и власть повлияли на решение судей. И не удивительно, ведь Дейли был одним из самых близких доверенных шефа банды — Рейнольдса, который предопределил, кто сможет скрыться и кому быть арестованным.

Приговор, вынесенный по этому делу, был последним рекордом, поставленным на судебном процессе. Двенадцать обвиняемых, непосредственно принимавших участие в ограблении почтового поезда, суд приговорил в общей сложности к 307 годам тюрьмы. Вышнее наказание — 30 лет тюрьмы — получили: Чарльз Вильсон, Рой Джеймс, Бриан Филд, Томас Уитби, Рональд Биггс и Джеймс Хасси. Остальные получили от 20 до 25 лет тюрьмы каждый.

Тот, кто полагал, что окончание суда в Айлсбьюри завершило скверную главу «Ограбление почтового поезда», вскоре понял свое заблуждение.

13 августа 1964 года газеты всего мира снова подхватили эту тему. Сенсационные сообщения гласили: «Английские грабители почтового поезда осуществили новую смелую операцию!» Ранним утром из камеры бирмингемской тюрьмы был освобожден приговоренный к 30 годам тюремного заключения Чарльз Фредерик Вильсон — ближайший помощник все еще гуляющего на свободе главаря банды Брюса Рейнольдса. Под покровом темноты неизвестные личности проникли в тюрьму, взломав временно сделанную для строительных рабочих дверь. Они оглушили дежурившего ночью тюремщика и по веревочной лестнице доставили Вильсона на свободу. Несмотря на то, что Скотленд-ярд немедленно организовал розыски по всей стране, в которые включилась также международная полиция «Интерпол», Вильсон и его похитители бесследно исчезли.

Впрочем, если вы меня спросите, действительно ли Вильсон был освобожден своими коллегами по ограблению поезда, то я, пожалуй, отвечу так: отчего Скотленд-ярду не быть умнее господ грабителей? Возможно, Вильсон знает, где скрывается главарь и где спрятаны отсутствующие два с половиной миллиона фунтов стерлингов. Поэтому, подумав, Скотленд-ярд мог сам устроить этот побег и использовать еще одну возможность смягчить «неприятное впечатление» от того, что крупнейшее дело в истории преступлений осталось нераскрытым.

Перевод с немецкого
А. САХАРОВА и И. САХАРОВА

От редакции.

Побег Чарльза Вильсона оказался не последним. 8 июля этого года из лондонской тюрьмы бежал приговоренный к 30 годам заключения

еще один участник «великого ограбления», Рональд Биггс.

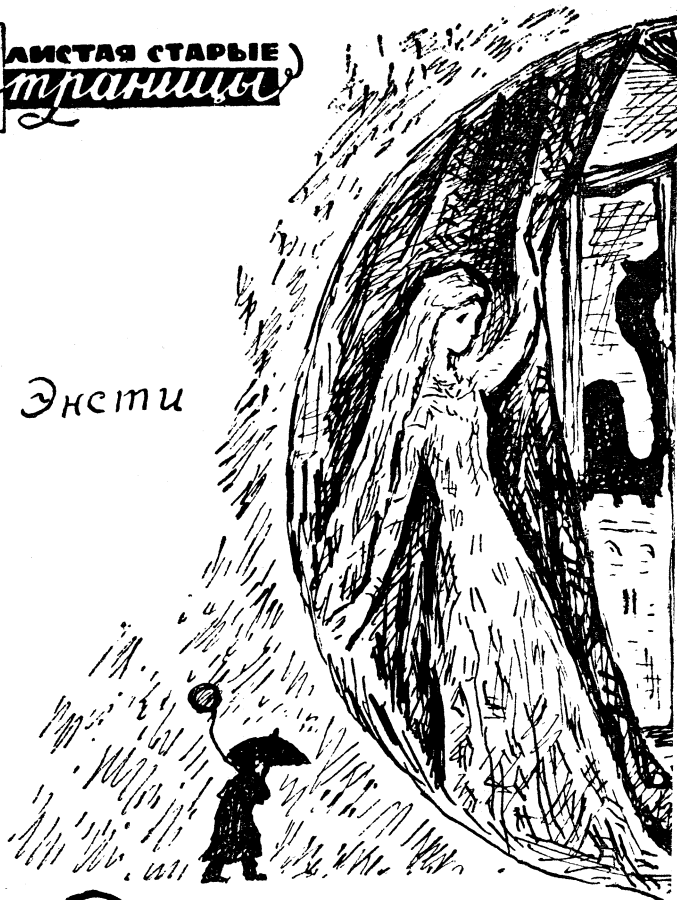
Вот как это происходило. Около трех часов дня, когда заключенные совершали под конвоем четырех охранников свою обычную прогулку, к наружной стене тюрьмы подъехали высокий автофургон для перевозки мебели и три легковые машины. Трое неизвестных вскарабкались с крыши фургона на тюремную стену и сбросили вниз веревочную и складную алюминиевую лестницы. К ним тотчас же устремились Биггс, одетый в особую полосатую одежду — признак того, что это опасный преступник, подлежащий специальному наблюдению, — и трое других заключенных, отбывавших срок за тяжелые преступления. Тем временем остальные арестанты набросились на охрану.

Перевалив через стену, беглецы сели в легковые машины и скрылись в неизвестном направлении.

Побег не на шутку встревожил английскую общественность. Газеты все чаще и чаще намекают на то, что у бандитов, очевидно, имеются связи в высоких государственных сферах. Слишком уж точно знали неизвестные «спасатели» все тонкости тюремного распорядка, слишком легко удалось им устроить «великий побег» двух участников «великого ограбления».

Ф. Энети

Стеклянный

Фантастический рассказ

Уже смеркалось, когда я возвращался домой и усиленно боролся с вьюгой, бившей в лицо вихрем белых снежинок. Не помню точно, на какой улице мое внимание привлекла ярко освещенная витрина игрушечного магазина. Я вспомнил, что обещал племяннику подарок, и вошел в магазин. Народу было много, и мне пришлось

ШАР

Ф. Энсти (1856—1934) — известный английский писатель-юморист, автор многих книг. Самая известная — «Медный кувшин».

Описание чудесных превращений сочеталось в книгах Ф. Энсти с правдивыми бытовыми картинками. Он часто использовал фантастику для юмористического изображения английского буржуа, высмеивая его нравы, его нелепые представления о законах, приличиях и морали.

Рассказ «Стеклянный шар» был впервые опубликован на русском языке в журнале «30 дней» в 1929 году.

Рисунок В. ЧЕРНЕЦОВА

ждать, пока приказчик займется со мною.

В ожидании я рассматривал игрушки и увидел стеклянный шар. Вы знаете эти шары: внутри обычно плавают восковые лебеди или стоит картонный замок. Но шар, привлечший мое внимание, был несколько иным. Никаких фигур внутри не было, только тысячи белых точек застыли в нем, как снежинки.

Я стоял и смотрел на шар и вдруг заметил, что снежинки двигаются. Они падали сначала медленно, потом все быстрее, пока не превратились в настоящую снежную бурю. Они вылетали из шара и окружили меня; я понял, что нахожусь на улице и куда-то иду. Идти было трудно: вьюга слепила глаза и не позволяла видеть окружающего. Потом я сообразил, что иду не по улице, а скорее по полю.

Вдали зачернела какая-то глыба, которая при ближайшем рассмотрении оказалась... замком! Да, да, настоящим средневековым замком с башнями, бойницами и подъемным мостом. На сторожевой башне развевался диковинный флаг, а прямо передо мной темнела арка железных ворот. Пока я размышлял, соображая, в какую же часть Лондона занесла меня снежная буря, в воротах открылась калитка, и из нее вышел старик весьма почтенного вида. Вместо ливреи привратника или фрака мажордома он был одет в старинный костюм сенешаля¹. Я, собственно, не знаю, что такое сенешаль, я никогда не видел живого сенешаля, но определил безошибочно, что этот вымерший тип находится передо мной.

— Добро пожаловать, храбрый рыцарь! — сказал он дребезжащим тенорком. — Добро пожаловать! Верное сердце подсказало мне, что несчастная госпожа моя обретет покровителя в своей тяжелой неволе, хотя она уже потеряла надежду на ваше долгожданное появление.

Я ответил, что меня никто не приглашал, а я пришел сам, заблудившись на улице.

— Да будет благословен ваш приход! — воскликнул старик на своем старинном диалекте. — Моя госпожа так нуждается в защитнике!

Я объяснил, что действительно юрист и что, если его госпожа действительно нуждается в моей помощи, я охотно дам ей нужный совет.

— Но умоляю вас, храбрый рыцарь, — заторопился старик, — не подвергать себя опасности. Войдите в замок!

Пожалуй, он был прав. Мудрено ли простудиться в такую погоду? Я только недоумевал, почему мой зонтик болтается в чехле, но тут же обнаружил, что в руке у меня нитка детского воздушного шарика, который постукивает о мой цилиндр. Я несколько смутился. Воздушный шарик — не лучшая эмблема в руках адвоката, идущего к незнакомому клиенту. Вспомнив про игрушечную лавку, я пытался объяснить старику, что шарик — подарок для племянника, но он, не слушая меня, втащил в калитку и так резко хлопнул дверью, что нитка лопнула и шарик скрылся в снежной вьюге.

— Не жалейте о нем, о милостивый сэр, — сказал старик, — он сделал свое дело, приведя вас к нашему замку.

Я пожал плечами: старичок-то, видимо, был с придурью. Он провел меня через большой двор, потом по узкой лестнице и коридорам в большой тускло освещенный зал, увешанный и устланный коврами. Здесь он попросил меня подождать выхода хозяйки дома.

¹ Мажордом — дворецкий; сенешаль — дворецкий и церемониймейстер в средневековых замках.

Вскоре пришла и она сама.

Жалею, что не могу подробно описать ее, так как плохое освещение мешало мне рассмотреть ее, но во всяком случае, она была молода, лет восемнадцати, в каком-то странном блестящем платье, с длинными, распущенными по плечам волосами. У меня мелькнула мысль, что хозяйка, как и сенешаль, не вполне нормальна, однако в ее словах и действиях я не усмотрел ничего особенно странного. Красота же ее произвела на меня, сознаюсь, сильное впечатление.

— Правду ли мне сказали? — воскликнула она. — Вы пришли освободить меня, доблестный рыцарь?

— Дорогая леди, — начал я, — мне сказали, что вы нуждаетесь в моей помощи. Позвольте вам сказать, что я весь в вашем распоряжении. Прошу кратко и ясно изложить ваше дело.

Она всплеснула необычайно красивыми руками:

— Ах, рыцарь, нет на свете принцессы, более несчастной, чем я!

Я был польщен доверием столь интересной особы.

— Очень огорчен этим обстоятельством, леди, и прошу подробнее рассказать о вашем деле.

— Как? — удивилась она. — Вы не знаете, что меня угнетает злой тиран — дядя?

Я хотел ей объяснить, что не имею времени следить за всеми великосветскими скандалами, но решил держаться строго официально.

— Насколько я понял, вы сирота и вышеупомянутый неприятный родственник является вашим опекуном?

Она наклонила прелестную головку.

— Он держит меня в плену в этом страшном замке, он лишил меня всех радостей жизни и оставил только одного старого слугу!

Я ответил, что это, конечно, злоупотребление опекунской властью, и поинтересовался причиной:

— Может быть, есть кто-нибудь, кого вы...

— Нет, мне еще ни разу не разрешили взглянуть ни на одного мужчину, я сижу здесь, как в темнице. Но я скорее умру, чем соглашусь на ужасный брак. Вы должны спасти меня.

— Разумеется, я приложу все усилия, чтобы найти выход из столь неприятного для вас положения. Пытаясь принудить вас к браку, ваш опекун явно нарушил свои полномочия. Закон всецело за вас.

— Ах, я знаю, что он негодяй, а вы будете моим рыцарем. Как вы думаете освободить меня?

— Учитывая все известные мне обстоятельства, я счел бы целесообразным начать с обоснованной жалобы на лишение свободы. Вас вызовут в суд, и я не сомневаюсь, что судья решит дело в вашу пользу. Я полагаю, что он лишит вашего дядю звания опекуна, и вы поступите под надзор опекунского совета.

Мне известно, как трудно бывает клиенту освоиться с юридической терминологией и постигнуть механику судопроизводства. Хозяйка замка явно не поняла меня.

— Но вы забываете, рыцарь, — воскликнула она, — что мой дядя известный колдун и только рассмеется в ответ на решение суда!

— Тем хуже для него, леди. Тогда он будет привлечен к суду по обвинению в непослушании. А если его считают колдуном, то у нас найдется еще один козырь. Если бы мы могли доказать, что он пользовался неким тайным способом для обмана или нанесения кому-либо вреда, мы можем возбудить против него дело, как против мошенника и подозрительной личности. Ему будет грозить тюремное заключение до шести месяцев.

— Ах, рыцарь! — нетерпеливо перебила красавица. — Вы тратите драгоценное время на речи, из которых я понимаю меньше половины. А между тем приближается час его появления. Если я опять откажу ему, его гнев будет ужасен.

— Вам просто не следует входить с ним в пререкания, а направить его ко мне. Я сумею убедить его. Если вы ждете его визита, разрешите мне переговорить с ним.

— О, к счастью, он еще далеко отсюда! Но как вы не понимаете, что спасти меня можно только до его прибытия?

— После тщательных размышлений, — сказал я, подумав, — я должен заявить вам, что, поскольку существует опасение насильственных действий со стороны этого необузданного человека, я имею право, в обход необходимых формальностей, освободить вас от опеки теперь же и взять на себя всю ответственность за возможные последствия.

— Простите меня за нетерпение, — сказала красавица с чудной улыбкой, — я рада слышать, что могу рассчитывать на помощь храброго рыцаря.

— Согласитесь со мною, леди, что, будучи холостяком, я не имею возможности предложить вам убежище в своей квартире. Я могу предложить вам дом моей тетки в Кройдоне, заботами которой, смею надеяться, вы останетесь довольны. Все это, конечно, на время, вплоть до выяснения положения. Я думаю, что ваши сборы в дорогу не будут слишком продолжительными.

— Бегим сейчас же!

— Вам следовало бы взять хоть ручной саквояж. Вы успеете собрать все необходимое, пока ваш слуга кликнет такси. Действительно, к чему медлить? Что нам мешает отправиться сию минуту?

— О! — с восхищением сказала она. — Вы даже не боитесь дракона?

Я усмехнулся: красавица, видно, не забыла еще сказок детства.

— Полагаю, что в настоящее время ни один дракон не может считаться серьезным препятствием. Вам же известно, что драконов практически не существует...

— Вы уничтожили его! — воскликнула она. — О, если дракон убит, волшебник не удержит меня! Как давно я не смела выглянуть в окно! А теперь я могу...

Она отдернула штору, закрывавшую окно, и испустила крик ужаса.

— Вы меня обманули! Он жив! Посмотрите!

Я подошел к окну. Оно выходило во двор, а во дворе... Я отвер глаза. Над замковой стеной с зубцами покачивалась отвратительная шишковатая голова крокодила на гибкой длинной шее жирафа, с зелеными мутными глазами, устремленными на замок. Остальная часть туловища скрывалась за стеной, но я

и без того убедился, что это дракон довольно солидных размеров. Теперь я понял, что сенешаль предостерегал меня не от насморка.

Я молчал, не в силах что-либо сказать.

— Вы удивляетесь, рыцарь? — сказала принцесса. — Но разве вы не знали, что дракон сторожит меня по приказу дяди?

— В первый раз об этом слышу.

— Но вы, рыцарь, найдете способ уничтожить злого гада?

— Гм, гм, позвольте сначала закрыть занавеску. Думаю, что дракон не заинтересуется моим появлением и позволит мне спокойно обдумать положение. Итак, вы сказали, что этот не внушающий доверия зверь принадлежит вашему дяде?

— Да.

— Тогда я полагаю, что вашего родственника можно привлечь к суду по обвинению в отсутствии надзора за животным, опасным для общества, гуляющим без привязи и без намордника. Ему будет предложено немедленно уничтожить дракона.

— Плохо же вы знаете моего дядю, если думаете, что он согласится уничтожить своего последнего дракона!

— За отказ на него будет наложен штраф в размере двадцати шиллингов за каждый просроченный день. Так или иначе, я обещаю вам, что, выбравшись отсюда, я приму все меры к скорейшему вашему освобождению.

— И вы уверены в успехе?

— Да, если, конечно, доберусь до дому. Тогда завтра же с утра я попытаюсь убедить суд, что закон может быть распространен не только на собак, но и вообще на всех опасных животных...

— Но вы понимаете, что время идет! Только вы можете освободить меня от этого гнусного червя. Убейте его, рыцарь!

На это я не мог пойти: в наше время адвокаты уже не вступают в рукопашную за интересы клиентов...

— Если бы его с какой-нибудь стороны можно было сравнить со слепым и пугливым червем, я бы, пожалуй, не поколебался напасть на него.

— О, вы сделаете это! Как я рада! — не поняла красавица.

Она была так очаровательна, что у меня не хватило духу отказать ей наотрез:

— Я с радостью сделаю для вас все, что не противоречит закону и здравому смыслу. Но прошу вас принять во внимание, что мое вооружение и броня состоят лишь из пальто, цилиндра и зонтика. У него явный перевес в оборонительном и наступательном оружии.

— Вы правы, мой рыцарь, — согласилась она, — я не могу требовать от вас столь неравного боя. Все будет устроено.

Она хлопнула в ладоши, тотчас же появился сенешаль, который, очевидно, торчал у замочной скважины.

— Благородный рыцарь желает сразиться с драконом. Его нужно вооружить для опасного боя.

Я хотел возразить, что ее выводы слишком поспешны и прямолинейны, но старик рассыпался в столь цветистых и бесконечных благодарностях, что я не мог вставить ни слова.

— Проведи рыцаря в оружейную, — приказала красавица, — и предоставь ему оружие и броню, достойную его храбрости.

Рыцарь, я не знаю, как выразить вам мою благодарность! Я знаю, что вы сделаете для меня все! Но если вы погибнете в бою...

Я хотел протестовать, но она продолжала:

— Но нет, вы не погибнете! Сердце подсказывает мне, что вы победите, и тогда, — она зарделась, — вы можете требовать награды, даже моей руки... — и она в смущении скрылась.

Я попал в затруднительное положение. Логика говорила, что такое задание слишком необычно для адвоката, призванного давать юридические советы. Даже если бы мой подвиг удался, в чем я имел все основания сомневаться, то от огласки могла пострадать моя репутация. Что же касается предложенного вознаграждения, то женитьба на эксцентричной красавице была бы с моей стороны весьма опрометчивым шагом. Однако, вспомнив прекрасную улыбку принцессы, я лишь вздохнул и последовал за слугой. Он повел меня через огромную сводчатую кухню, кишевшую полчищами тараканов.

Оружейная была в жалком состоянии: ржавые кольчуги пришли в негодность и лопались на мне одна за другой. Согласитесь, что сражаться с драконом и одновременно поддерживать сползающую кольчугу было невозможно.

— Ничего из этого не выйдет, — сказал я, надевая пиджак.

— Неужели вы хотите сражаться в этой одежде? Это безумие!

— Вот именно, друг мой! Поэтому я хочу просить вас, чтобы вы, не подвергаясь ненужному риску, подразнили дракона с одной стороны замка, чтобы я мог беспрепятственно выйти с другой стороны.

— О жалкий трус! — воскликнул он. — Вы оставляете на погибель прекрасную принцессу!

— Оскорбления ваши я пропускаю мимо ушей: принцессу я бросать не собираюсь. Я хочу лишь сходить домой и вернуться с оружием более современным, чем все эти примитивные копыя и топоры.

В самом деле, я одолжу у приятеля-охотника винтовку с равными пулями или приглашу его самого, и дракон будет ликвидирован в два счета.

— Но, рыцарь, — возразил сенешаль, — выйти отсюда вооруженным — значит погибнуть.

— Нелогично, — ответил я, — ведь дракон не пытался причинить мне вреда, когда я входил сюда...

— Входить сюда можно, но выходить нельзя.

— Ну, он может и не знать о моем уходе.

— Увы, он ползает вокруг замка и бросится по вашим следам.

— Гм, значит, вы думаете, что мне лучше остаться?

— Только до возвращения волшебника. После этого я бы не поручился за вашу безопасность.

— Неужели он так бессердечен, что выставит меня из замка на съедение этой противной гадине? Конечно, я обязан исполнить требование оставить его дом...

— Дракона можно победить только силой или хитростью. Ведь вы же знали, зачем шли сюда.

— Клянусь вам, друг мой, я и сам не знаю, как попал сюда!

Пожалуй, вы правы: если я не прикончу эту тварь тотчас же, она прикончит меня через некоторое время. Но с чего начать?

Вдруг меня осенило вдохновение. В замке есть тараканы. Где есть тараканы, там есть и состав для их истребления. Я бросился на кухню и перерыл все. Наконец в запыленном глиняном сосуде я нашел заплесневевший состав, явно пригодный для уничтожения вредных насекомых. Вспомнив, что драконы летают, я решил, что с некоторой натяжкой его тоже можно причислить к насекомым, а раз так, то... Я потребовал у недоумевающего сенешаля каравай хлеба и стал густо его намазывать отравой.

— О рыцарь! — воскликнул он. — Еще не все потеряно. Не спешите губить свою молодую жизнь!

— Не волнуйтесь, это для дракона. Проведите меня на крышу или куда-нибудь, где можно потолковать с ним о легкой закуске.

Дрожая, слуга подвел меня к лестнице, по которой я поднялся на площадку башни. Подползши к зубцам, я увидел дракона во всей его красе. Не думаю, что сильно ошибусь, считая, что он немногим больше скелета диплодока в Британском музее. Окраска его чешуи была красивее, чем у удава, но на взгляд неспециалиста он был не слишком приятен. Он дремал. Вероятно, я неосторожно шевельнулся, потому что вдруг розовые пленки на его глазах поднялись с шумом железных штор, и он с любопытством взглянул на меня. Затем он поднялся, его голова стала вытягиваться на длинной шее, пока не появилась над зубцами. Я, разумеется, благоразумно отступил, держа в протянутой руке зонтик, на конце которого висел аппетитный каравай.

Очевидно, чудовище было очень голодно. Сверкнули зубы, челюсти щелкнули, как крышка чемодана, и хлеб вместе с зонтиком исчез в кровавой пасти.

Голова дракона исчезла. Я слышал противный хруст пережевываемого зонтика, потом все стихло. Дракон облизывался. Видимо, зонтик показался ему желанным лакомством. Но сердце мое замерло: если зонтик из хорошего шелка, с деревянной ручкой прошел так безболезненно, то произведет ли впечатление старая отравка? Я решил, что предприятие безнадежно. Закуска ему понравилась, он скоро попросит еще, а что я ему могу предложить? Не сходить ли в самом деле за секирой? Может быть, он подавится ею?

Но вдруг я заметил, что дракон начинает беспокоиться. Сперва он слегка подергивал шеей и хлопал глазами. Затем распушил страшный гребень на хвосте и перегнулся, стараясь ухватить свой зубный мешок, откуда, очевидно, исходила причина беспокойства.

Я не специалист и плохо знаю быт и нравы драконов, но видел, что ему не по себе. Но в чем причина: отравка или зонтик? А от этого зависит судьба красавицы и меня самого.

Вдруг дракон яростно замычал, заревел, стал хлопать кожаными крыльями и кататься по земле в конвульсиях.

«Ясное дело, от зонтика», — решил я.

Последний раз вскрикнул дракон и замер на боку, хрипя, как

испорченный автомобиль. Потом поблекли его яркие краски, и он затих.

«Несомненно, зонтик!» — подумал я.

К победе я отнесся без излишнего энтузиазма. Святой Георгий, специалист по убийству драконов, нашел бы мою систему неспортивной, но ведь важен результат, а не все ли равно — копые или зонтик?

Я уже собирался идти объявить красавице о своей удаче, как вдруг в воздухе загудел самолет и я увидел, как сверху без всяких приспособлений на меня летит грозный пожилой джентльмен. Я понял, что это и есть дядя девушки.

Только тогда я осознал, что моя горячность толкнула меня на поступок, не соответствующий профессиональной этике. Уничтожив хотя и свирепое, но не принадлежащее мне животное, я, несомненно, совершил незаконное деяние. Поэтому, когда мистер колдун с перекошенным от ярости лицом спустился на башню, я решил, что должен принести ему свои извинения. Я вежливо снял цилиндр и ожидал, что он скажет.

— Вам отпускают, сэр? — сказал он.

И тотчас все исчезло: замок, волшебник, дракон, — и только медленно кружились крохотные снежинки в стеклянном шаре.

— Вам нравится этот шар с вьюгой, сэр? Цена всего один шиллинг, — продолжал приказчик. — Очень подходящий подарок для ребенка, сэр. Сейчас мы их продаем больше двух дюжины в день, сэр...

Перевод с английского
Е. ТОЛКАЧЕВА

А. КРЫМОВ

ПО ЗАБЫТЫМ СТРАНИЦАМ

Прокурор Галилей

В журнале «Электричество», который с самого своего рождения в 1881 году считался очень солидным и серьезным изданием, однажды появилось такое объявление:

НЕ БЫЛЬ, НО И НЕ ВЫДУМКА

*Электрический рассказ
В. Чиколева*

*С рисунками художника-декоратора К. М. Иванова
и др.*

*Интересно для всякого интеллигентного читателя,
тем более для техника.*

Произошло это в апреле 1895 года — на самой заре электрического века. Имя автора, одного из крупных русских электротехников, было хорошо знакомо читателям журнала. Но Чиколев обращался на этот раз не к узкому в те времена кругу специалистов-электриков, а ко всем, кого волновали проблемы развития науки и техники. Именно поэтому его «Электрический рассказ» — книга в несколько сот страниц — не утратил интереса и сейчас.

Прежде всего поражает уверенность автора в торжестве электричества.

Электрическое освещение еще только начинало свое победное шествие, а Чиколев уже видел залитые светом города и села; электричество едва начинало внедряться в быт, а Чиколев уже описывал дома, где все приводится в действие электрическим током, фермы, на которых электричество пахнет и молотит; электричество еще только научились получать с помощью паровых машин, а Чиколев уже доказывает, что жечь уголь в паровозах нелепо. Ведь в нашей стране столько рек, и на наших просторах есть где разгуляться ветрам! Вода и ветер — это даровые источники энергии, которые будут приводить в движение поез- да будущего.

Крупнейшие ученые прошлого века были рады, если для опы- тов с электричеством у них имелись лаборатории из несколь- ких комнат. А Чиколев горячо доказывал, что уже пришло вре- мя создать «институт экспериментального электричества», где бы в тесном содружестве работали ученые и инженеры...

Когда герой романа, утомленный долгим осмотром института, наконец, уснул, ему померещилось, что он снова попал в зал заседаний, где присутствовал днем на диспуте крупнейших уче- ных, но на этот раз в зале заседал суд.

На скамье подсудимых, к ужасу героя романа, сидели Фара- дей, Тесла и многие другие творцы электротехники. Обвините- лем же выступал Галилей. Его гневная речь заслуживает того, чтобы мы привели хотя бы часть ее.

«— Я, представитель науки начала XVII века, являюсь перед вашим судом... чтобы обвинить ваш век в лице светочей науки и передовых электриков вашего времени в бездеятельности, а лично их — в зарывании талантов своих в землю. Вы торжест- вуете, что отняли у Юпитера гром и молнию и заставили их работать в пользу человека. Какое самообольщение! Вы только издали протянули к ним руки, а Юпитер спокойно спит и еще не заметил ваших попыток. По всему земному шару вы рассея- ли ваш расхваленный до восторга электрический свет, а позвол- те узнать, какую долю затраченной на него энергии вы утили- зируете в единственно полезные вам лучи света?.. Или, может быть, вы уже достигли прямого и экономического превращения тепловой энергии в электрическую? Или вы способны аккумуля- лировать, употреблять и передавать, когда и где вам нужно, громадные запасы чистой энергии Солнца, падающей воды, живой силы ветра? Нет! Во всем этом вы сделали только жал- кие попытки с мизерными результатами...

В заключение скажу вам, подобно Архимеду: «Дайте мне ваш институт экспериментального электричества, и я отниму у Юпи- тера гром и молнию, укрошу их и передам в ваше распоряже- ние! Дайте мне институт, и я заставлю Солнце быть вашим главным работником, послушным орудием вашей воли!»

ИНСТИТУТ ВСЕХ НАУК

Умер миллиардер... Такое никогда не проходит незамеченным. На день или на неделю — это зависит и от количества миллиар- дов, которыми распорядился покойник, и от того, какие еще события потрясли мир в тот день, когда траурный кортеж при-

ближался к кладбищу. Однако на этот раз газетная сенсация приняла необычно затяжной характер. Выяснилось, что умерший завещал все свое состояние ученым. Но не какому-то университету или институту, а всем ученым мира сразу. Единственным условием щедрого мецената было создание института для сотрудничества ученых всех стран, где бы исследователи всех специальностей могли спокойно думать, спорить, ставить опыты и учить тех, кто пожелал бы прибегнуть к высокому и трудному искусству познания истины.

Более года кипели споры, в которые оказались втянутыми крупнейшие ученые мира, пока душеприказчики покойного миллиардера не пришли к заключению, что предложенный проект института отвечает надеждам и требованиям жертвователя. Еще несколько лет ушло на постройку института, но вот, наконец, его двери гостеприимно распахнулись, и во множестве аудиторий и лабораторий началась кипучая деятельность.

Подробный отчет о работе необыкновенного института был опубликован русским ученым, известным исследователем анабиоза профессором П. И. Бахметьевым на страницах научно-фантастического романа, озаглавленного «Завещание миллиардера», с подзаголовком «Метод разработки естественных наук в будущем», в 8-м и 9-м номерах журнала «Естествознание и география» за 1904 год.

В романе Бахметьева в известной степени были предвосхищены традиции, возникшие в среде ученых позднее. Это традиции Сольвегских симпозиумов, где единственным требованием к участникам споров было наличие у них оригинальных идей, и Павловских сред, и семинаров Ландау, где никто не делал различия между маститыми учеными и зубастыми студентами... Споры, доказывая свою правоту, требуй строгих доказательств от величайших авторитетов науки, верь в неограниченные возможности человеческого разума, но не теряй при этом чувства юмора и никогда не обижайся на критику единомышленников и инакомыслящих...

И была в романе П. И. Бахметьева одна особенность, отчасти роднящая его с романом В. Чиколева. По ходу действия в нем излагались дискуссии по жгучим проблемам современной науки — науки начала XX века.

Чиколев вывел на сцену подлинных ученых трех столетий, свел их в одной аудитории фантастического института и вложил в уста Галилею свои идеи.

Бахметьев же осмелился заставить спорить живых современников, каждый из которых мог легко обвинить его в искажении своих взглядов.

В светлых аудиториях института, в тенистых аллеях его обширного парка, в галереях огромной библиотеки ежедневно начинались дебаты по разным важным проблемам науки. И лишь одну предосторожность принял автор романа: Менделеева он имитовал Менделеев-II, Крукса — Крукс-II и т. д.

И вот что еще очень любопытно. Роман Бахметьева показался некоторым современникам правдоподобным, научно достоверным, документально точным.

*Читайте в будущем году
первые произведения мо-
лодых советских фантас-
тов и приключенцев.*

На 1-й стр. обложки —
рисунок П. ПАВЛИНОВА к по-
вести Л. ПЛАТОВА «Когти
тигра».

На 2-й стр. обложки —
рисунок Г. КОВАНОВА к рас-
сказу Р. ШЕКЛИ «Особый ста-
рательский».

На 4-й стр. обложки —
«Верхолазы-монтажники». Фото
Э. БРЮХАНЕНКО.

Редакционная коллегия: А. П. ДНЕПРОВ, И. А. ЕФРЕ-
МОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Н. И. КОРОТЕЕВ, В. С. САПАРИН,
Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

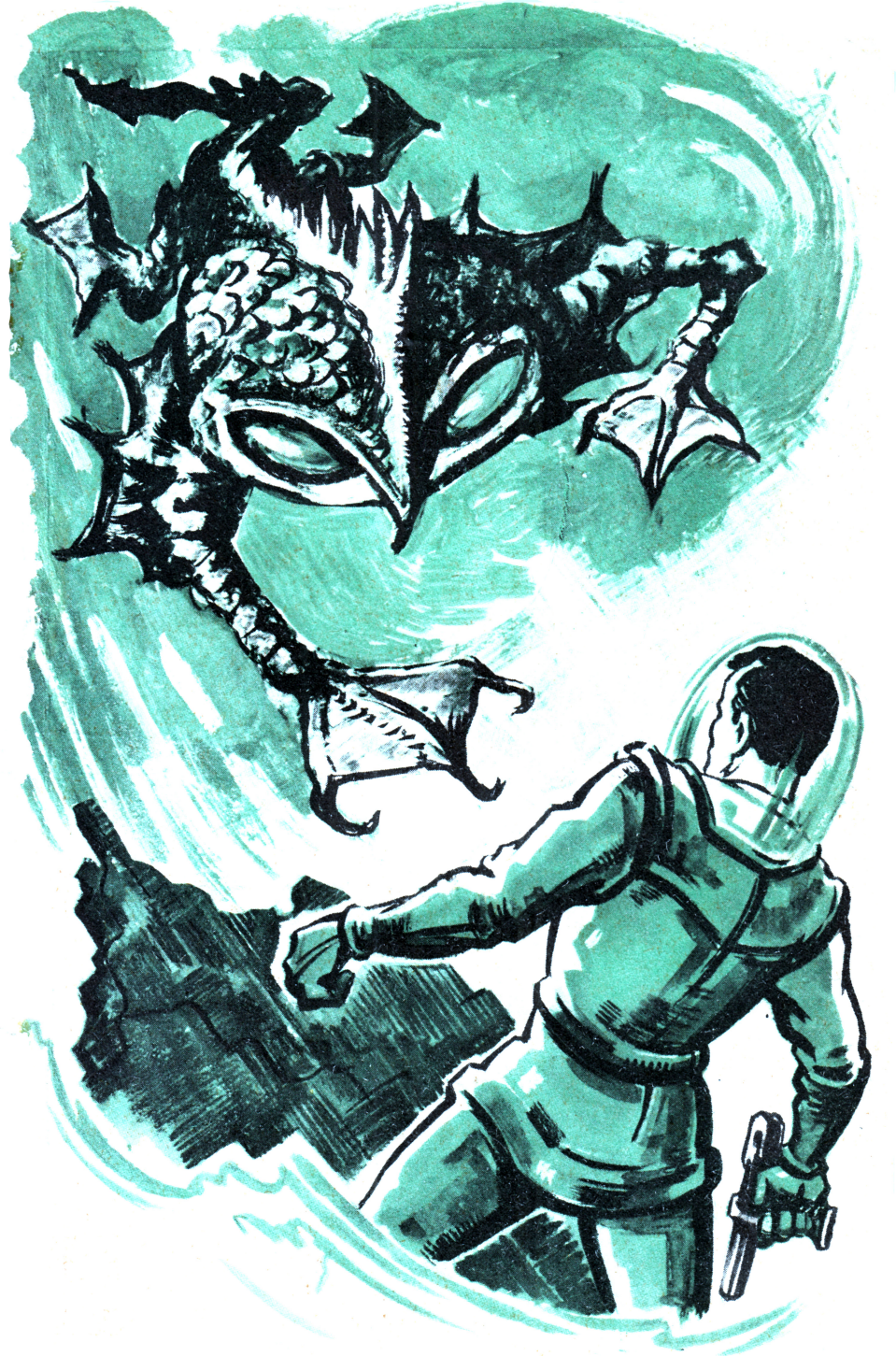
Художественный редактор Г. КОВАНОВ

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, А-30, Суцевская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 4-10.

А10756. Подп. к печ. 16/XI 1965 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 645.

Отпечатано с матриц типографии «Красное знамя» издательства «Молодая
гвардия» на Киевской книжной фабрике Государственного Комитета Совета
Министров УССР по печати. Киев, Воровского, 24.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.